

ПУТЬ ПАМЯТИ

Письма с фронта и воспоминания
участников Великой Отечественной войны.
Произведения томских писателей
о Великой Отечественной войне

ББК 84(2Р)6
П90

Путь памяти. Письма с фронта и воспоминания участников Великой Отечественной войны. Произведения томских писателей о Великой Отечественной войне. – Томск: областная писательская организация, 2019. – 392 с.

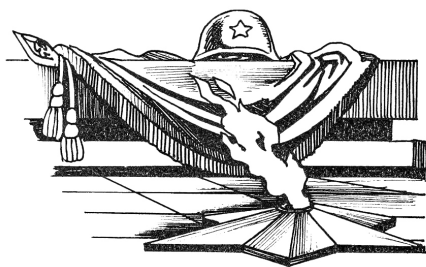
Дорогой читатель, вы держите в руках вторую книгу из серии «Путь памяти», которую подготовила к изданию Томская областная писательская организация. Книга издаётся к 75-летию Великой Победы нашего народа. Эта серия будет продолжаться и дальше, чтобы память не иссякала. Она нужна нам всем, но особенно нашим школьникам. На базе этих книг томские писатели развернули долгосрочный проект «Путь памяти». Предстоит много встреч, мы подарим эти книги библиотекам школ нашего региона, ветеранским организациям.

Мы сердечно благодарим за помощь в издании этой книги председателя Томского областного совета ветеранов Николая Васильевича Кобелева, председателя Томского городского совета ветеранов Николая Игоревича Мозеля.

*На обложке – рисунок томского художника
Бориса Перцева*

© Томская писательская организация:
составление, издание, 2019

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Перед вами – письма с фронта и воспоминания участников Великой Отечественной войны.

При подготовке к изданию этой книги перед редакторами стояла дилемма: либо отредактировать тексты, сделав их литературно и композиционно грамотными, как это требует литературная и журналистская практика, либо – согласно требованиям академической науки – оставить всё как есть. Передавать особенности речи, сохраняя индивидуальность рассказчика, в том числе – все «неправильности» и логические несвязанности рассказа или письма. Это значительно затрудняет восприятие текста читателем, к тому же – грамматические, речевые и стилистические ошибки «принимают» образ рассказчика. И всё же, несмотря на колебания, мы решили максимально сохранить особенности первооригинала.

Потому что вдумчивый и внимательный читатель, следуя за ходом мысли и особенностями письма или речи человека, может не только почерпнуть важные фактические свидетельства, но и проникнуть во внутренний мир рассказчика.

Мы очень хотели бы, чтобы наши читатели проделали эту важную работу. Знакомясь со свидетельствами ветеранов Великой Отечественной, взглянули на происходившие события глазами этих людей. Чтобы за письмами и рассказами увидели войну, поданную не официально, и не художественно, а как повседневность. Как тяжёлую работу.

13 ФЕВРАЛЯ 1945-ГО МЫ ВЕРНУЛИСЬ С ТОГО СВЕТА...

*О боях за освобождение Будапешта
рассказывает фронтовик*

Более 60 лет прошло с того незабываемого победного года. В памяти навсегда остались впечатления от боёв за Будапешт. И до сих пор мне иногда снятся свист пуль, разрывы мин и снарядов, тяжкие бомбовые удары, лязг и грохот «тигров» и «пантер». Такова солдатская доля всех, кому выпало счастье жить, уцелев в аду крошечном.

Будапештской предшествовала блистательно завершившаяся Яссо-Кишинёвская операция в конце 1944 года, когда советские войска, развивая успешное наступление, вышли широким фронтом к границам Югославии и Венгрии. Самой длительной и кровопролитной была борьба за освобождение Венгрии. В трагедии этой страны, втянутой во Вторую мировую войну вопреки желанию и воле большинства её народа, самую подлую роль сыграли венгерские правящие круги, сотрудничавшие с фашистской Германией. За выполнение союзнических обязательств Гитлер способствовал присоединению в 1940 году к Венгрии южной части Словакии и Закарпатской Украины, а также Северной Трансильвании за счёт Румынии. Этот акт позволил фашистам окончательно прибрать к рукам Венгрию. Благодаря шовинистической пропаганде удалось на некоторое время одурманить часть населения, особенно молодёжь, и втянуть страну в войну против Советского Со-

юза. На германо-советском фронте находились свыше 200 тысяч венгерских солдат и офицеров.

Освобождение Венгрии потребовало огромных усилий и потерь наших боевых товарищей. К 12 декабря 1944 года войска 4-й гвардейской армии под командованием генерала Г. Захарова, входившей в состав 3-го Украинского фронта, вышли на рубеж Адонь – озеро Веленце, юго-восточный берег озера Балатон. На правом фланге они соединились с частями 46-й армии 2-го Украинского фронта. Таким образом, в окружении оказалась 200-тысячная будапештская группировка гитлеровских солдат и офицеров. Однако дальнейшее наступление наших войск остановило упорное сопротивление врага, занявшего заранее подготовленный рубеж обороны – «линию Маргариты».

Завязались жестокие бои за столицу Венгрии. Даже в этих условиях командование советских войск проявило гуманизм, предложив войскам противника капитулировать во избежание больших потерь среди мирного населения. Но гитлеровцы не приняли мирных предложений, более того, убили наших парламентарёв – капитана М. Штейнмца, венгра по национальности, жившего в Советском Союзе, и капитана И. Остапенко.

О злодейском поступке гитлеровцев узнал каждый солдат и офицер. Для уничтожения войск в Будапеште формировали специальные штурмовые группы и отряды из числа добровольцев, в первую очередь комсомольцев и коммунистов. В одну из них вошёл и автор этих строк. Командовал штурмовыми группами генерал И. Афонин, а после его ранения – генерал И. Манагаров. Только после демобилизации удалось узнать, что в героическом штурме Будапешта принимали участие и мои земляки-шегарцы: Николай Васильевич Герасимов, Василий Иосифович Кошелев, Григорий Дмитриевич Кропочев, Фёдор Михайлович Мишуков, Иван Калинин, Николай Степанов, Петр Трубачев... Были бойцы и из других районов области: Дмитрий Мамонтов, Василий Кочеров, Сергей Стоянов, Николай

Мойструков, Константин Ужegov, Алексей Луков и другие.

Штурмовые группы вооружили до зубов. Приходилось выбивать фрицев из каждого подъезда, этажа, дома. В городе с раннего утра и до поздней ночи стояли сплошной вой и грохот от разрыва мин, гранат и снарядов. Свои впечатления о пережитом хорошо и точно выразил майор Полежаев в главе «Будапештские бои» из книги «Знамена Победы»: «Я четвёртый год на войне. Участвовал во многих сражениях. До сих пор думал, что самая сложная форма боя – встречный. Теперь после Будапешта скажу, что нет ничего труднее уличного боя. Кто прошёл через это, тот прошёл через огонь, воду и медные трубы, и для него больше ничего не страшно».

Немецкое командование принимало самые отчаянные усилия, чтобы деблокировать окружённую в Будапеште группировку. Первый мощный удар был нанесён силами пяти танковых и трёх пехотных дивизий 2 января 1945 года в направлении Бичке, Буда... Ценой огромных потерь противник вклинился в нашу оборону на глубину 30 километров. По степени оснащённости ударная группировка фашистов многократно превосходила наши войска. Вторым удар был нанесён 7 января из района северо-западнее Секешфехервара. Враг делал попытки нанести контрудар по войскам 3-го Украинского фронта и на протяжении 35-километрового участка от Шаркерестеша до озера Балатон. Здесь были сосредоточены отборные части вермахта, в том числе танковые дивизии СС «Мёртвая голова», «Викинг», бригада штурмовых орудий, дивизион «Королевских тигров»...

Для соединений 3-го Украинского фронта обстановка сложилась трудная. Образовался 50-километровый разрыв между Дунаем и озером Балатон, не занятый советскими войсками. От несмолкаемых бесконечных боёв тряслась и осыпалась земля в окопах. Пехоте по цепи был дан приказ: «Танки пропустить, пехоту отсечь!». 22 января наступление противника на этом участке было остановлено. Но

враг по-прежнему рвался к Будапешту, сосредоточив на этом направлении три танковые дивизии СС и дивизион «Королевских тигров», насчитывавших до 220 боевых машин. Получив достойный отпор, понеся огромные потери в живой силе и технике, 26 января фашисты перешли к обороне. Именно наши, советские солдаты пресекли все самые ожесточённые попытки прорвать кольцо окружения. Ведя бой за каждый квартал, за каждый дом, проявляя невиданную стойкость и храбрость, наши воины с честью выполнили свой интернациональный долг, разгромили вражескую группировку в Будапеште.

13 февраля 1945 года нам не забыть никогда. В этот день столица Венгрии Будапешт была полностью освобождена от фашистов. Наши войска захватили в плен 138 тысяч солдат и офицеров противника, большое количество боевой техники.

Во время короткой передышки после боёв один из моих товарищей вдруг сказал: «Кто останется живым после войны, пусть напишет статью под заголовком «13 февраля 1945 года мы возвратились с того света». В этот момент я вспомнил, что 15 февраля мне исполнится 20 лет. Начали поздравлять, качать на руках. Нашли где-то виноградного вина и отметили мой первый фронтовой юбилей. И через столько лет я выполняю пожелание своего боевого товарища – пишу эту статью.

Передышка была короткой. Впереди нас ждали новые жестокие бои. Предстояло разгромить Балатонскую группировку врага, прорвать оборонительную линию «Маргарита», захватить нефтеносный район Надьканижи и выступить дальше на Вену и Австрию. Страна ждала от своих сынов новых подвигов. Благодарные народы мира – окончательного освобождения от ига фашизма.

***Порфирий ГЛАЗЫРИН,
участник героического штурма Будапешта
в феврале 1945 года***

СТРАШНО ЛИ БЫЛО НА ВОЙНЕ?

*Вот как отвечает на этот вопрос
ветеран-фронтовик*

*«Просыпаемся мы, и гро-
хочет над полночью то ли
гроза, то ли эхо прошедшей
войны...» Да, память у фрон-
товиков и с годами не сти-
рается, не тускнеет. Сидит
война в нашем сознании не-
меркнущим чувством побед
и потерь. Мы победили, но
сколько нас осталось ле-
жать на тех кровавых полях
войны.*

Вот об этом я часто думаю. Погибли миллионы людей. И это не абстрактные цифры. Среди этих миллионов мой отец, три родных дяди, мои близкие люди, фронтовые друзья. «Ну, что ж, – говорю я себе, – это война. Надо смириться». А как? Меня до сих пор колотит при воспоминании о наших красноармейцах и красных командирах, попавших в плен в первые дни войны. Как это могло случиться? Ведь мы гордились своей армией. Нас уверяли, что противника мы будем бить на его территории.

Тем удивительнее, как, несмотря на жестокие поражения, в горниле войны шаг за шагом рождалась и крепла совсем другая армия – армия победителей, спасающая мир от коричневой чумы фашизма.

Лично мне довелось испытать и горечь войны, и безмерную радость Победы. В войну я словно «с неба свалился». В июне 1943 года после окончания Томского артилле-

рийского училища в звании лейтенанта был направлен на фронт. И оказался в 3-й гвардейской танковой армии. В штабе получил направление в артдивизион. Поехал с двумя попутчиками – пехотными капитанами. В полыхающей огнём деревне один из капитанов, остановив машину, указал рукой на опушку леса: «Там твой дивизион». Выскочив из машины, я сразу оказался в кромешном аду. Вокруг всё скрежетало, грохотало, сверкало огненными сполохами. Машину, из которой я только что выбрался, разорвало в клочья. А над горевшим селом на бреющем полёте снова-ли «мессеры». Укрыться было негде, и я долго лежал, не шелохнувшись, чтобы не поймать пулю немецкого лётчика, осколок бомбы либо огненную головешку, которые так и летали в воздухе. Наконец самолёты скрылись, а я мало-мало очухался и стал выбираться из догоравших развалин деревни.

С такого эпизода началась моя Курская дуга. Об этой величайшей битве Второй мировой войны, где сошлись в смертельной схватке тысячи стальных машин и, кажется, все силы фронта, написано немало. А со мной живут личные воспоминания. Шли на таран танки, горели. Из них выскакивали ослеплённые огнём танкисты в горящих комбинезонах. Потеряв ориентировку, они бежали навстречу врагу. Много погибло на Курской дуге нашего брата. А некоторые армии, как моя 3-я гвардейская танковая, настолько обескровели, что были выведены в тыл на формирование.

Следующий, как говорят, судьбоносный для меня бой был на Днепре в октябре 43-го, куда вышла наша бригада. Передовые части, в основном пехота, форсировали реку и «зацепились» за правый берег. Фашисты теснили их, пытаясь сбросить в воду. Мне со своим артиллерийским взводом приказано было переправиться на тот берег и помочь пехоте удержаться, чтобы обеспечить плацдарм для высадки крупных воинских соединений.

Приказано переправиться. А на чём? Не то что паромы или габаритных плотов, лодок не было. Но приказ надо выполнять. Привезли из соседней полусожжённой деревни брёвна и доски. Соорудили два плота. Затянули на них пушки... на руках, весом по три тонны каждая. А ещё ящики со снарядами. Обессилели мои солдаты, а не до отдыха. Отчалили от берега, и попали под чудовищную бомбёжку. Вода в реке кипела, как в банном котле. Пули градом стучали по плотам и пушкам. Доставалось и людям. Потеряли двоих бойцов. Но до правого берега всё-таки добрались. Наскоро перевязали раненых и сразу же: «К бою готовьсь!».

По приказу командира дивизиона занял боевую позицию на краю берёзовой рощи. Сентябрь, ещё тепло. Впереди большое зелёное поле упирается в холм. Там немцы. Сейчас они начнут атаку. Танки и пехота шли завораживающе красиво. Как на параде. Идут на мою огневую, на меня идут. Почему не стреляют? Психическая атака? Вспомнилась десятки раз виденная сцена из «Чапаева» и слова комдива: «Психическая? А чёрт с ней, давай психическую!». Сердце тревожно, но в какой-то жуткой радости задрожало: «Чёрт с ней!». И было страшное сражение. О нём я рассказал в своей книге «Ты помнишь, товарищ?».

А ещё есть такая запись в архиве Министерства обороны СССР. Из политдонесения:

«Член ВЛКСМ, лейтенант Л. И. Селиванов при отражении контратаки противника огнём из орудия подбил два танка и одну бронемашину. Командир артдивизиона представил тов. Селиванова для занесения в Книгу почёта имени 25-летия ВЛКСМ». Это был октябрь 1943 года.

Что дальше? Дальше был госпиталь и наивное сочувствие врача, молодой симпатичной женщины: «Ещё бы чуть-чуть, миллиметр, и осколок пропорол бы тебе кишечник». И я бравирую: «На войне чуть-чуть не считается». А было мне тогда 19 лет. А дальше снова война, бои,

походы. С 3-й танковой я прошёл Украину, Польшу, расписался в Берлине на рейхстаге и пошёл освобождать Прагу. Не дошёл, ранили. И День Победы встретил уже в госпитале.

Как давно это было. Но многое навсегда сохранилось в памяти. Иногда встречаюсь с молодёжью. Порой слышу наивный вопрос: «Страшно на войне было?». Что тут ответить? Конечно, страшно. Но нами владело чувство ответственности за Родину. Нет, мы не говорили друг другу высоких слов, но чувствовали: за нашими спинами – наша страна, наши близкие, родные люди. Нет, не сдадимся врагу, защитим свою землю, свой народ. И мы очень надеемся, что в трудную минуту, если, не дай Бог, придётся, нынешнее поколение тоже выполнит свой долг перед Родиной!

Какую же победу мы сегодня празднуем? Мы празднуем величие духа советского человека, отстоявшего мир на Земле и завещающего своим потомкам беречь его как зеницу ока.

Леонид СЕЛИВАНОВ,
участник Великой Отечественной войны

ТРИЖДЫ РАНЕННЫЙ, ПОХОРОНЕННЫЙ, НО ЖИВОЙ...

В ноябре 1942 года, после своего первого ранения и выздоровления в военном госпитале, я в составе маршевой роты был направлен на Северо-западный фронт. По прибытии на место был определён в 55-й отдельный штурмовой лыжный батальон. Но в связи с тем, что в Ленинградской области снега ещё не было, мы действовали в пешем порядке и располагались в небольшом лесном массиве. А 2 декабря 1942 года выступили на передовую позицию. Основной состав батальона шёл по бревенчатому настилу, а мне командир батальона приказал идти стороной по перелеску со связистом, который тянул провод. На передовой мы соединились с составом батальона. В траншеях находилось много солдат и офицеров. С нами были в том числе и солдаты 79-й стрелковой дивизии в новых шинелях.

Большая часть солдат батальона располагалась в блиндажах. А так как мы пришли позже, то и заняли вынужденно траншеи. Нам приказано было пойти в наступление в 16.00 после залпа «катюш». Однако противник узнал об этом, очевидно, через данные разведки. Примерно за полчаса до начала атаки фашисты открыли ураганный артиллерийский огонь. Обстрел был настолько интенсивным, что началась паника, и много солдат погибло. Идя по траншее, я то и дело натыкался на тела убитых товарищей. Вскоре меня ранило в левую руку. Хотел обратиться за помощью в медсанбат, располагавшийся в одном из блиндажей. Но он был разбит прямым попаданием снаряда. Неподальёку лежали убитые медсёстры.

Пришлось под непрерывающимся огнём добираться до медсанчасти второго эшелона. Не знаю почему, но по бревенчатому настилу я не пошёл, решил возвращаться

тем же путём, которым мы недавно прошли вместе со связистом. Выбор оказался правильным, потому что артиллеристы перевели огонь с переднего края именно на настил. И все, кто шёл по нему, к сожалению, погибли. Возле расчёта «катюш» меня заметили медсёстры и сделали перевязку. Это было очень своевременно, потому что вскоре кровь пропитала все бинты.

Однако, увидев, что я перевязан, в медсанчасти мне не стали оказывать первую помощь.

Возможно, поэтому меня и не записали «живым». Я сдал свой автомат и пошёл пешком в госпиталь, который располагался примерно в 8 километрах от медсанбата. Поскольку возить раненых было не на чем, всех, кто мог ходить, направляли туда пешком. По пути в госпиталь встретил «хлебовозку». Мне дали целую булку. Я шёл и отщипывал хлеб. В полевом госпитале мне сделали новую перевязку и уже на автомашине отправили в глубокий тыл, в Горьковскую область.

Из госпиталя я написал письмо домой, сообщив, что ранен и нахожусь на излечении. А мать, между тем, уже получила «похоронку». Получив моё письмо, все обрадовались и удивились, что я живой, и принялись бомбардировать письмами начальника госпиталя, проверяя, действительно ли я жив. После чего однажды начальник вызвал меня к себе в кабинет и заставил написать ещё одно письмо матери под его диктовку.

А в военкомате меня уже записали в список погибших, так как почти весь наш батальон пал в том фронтовом лесу. На стеле в Лагерном саду в г. Томске и на площади Победы в г. Асино записано: Галанов Николай Алексеевич 1923 года рождения, рядовой – погиб в бою 3 декабря 1942 года в Ленинградской области Половского района, в д. Дубровица. Но я не только остался жив, но и продолжал воевать.

Н. ГАЛАНОВ,
инвалид Великой Отечественной войны, г. Томск

ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЁННО

Хорошо сохранилось в памяти начало войны – тот солнечный воскресный день 22 июня 1941 года, когда я подростком, работая прицепщиком на тракторе, возвращался домой с ночной смены. В деревне стоял шум, рев и плач женщин и детей, собиравших на фронт своих мужей, отцов и братьев. Никто не знал, вернётся ли домой, когда и в каком состоянии.

Только из деревни Романовки Томского, а тогда Туганского района, ушли на фронт 114 человек, и лишь 49 вернулись домой.

65 моих земляков пали в сражениях и навсегда остались лежать в западных областях нашей страны. Уже в августе 1941 года в Романовку пришли первые похоронки: на Алексея Фёдоровича Дудина, Николая Петровича Домрачева, Иосифа Ульяновича Козлова, Александра Дмитриевича Медведчикова, Фёдора Андреевича Мокшина и других моих односельчан, погибших, защищая Москву, Ленинград и Смоленск. В 1942 году вернулись из госпиталей изуродованные, искалеченные и недолго прожившие после такой мясорубки: Павел Иванович Ефремов, Даниил Арсентьевич Кислицын, Александр Яковлевич Тунгусов. Всех земляков, ушедших на фронт и не вернувшихся домой, мы помним, испытывая чувство гордости, чтим их мужество и героизм. Вечная им память!

Между тем деревня осиротела. Непосильную работу днём и ночью выполняли женщины, старики и дети. Главная цель была одна: всё для фронта, всё для Победы! Заготовку кормов для личных подворий, обработку огородов, уборку урожая вели в основном ночами при свете луны, иногда применяя даже керосиновые фонари. Подростки стали мужчинами, заменив механиков и трактористов, работая на жатках, косилках, лобогрейках и другой сельскохозяйственной технике.

В январе 1943 отправились на фронт мои ровесники 1925 года рождения. Нам, 18-летним, пришлось продолжать боевое дело отцов и братьев, гнать фашистов на Запад от Курска до Берлина. Вот и мне, участвуя в составе 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса, 4-й танковой армии, 1-го Украинского фронта под командованием маршала И. Конева, довелось дойти с боями до ворот Берлина. Там я был тяжело ранен, а ребята из моего отделения томичи Д. Тимошенко и М. Мартынов дошли до Берлина и Праги, вернулись домой, но уже ушли в мир иной по причине ранений. Вечная им память!

От души благодарю всех, кто хотя и не участвовал в войне, но сочувствует, сопереживает, вспоминая погибших воинов. Лично у меня при воспоминании о войне становится комок в горле, и сами собой текут из глаз слёзы. В памяти пожилых людей война оставила неизгладимый след.

Я приветствую народ нашей огромной страны, который не забывает солдат, не вернувшихся с полей сражений. Им строят памятники, стелы в городах и селах. И это хорошо для всех соотечественников, особенно молодых. Но везде ли хранят благодарную память? Кто вспомнит погибшего солдата, если за годы перестройки исчезла с лица земли его родная деревенька? Например, в Томском районе в начале войны возле большого сёла Новорождественка существовало 14 деревень, три сельских совета. Романовка входила в состав Новоалександровского, а с

нею Ключи, Камень, Омутное, которых сегодня уже нет. Да и в самой Романовке из 90 домов осталось 15, где живут в основном пенсионеры. Исчезли с лица земли Петровка, Осиновка, Баранцево, Григорьевка, Малиновка, Удачный... Фамилий погибших воинов наберётся не менее 500. Как их всех увековечить? Считаю, нужно построить один памятник на всех и установить его в селе Новорождественка, на центральной площади возле церкви. Любой приезжий и местные жители вспомнят павших солдат добрым словом, возложат цветы на постамент. Восстановить имена, составить списки погибших из исчезнувших деревень поможет Томский райвоенкомат, откуда поступали похоронки. Кто будет возводить памятник? Наверное, первое слово за Томским городским советом ветеранов, который обратится к городской администрации, а далее к районной и сельским. Нужно определиться с инвесторами и строителями. И, конечно, обратиться к населению с призывом вносить пожертвования из своих сбережений на сооружение мемориала воинам, павшим на полях сражений Второй мировой войны.

А. ТУНГУСОВ,
инвалид Великой Отечественной войны

НЕ ОЧЕРНЯЙТЕ ПРОШЛОЕ

Волею судьбы мне тоже пришлось нести свой крест в осаждённом Ленинграде, терпеть лишения, голод и холод, видеть обессиленных от истощения людей, трупы погибших. Несмотря ни на что город жил обычной фронтовой жизнью.

Преодолевая все невзгоды, люди работали на заводах, строили оборонительные укрепления, помогали друг другу. Особенно тяжёлой и страшной была зима 1942 года. Как и остальные блокадные дни. Сотни тысяч человек умерли от голода. Этого никто не скрывал. О вопиющих фактах фашистской жестокости и зверств знал весь мир. Никто их не засекречивал. Я был уже достаточно взрослым человеком и как уцелевший свидетель тех событий могу заявить: нигде и ни разу не видел я трупов с вырезанными частями тела. Ни одна нормальная мать и в мыслях своих не доходила до такого состояния, чтобы съесть своего ребенка. Чушь какая-то! Злонамеренные выдумки людей, пытающихся переkreить реальные факты истории.

Да, допускаю, отдельные случаи могли быть. В горячке голодного безумия некоторые люди шли на этот грех. Но обвинять целый город в массовом людоедстве – подлая ложь! Напротив, люди даже на грани смерти заботились друг о друге, помогали, делясь последними жалкими крохами. И не только мать с детьми или братья с сёстрами. Сколько помню примеров истинной, настоящей мужской дружбы. Только люди высочайшего чувства долга и самопожертвования могли победить и выстоять в той блокадной обстановке.

Особо подчеркну: даже в первую голодную зиму 1942 года рабочие Кировского, Ижорского машиностроитель-

ных заводов, Электросилы и других предприятий ремонтировали и создавали новые танки, пушки, миномёты, пулемёты, боеприпасы для фронта. Здесь же руками блокадников к 22 мая 1942 года сооружены две нитки трубопровода длиной по 30 километров для перекачки нефтепродуктов и по две нитки электро- и телефонного кабеля той же протяжённости. Уже в июне их проложили по дну Ладожского озера, и осаждённый город получил электроэнергию, топливо и телефонную связь. Пошли трамваи, заработали насосные станции, появилась вода в домах. Вот так на самом деле жили и боролись ленинградцы.

18–19 октября 1943 года в Ленинграде проходило комсомольское собрание, участником которого был и я, представляя с группой однополчан 134-й стрелковый полк 45-й гвардейской дивизии. Главная мысль, звучавшая в выступлениях: «Умрём, но не сдадим врагу город!». И колбасой делегатов собрания тоже не кормили. Правда, перловой каши хватало. В статье постоянно противопоставляются партийные работники и остальное население. Не видел я никого из них с упитанными лицами, зато погибали партийные работники в бою чаще других. Мы, фронтовики, хорошо знаем, кто первый в атаку поднимался: политрук-комсорг, кто шёл, возглавляя наступающие цепи. Опять же в критический момент залёгшую цепь поднимали в атаку всё те же политрук и комсорг. Люди, как вы прекрасно понимаете, не бессмертные. Неспроста же за годы Великой Отечественной войны на фронте погибло 3 миллиона коммунистов. Перед этими воинами нам, живым, надо низко поклониться, а не чернить их добрые имена.

***Н. БОГОМАЗ,
блокадник, участник снятия блокады Ленинграда
и Великой Отечественной войны***

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ГОРДОСТЬ МОЯ

Ни с кем не споря, никого не пытаясь опровергать, хочу всего лишь передать незабываемые впечатления 9-летнего ребёнка, которому Богом и судьбой было определено выжить всем смертям назло.

Замечу только одно: великий город отнюдь не был превращён в свалку трупов и место проживания людоедов, а жил, работал, сражался, выпуская снаряды для фронта. Дети 12–15 лет, не доставая до станка, подставляли ящики под ноги и работали до обмороков, до изнеможения. Я это видела, когда приходила к маме. Видела, как измождённые люди, шатаясь от невероятного истощения, везли на санках своих близких, чтобы захоронить их на кладбище. Из этих скорбных верениц и сложилась та известная всему миру цифра – 900 тысяч ленинградцев, похороненных на Пискарьёвском кладбище.

Мама умерла 23 февраля 1942 года от голода. Два младших брата умерли раньше, и я осталась одна. Утром, когда мама умерла, ко мне пришла соседка и сказала, чтобы я пошла в ЖАКТ и взяла хлебные карточки. Она обещала выкупить хлеб и отдать дворнику, чтобы он похоронил маму отдельно, а не в братской могиле. В ЖАКТе мне карточек не дали, а находившаяся там хорошая мамина подруга посадила меня на санки и отвезла в спецприемник (от голода я сама ходить уже не могла). Оттуда меня направили в 83-й детский дом Выборгского района. Так я чудом осталась жива.

Отец умер до войны. А когда началась блокада, мама каждый день ездила на электричке с подругами за город собирать под артобстрелом оставшиеся на полях овощи.

Мама постоянно рисковала жизнью, но овощи продлили нам жизнь. Потому что после пожара на Бадаевских складах начался такой страшный голод, что надежды выжить уже просто не было. До конца своих дней не забуду те страшные, длинные, зимние вечера, когда, лежа со мной в промёрзшей ледяной постели говорила: «Доченька, ты скоро умрёшь. И я тогда надену тебе голубое платье и подвяжу голубенький бантик. Ты будешь самая красивая...». Но случилось все наоборот. Все умерли, кроме меня. Хотя мама не съедала свои 250 граммов, а отдавала мне с братьями. Бедная наша мама, она так хотела, чтобы мы выжили.

В детском доме я пробыла до 2 апреля 1942 года, а затем нас вывезли через Ладожское озеро на «большую землю». Перед отправкой нас осматривала комиссия, решая, кто сможет доехать, а кто нет. От своих товарищей постарше я слышала, что нас повезут на Кавказ, где растут яблоки, груши, виноград и арбузы. Мне так хотелось их попробовать. После осмотра врачей я услышала тихое: «Нет» и заплакала: «Дяденька, – молила я, – возьмите

меня с собой, я не умру дорогой». И таких детей, как я, было очень много.

Весь мир восхищался мужеством и героизмом блокадников. А Гитлер в начале войны сказал о Ленинграде: «Его нужно вырвать как больной зуб и сровнять с землёй». Не сбылись эти планы. И помешали фашистам, прежде всего, сами ленинградцы, такой страшной ценой отстоявшие свой родной город. Вся страна помогала нам. А 95-летний казахский акын Джамбул Джабаев воспел блокадников в своем знаменитом стихотворении «Ленинградцы – дети мои». Даже у края могилы люди делились последними граммами хлеба с теми, кто потерял карточки. Это я сама видела и помню.

P.S. Кстати, о валенках. В нашей семье их не было. Я всю зиму проходила в ботинках, в том числе возила воду с Невы на санках. Иногда, когда маме было совсем плохо, ходила за хлебом. Ботинки были малы и ноги постоянно стерты до крови. Но ходить, преодолевая боль, все равно приходилось, так как я была старшая.

В. АПОСТОЛОВА,
г. Томск

ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ ЖИЗНИ

НИНА ВАСИЛЬЕВНА КИСЕЛЁВА,

военврач

Начало войны

...С первого же дня началась мобилизация.

Меня назначили в формирувавшемся госпитале начальником хирургического отделения. Госпиталь занимал помещение школы, двухэтажное деревянное здание.

Однажды – тревога. «Собирайтесь, выезжаем».

В Омске нас переобмундировали: вместо ботинок с обмотками, полученных ранее, выдали кирзовые сапоги, гимнастёрку, брюки, шинель. На меня всё велико, рассчитано на солдат. На петлицах – «шпалы», что означало «Военврач III ранга».

Отступление 1941 года

Первая остановка была в Вязьме Смоленской области. Наш полк обследовал дорогу Москва – Смоленск. Опять мы подучились в лаборатории города, где остановился штаб полка, и мы при нём. Роты тянулись до Смоленска. Из Вязьмы мы приехали в город Спас-Деминск. Разместились по квартирам, развернули лаборатории. Тишина. Я говорю: «Ну и завезли же нас, даже выстрелов не слышно». Не прошло и пяти минут, как

налёт на прибывший эшелон с нашими солдатами. А мы вблизи вокзала. Сразу появились раненые. Их наши мужчины обрабатывали и отправляли в госпиталь.

Налёты продолжались почти ежедневно в часы прибытия эшелонов. Однажды нас вечером подняли по тревоге – передислокация. Мы были уже готовы со своим лабораторным оборудованием.

Секретные сведения до нас дошли из-за дружбы с замполитом нашей однополчанки, жившей всегда с нами, – Лены Деминой, она заканчивала наш же институт годом позже. Погрузились на полуторки со своим лабораторным имуществом. Отправления нет. Уже светает. Народ идёт с детьми, с узлами, козами. «Что такое?» – спрашиваем. «Наша деревня в пяти километрах отсюда, там уже немцы». Это было уже страшно. Приказа о действиях полка, его части, не поступает. А остались не окружёнными врагом только 1-я рота, комендантский взвод – 16 человек и лаборатория – 12 человек с четырьмя машинами: две походные лаборатории – пятитонные машины и две «полуторки» – все, кто размещался в Спас-Деминске. Остальные роты уже определены до Смоленска. Противник потеснил наши войска справа и слева от нашего расположения, и Спас-Деминск с нашими воинскими частями оказался в окружении. Не получив приказа о дальнейших действиях, нас перевели на опушку леса, за огороды. В этом месте окраина города была в одну улицу.

Я сидела, навалившись спиной на сосну. Была слышна разговорная речь немцев. Когда я об этом сказала, то начальник санслужбы полка Овсянников меня оборвал: «Киселёва, панику наводишь».

Нам приготовили обед. Только разлили его по котелкам, не успели начать есть, как приехал командир полка и сообщил о приказе командования занимать оборону. А кому? Зачем обороняться?

Все воинские части отходили. На опушке леса стояли

подбитый танк и пулемёт для видимости, и наш состав лаборатории. Две машины-«полуторки» отправили с оборудованием. Другие две машины – походные лаборатории и меня с Лидией, моей помощницей по работе, оставили отправлять раненых, а мужчины пошли занимать оборону в районе противотанкового 800-метрового рва на окраине города.

Прощались мы с мужем очень тяжело, навсегда. Все курили, и я говорила: «Кури, Витя, кури». Он один был некурящий. Я тоже закурила для успокоения. Откуда-то появились начальник штаба полка, начфин и ещё человека два.

Начальник штаба разрешил отступать. Все садятся в наши машины – и ехать. Я говорю: «Я не поеду, пока не найду своих. Лида, ты пойдёшь со мной?». Она согласилась. Начальник санслужбы Овсянников остался с нами и задержал две машины: «Идите. Вот там ров, и они там (защищают оборону с двумя винтовками на всех)». Создавали видимость защиты.

Мы с Лидой пробежали огороды, рва не нашли. Над нами очень низко пролетал немецкий самолёт. Лётчики – молодые мальчишки – на нас смотрели и не стреляли. По самолёту тоже некому было стрелять. Лицо лётчика и сейчас помню.

Мы вернулись, доложили, что не нашли рва. Начальник предложил пойти с нами, показал, где ров. Бежали к нему втроем в одном направлении. Я предложила разделиться: я одна, они – вдвоем. Только добежали до рва, успели посмотреть в него (там очень много было народу с детьми), как небо потемнело, налетели 52-62 (разные данные) самолёта, все бомбили этот ров. Сбросят бомбы, развернутся над городом, пробомбят его и опять на ров. Так длилось два часа. Я лежала в противогазе, натягивала рукава шинели, чтобы руки не обдавало ветром. Шинель поднималась.

Проверив, что во рву наших нет, Овсянников и Лида прибежали ко мне. Втроем уже легче. Лида читает «Бого-

родицу», меня спрашивает: «Нина, ты жива?». – «Жива». После очередного налёта: «Лида, ты жива?». – «Жива». Как только самолёты отлетят, я бегала и кричала: «Киселёв, Безденежных, Гаврилко!». По всему довольно большому полю солдаты ползли по-пластунски. Меня привлекали к себе. Видимо, я имела вид умалишенной: бомбят, а я бегая и кричу. Самолеты спускались так низко, что на земле были видны следы от колёс. Вдруг по другую сторону рва встаёт группа мужчин, первый из них – самый высокий – с поднятой рукой. Я обрадовалась – они. А они падают. Для меня огорчение, ошиблась – не наши. А самолёт меня чуть ли не в лоб бьёт – я упала, как и они, после очередного налёта.

Потом мы сошлись. Я сообщила, что разрешили отступить. Командир комендантского взвода даёт команду: «Красная, за мной!» – и на опушку леса, с другой стороны поляны. А там уже были немцы, что же мы будем одни. Витя меня тянет с ними, а я толкую, что нас там ждёт. Пока он понял, Лида с Иваном Семеновичем уже бежали к машинам. У неё только противогаз трепыхался по земле. Мы успели заскочить уже во вторую машину на ходу. Бомбёжка рва и города прекратилась. От города остались только торчащие трубы. Нам надо было проехать поляну до леса. В лесу были все отошедшие, не успевшие дальше уехать, техника и люди.

Самолёты улетели бомбить этот лес через поляну, по которой ехали мы. Но на нас не сбросили ни одной бомбы, а многие из них пикировали и обстреливали. Я смотрела в окно и сообщала: пикирует. Наша машина останавливалась, и мы вываливались из неё. Самолёт летит – ехали дальше. Так мы доехали до расположения штаба армии. Впереди длинный мост через речку. Начальник сам принимает решение – переехать мост. Иначе, если его разбомбят, нам не выехать.

Мы проехали мост, едем дальше. Отдельные самолёты

нас преследуют, обстреливают. Когда останавливались, чтобы узнать, где наши, где противник, – сразу рыли ровик. Не успели дорыть ровик, как нас уже обстреливает пролетевший самолет. Мы попадали один на другого, все в один ровик, со стороны наших – никакой защиты. Разведка у них была очень хорошая.

Я говорила: «Если мы так будем бежать, то мы до Вязьмы добежим». А мы не только до Вязьмы добежали, мы её далеко проехали, она уже была сожжена, разрушена. Мы доехали до Подмосковных Мытищ. Там был сыроваренный завод, нам дали целую голову сыра. Здесь мы и поели, и попили после голодания.

Был конец сентября-октябрь. Холодно. Когда приходилось ночевать в лесу, наши мужчины срубали ветки с деревьев, жгли их, этим обогревали землю, и на это место ложились спать.

Битва за Москву

Проехали Поле Бородино. Постояли около памятника и где-то вблизи в разбитом доме остановились ночевать. Собрались и несколько человек в одиночку бродивших в лесу наших же однопольчан.

В доме была плита. Мы нагрели воды и помылись – незабываемое наслаждение испытали. Все были простывшие. Спали на полу все подряд. Когда кто-либо кашляет, меня от звука начинало трясти – так повлияла бомбёжка. Витя меня, скрестив руки, прижимал к постели.

Следующая наша, довольно длительная, остановка была в деревне Саларьево в семи километрах от Москвы. Москву бомбили, и нас мимоходом тоже. Собранные мною осколки я сдала в музей военно-медицинского факультета в Томске.

Заводская баня – в двух километрах от деревни. А наши хозяйка мылись в русской печи. Натопят её, подложат со-

лому, чтобы от пола не жгло, таз перед собой и моются. Такая дичь. А дома на Смоленщине, Рязанщине – не оштукатурены, мох торчит между брёвнами. В некоторых домах стены затянуты паутиной.

Из управления фронта пришло указание, что на участке обслуживаемой нами дороги вблизи города Гжатск (сейчас Гагарин) лежат незахороненные трупы. Создали комиссию, человек восемь. Из медработников в нее вошла я. На место прибыли – дорога перегорожена стволами деревьев – заминировано, значит. Пошли в обход по заснеженному лесу рядом с дорогой. Шли один за другим, след в след. Не подорвались.

Убитые мальчишки-солдаты были из латышской дивизии. Только что надели обмундирование, даже белые картинки от кирзовых сапог не успели посереть. Позы были

Фото сделано 26 ноября 1941 года. Москва. Фотография после отступления. На ней: Демина Елена Ивановна, Безденежных Иван Семенович, Конькина-Безденежных Лидия Васильевна, Киселёва Нина Васильевна, Киселёв Виктор Петрович.

разные: кто в позе бега, кто – стрельбы, кто держался за перевязанный лоб. Доставали у них патрончики с адресами родных для сообщения им. У одного мальчика я достала прощальное письмо для своей девушки. Это место было при подъезде на мост через реку, дальше возвышенности, за ней шли бои за Гжатск.

Для захоронения решили спустить с насыпи. Было трудно, так как насыпь дороги засажена кустарником, а у трупов руки и ноги по сторонам, цеплялись за кусты. Спустили. Стали рыть могилу. Земля промёрзшая, корни переплетены. Уже потемнело: немецкие самолёты низко летают над нами, пули свистят над головами. Стоило немного потеснить наши войска, как мы бы оказались в руках противника и погибли.

Поняли, что могилы не выкопать, и решили похоронить в землянке около дороги. Надо было поднимать трупы на насыпь, на дорогу. А это было сделать еще тяжелее. Самолеты с красными, синими огоньками продолжали летать. Пули свистели над нами. Начали грузить в машину – крытую «полуторку». Трупы погрузили, а куда самим? Мужчины разместились в пространстве между руками и ногами трупов, а меня посадили в кабину с шофёром. Сколько-то отъехали, хоронить в землянках не решились, так как они могли быть заминированными.

Решили везти в свою часть, в деревню Саларьево, доложить командиру полка, а не рисковать – может быть, отъехать назад и захоронить в землянке. Но командир полка по договорённости с председателем сельсовета решил захоронить в нашем же селе. Без осведомления жителей рыли могилу в потёмках – захоронили. Я-то об этом узнала от хозяйки, у которой мы с Витей жили, а её дочь – секретарь сельсовета. Хозяйка говорит: «Вот почему ты такая бледная приехала».

Полк наш был окружён, отдельные товарищи – единицы (комиссар полка) появлялись у нас. А мы – лаборатория

– какое-то время находились на Ленинских горках, затем на даче Калинина – 45-й километр по Каширскому шоссе.

Здесь мы отметили встречу Нового, 1942-го, года. Я к спинке кровати привязала небольшую ёлочку и украсила конфетками и что-то сделала из марли. Глядя на меня, Яша Гавриленко сделал то же. Ёлку украсили сигаретами и «четушкой».

В Ленинских Горках мы побывали в доме, где жили Ленин с Крупской. Комната у него очень скромно обставлена: рабочий стол, венские стулья, шкаф-библиотека. У Крупской – обстановка живших ранее богачей. Наши мужчины даже помылись в ванной Ленина. Общался с ними охранник Владимира Ильича, рассказывал, как проводили испытания первого трактора в Горках. Ленин не любил охрану. В Горках мы были 7 ноября 1941 года, когда был парад на Красной площади.

В 1941 году при защите Москвы погибали тысячами. Командующий был Будённый. Когда командующим обороны стал Жуков, потери с ним сократились в два раза.

На полях поднимали листовки, сброшенные немцами с самолёта: «Русь! Победа будет за вами. Но каша будет с вашими городами». Лично я такую листовку не поднимала – рассказывали. А поднимала – где сын Сталина, Яков, в компании с немецкими офицерами чокается и выпивает. Призывали сдаваться – мол, даже сын сдался. Это, конечно, неправда. Монтаж.

В 1941–42 годах мы были в Москве после отступления. Москва была замаскирована: площади и большие дома раскрашены на скверики и небольшие домики. Окна заклеены белыми бумажными лентами, чтобы не повредились от воздушной волны. Улицы забаррикадированы мешками с песком, рельсами. Проезд был возможен по отведённым улицам с регулировщиками. Вся военная техника на фронте (танки, пулеметы и прочее) замаскирована натянутыми над ней полотнищами с ветками деревьев.

1942 год

В январе 1942 года всем составом лаборатории мы в штабе Западного фронта в Сокольниках проходили специализацию по токсикологии, бактериологии и другим методам исследования. И на базе нашей лаборатории был сформирован СЭО № 46 – санэпидотряд 3-го Прибалтийского фронта. У нас были сохранены весь личный состав и лабораторное имущество (автоклавы Виктор Петрович зарывал в землю при отступлении, сохранились). 6 декабря 1941 года началось контрнаступление наших войск под командованием Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева по Волоколамскому шоссе.

Мы, сформировавшись в СЭО № 46, выехали в воинские части в первых числах февраля 1942 года по Волоколамскому шоссе. Населённые пункты были разрушены. Торчали только трубы. Остановились для работы в небольшом сохранившемся домике около разрушенного сгоревшего госпиталя. Когда его фашисты подожгли, наши раненые из постельного белья делали верёвки и пытались выбраться через окна, но немцы в них стреляли.

Я не удержалась, полазила по развалинам этого госпиталя. А через дорогу, на возвышенности, была виселица, на ней висели шестеро повешенных партизан, их не снимали – для обозрения. Поодиночке оставшиеся в живых люди возвращались в свои населённые пункты. Одна старушка около оставшейся несгоревшей трубы делала себе укрытие из искорёженного железа. Бомбёжкам и обстрелам подвергались почти ежедневно, если даже не было активных наступлений. Мы знали иногда, в какие часы будет налёт, и шли в укрытие. Однажды наше отделение проводило работу в артиллерийском полку. Разместилось в землянке. Вырыли землю так, что из не удалённой земли оставили как бы стол, кровать. В стене вырыли квадрат земли – печь. Так обогревались. На «столе» стоял термостат, работали.

На день поднимались наверх, работали на воздухе, в машине, вблизи от артиллерийского оружия, но к шести часам вечера снова уходили в землянку, так как ежедневный был обстрел по нашей артиллерии.

В летние и зимние месяцы размещались в деревне Луковинка Калининской области. Улица из одного ряда части сохранившихся домов. Ночной налет и сбрасывание бомб вдоль улицы. Я не выдерживала, выходила на улицу смотреть и куда-нибудь в укрытие прятала голову. Виктора не могла поднять с постели – лежал спокойно.

В конце этой деревни на возвышении стояла не совсем разрушенная церковь. В ней укрылись немцы, а наши войска продвинулись дальше. Когда шло подкрепление, из этого укрепления их «косили». А они ежедневно шли и шли. В один из осенних дней был сильный дождь. В траншеях они сидели в воде, а ночью мороз, говорили, что – 50 градусов. Отдельные уцелевшие раненые шли обратно, в медсанбаты, шинели подняты, коробом, просили у нас попить.

В конце этой деревни на возвышении стояла не совсем разрушенная церковь. В ней укрылись немцы, а наши войска продвинулись дальше. Когда шло подкрепление, из этого укрепления их «косили». А они ежедневно шли и шли. В один из осенних дней был сильный дождь. В траншеях они сидели в воде, а ночью мороз, говорили, что – 50 градусов. Отдельные уцелевшие раненые шли обратно, в медсанбаты, шинели подняты, коробом, просили у нас попить.

Однажды меня направили на выполнение задания в одну из рот полка. Пришлось идти через поле. Пули свистели мимо моей головы. Знала, что уже пролетели, и всё равно не выдерживала – падала. Стреляли в меня – больше никого не было. Когда до землянок дошла, получила замечание, что я их рассекречиваю. А их не видно. Надо было заползть в них – они ровень с землёй.

Второй значимый случай. Возвращалась я в часть, в лесу

захватила меня ночь. Я не знала – на своей я территории или противника. Выхожу на опушку леса, а с противоположной стороны выходит мужчина. Видно, что в шинели. А кто он? Наш или немец? Наган у меня был на поясе под шинелью. Я достала его из кобуры, переложила в карман шинели. Держу в руке, жду, что будет. На моё счастье закрипела повозка, и слышу русскую речь. Я – к ним. Спрашиваю, как пройти к деревне Луковинка. Указали путь. И ещё было несколько случаев, когда идёшь в военную часть и подвергаешься налёту, бомбёжке и обстрелам.

Был случай, когда ночью пришлось зайти в сохранившийся дом. Он был набит нашими солдатами. Все спали на полу, сплошь занимая его. Мне поставили два стула, ножками между руками и ногами. Так я спала. Если спала.

А когда смотрела, как бомбят лес, где был в это время муж, было очень тяжело до его возвращения...

ВСЕХ ДЕТЕЙ НАС БЫЛО ВОСЕМЬ

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ШАНОВ,
*участник Великой Отечественной войны,
полковник советской армии в отставке*

Родился Евгений Иванович в селе Ишеево Татарской Автономной Республики (так ещё до образования советского государства назывался Татарстан).

Родители после женитьбы поселились у маминого отца. Он был умным, старательным человеком. В семье было много мальчиков, и на каждого давали землю. В 1929 году дедушка задумал купить шерстобойку, для чего построили помещение, привезли оборудование. Я выполнял следующую функцию: ездил на лошадях, они крутили специальный вал, и он приводил весь механизм в движение. Вскоре появилось много желающих наняться к нам на работу. Когда хозяйство деда разрослось, он развёл пчёл – 70 ульев, – вспоминает своё детство Евгений Иванович. – В 1931 году к нам пришли люди и арестовали деда как кулака. Отец был в Казани на строительных работах.

Всех детей, а нас было 8, и маму, в чём были, выгнали на улицу. У мамы в кармане осталась какая-то мелочь. На неё она наняла лошадь с повозкой, и мы отправились к отцу.

А отец жил в общежитии для рабочих. Семье выделили угол в комнате с 18 кроватями. Спали на топчанах. Чтобы как-то прокормиться, 9-летний Евгений Иванович продавал папиросы на трамвайной остановке.

– Папиросы назывались «Пушка» и стоили 2 рубля. За день уходило по 3-4 пачки, с каждой был «навар» в 50 копеек. На заработанные деньги мама покупала нам еду, – вспоминает 96-летний фронтовик, и кажется, что он помнит всё так, как будто это было вчера.

Вскоре власти заинтересовались торгующими детьми, мальчику пришлось менять работу. Он быстро освоил новое ремесло – научился чистить ботинки при помощи щеток, ваксы и бархатной тряпочки. Заработок тут оказался больше, при этом он успевал ходить в школу.

– А в школе, – вспоминает ветеран, – с мальчишками мы организовали кружок по французской борьбе, для всех примером для подражания тогда был знаменитый борец Поддубный.

Как только старший брат Пётр окончил Свердловское педучилище и получил должность директора школы, он забрал Евгения Ивановича жить к себе. В 1937 году Евгений Иванович поступил в техникум советской торговли. В 1940 году Евгения Ивановича забрали в армию.

– Новобранцев рассадили по голым товарным вагонам, по 72 человека в каждый, – рассказывает Евгений Иванович. – Поезд отправился в неизвестном направлении. Молодые ребята 30 дней не знали, куда едут. И только по названиям станций понимали, что поезд держит путь на восток. Проехав Свердловск, Новосибирск, Хабаровск, Уссурийск, Угольную станцию, он остановился где-то посреди тайги. Название станции «Фридман» ни о чём не говорило. С криками поезд встречали солдаты в изношенной грязной одежде. Они радовались окончанию службы. Новую смену определили в 75-й строительно-путевой батальон, который строил железную дорогу вдоль берега оке-

ана, от Владивостока до Ванино. Буквально за пару недель рядовой Шанов научился с двух ударов забивать костыли и быстро класть рельсы. 1 января 1941 года на основании приказа И. В. Сталина солдаты должны были каждый день проходить не менее 30 километров – делать марш-броски. Вскоре молодого солдата Шанова и ещё 13 солдат со средним образованием отправили учиться на офицеров пехоты.

В мае 1941 года 22 солдатам, в том числе и Евгению Ивановичу, предложили продолжить занятия в училище и стать летчиками-истребителями. Но этим планам так и не суждено было сбыться – началась война. Товарищей, с которыми они приехали на службу, погрузили в вагоны и отправили на запад. А ребят из учебной части – в танковое училище.

– Проучился 3 месяца, окончил его в октябре, получил звание младшего лейтенанта, – немного по-военному рассказывает ветеран. – Направили командиром танкового взвода 72-го танкового полка в село Покровка, в 60 километрах от Уссурийска. Вскоре полк расформировали и направили охранять границу. Вспоминает, что в первое время после начала войны с немцами было тяжело: гимнастёрки быстро изнашивались, одежды не хватало. Из окопов нам было видно японцев, каждый день ловили тех, кто её пересёк. Когда устоял Сталинград, нас отправили в д. Борисовка, где мы стояли до 1945 года. Там я познакомился со своей будущей супругой, там же мы и поженились.

В начале августа 1945 года полк пошёл в наступательную Маньчжурскую операцию. Танки переправлялись через овраги и горы.

– Едем, кругом стрельба. Танки молотили целые сутки, к ночи надо было заправиться и восстановить силы. Товарищи повалились спать на землю, где остановились. А с утра поднялись не все, японцы пробрались и порезали спящих солдат, – вспоминает ветеран.

Когда пересекли границу, пришло подкрепление. На одном из новых танков погиб механик из роты Евгения Ивановича.

– Потом, когда японцы сдались, писал его семье, как он погиб, – говорит Евгений Иванович, качая головой. Видно, что до сих пор переживает утрату.

Наступательные бои длились несколько недель и закончились 2 сентября полным разгромом японского милитаризма.

После войны офицер Евгений Иванович Шанов продолжил военную службу, окончил высшее танковое училище в Казани. Служил там, куда направляли: на Востоке и на Юге, на Чукотке и в Азербайджане, на границе и на военных базах. Супруга, Мария Григорьевна, всегда следовала за мужем. У них родилось двое детей – дочери Лида и Таня.

Военную службу закончил в 1963 году в Азербайджане. Но трудился он до 80 лет, и после того, как переехал с семьей в Казань, и уже здесь, в Томске, куда перебрался в 1991 году поближе к старшей дочери. Никогда без дела не сидел, ощущал, что нужно и необходимо трудиться для общества и для семьи. Сегодня с дочерью Лидой занимается огородничеством, стараясь двигаться и заниматься как можно большей физической активностью, чего желает и своим ровесникам, и молодёжи.

НАС БЫЛО ЧЕТВЕРО

ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ ОГОРОДНИКОВ,

артиллерист

Леонид Павлович родился 29 марта 1923 на территории нынешнего Приморского края в бедной крестьянской семье, в которой был единственным ребенком. Отца лишился в 3 года. Воспитывался матерью и бабушкой с дедушкой. В 1933 году, ввиду опасного положения на границе с Китаем, Леонид вместе с мамой переезжает в город Томск. До начала войны успевает закончить 9 классов средней школы. С первых дней войны штурмует военкомат, просясь уйти добровольцем на фронт. В октябре 1941 года начались его военные дни.

Леонид Павлович вспоминает: «Нас было четверо из одного класса, добровольцами попросившихся на фронт. По направлению райкома комсомола райвоенкомат направил на 3-месячную учёбу. А мы молодые, с оружием дела не имели. Попал я в миномётчики, первым номером (командиром миномётного расчёта). Миномётный расчёт – три человека: наводчик (первый номер), заряжающий и подносчик мин. Мина у 82-миллиметрового миномёта тяжёлая – 3 кг 600 г.

Погрузили в эшелон и повезли через всю страну на Карельский фронт, в район станции Лоухи. С февраля 42-го

– на передовой, в составе 143-го отдельного лыжного батальона. Нашей задачей было ходить в тыл противника: взять «языка», определить укрепления. Бывало, громили базы, склады боеприпасов.

Зима выдалась холодной, а мы в шинелях, – тех самых, которые выдали в Бийске, в «учебке». Кстати, в этих шинелях мы так и провоевали до 44-го года.

Север. Места болотистые, среди болот – участки суши; там финны и оборудовали опорные точки. Единой линии фронта не существовало. Самое страшное воспоминание – как наш батальон попал в засаду. 250 человек было в батальоне, противник устроил нам ловушку. После очень тяжёлого боя в живых осталось 18 человек, из них 10 – ранены. Раненых несли на себе, пробираясь к нашим. Вышли всё же.

На войне много было такого, о чём и вспоминать не хочется. Миномётчики позади пехоты шли. И вот идём, вокруг – поле битвы. Останки людей разбросаны и по полю, и даже по деревьям висят, – «целых» тел почти нет. Такое один раз увидеть – и то с ума можно сойти. Особенно страшно то, что человек человека без пощады убивает. «Работа» такая военная...»

26 апреля 1942 г. фронтовика ранило. Как это было: «Ещё холода стояли. Мы шли походным порядком, и попали под обстрел: мины, снаряды. Осколки сыпались градом. И один осколок зацепил меня, ударил в лопатку. В этом бою из нашего взвода 22 человека было ранено, один погиб. Рана у меня была лёгкой – всего неделю пробыл в медсанбате; вытащили осколок, подштопали, – и в строй. Хотя правая рука плохо слушалась, приходилось её «разрабатывать».

Старый солдат замечает, что «вообще, на фронте трудно было не только потому, что могли ранить, убить. На фронте тоже бывало и голодно, и холодно. Мы в ботиночках, помню, по льду шли. Лёд под ногами «ходит». Кто-то проваливался.

Ночью, в дозоре, тоже страшновато было. Там, на севере, гагары – вот же способности у птицы! Сидишь, слушаешь, – вдруг ребёнок где-то в лесу заплачет. А то подплывет по воде незаметно, – да как рывкнет!.. Местные карелы из гагарочьих шкур тапочки делали, пухом внутрь: и тепло, и «носские».

Случались несчастья, по глупости или неосторожности. Когда несколько часов возле миномёта – глохнешь, выстрела уже не слышишь. Это опасно: заряжающий подумает: осечка, – и вторую мину в ствол! А то, бывало, по три заряда дополнительных делали, – как ударит, в голове гудит, и миномёт вместе с плитой (а плита тяжёлая, больше 20 кг) подпрыгивает.

Был случай, хотели немецкую мину испытать, – как она, подойдёт ли для нашего миномёта. Миномёты у немцев калибром чуть-чуть отличались. То мина чуть уже ствола, то у другого калибра – на миллиметр шире. Ну, сели миномётчики кружком. Стали заряжать, а мина взорвалась в миномёте. Таким образом из строя вышло 19 бойцов...

Вообще, после первых ожесточённых боёв фронт в Карелии надолго стабилизировался. Бывало, в спокойные дни мы на охоту ходили. Там птицы много – глухари, утки, другая дичь. Я с карабина так пристрелялся – одним выстрелом двух уток подстреливал! Надо только дожждаться, когда утки друг возле друга так окажутся, чтобы головы совместились.

С питанием туговато было, так вот дичью паёк дополняли. А ещё – ягодой: идёшь, бывало, а вдоль просёлка – всё красное от брусники! Витамины.

После окончания войны на Карельском фронте нас в Вологду отправили, на отдых и переформирование. Из Вологды в валенках выехали, зима ещё, а приехали на юг, – там уже лужи, весна.

Тяжёлые бои были в Чехословакии. Но сначала прошли через Закарпатье, перешли границу. Дорога через горы, и

налегке-то идти тяжело, а тут миномёты, боеприпасы... Выручали лошадки-«монголки».

В Чехословакии с немцами в бой вступили. Конец войны, а они сопротивлялись очень ожесточённо. Чехословакия для Гитлера много значила с её углем, сталью, развитой промышленностью. Город Моравскую Оставу на Одере немцы превратили в настоящую крепость. Хотя у нас уже и оружие было мощное, и техника: гвардейские миномёты («катюши»), танки, артиллерия. И 10 дней не могли Оставу взять. Только поднимется пехота в атаку, – а немцы – из крупнокалиберных пулемётов! Хорошо, неподалёку что-то вроде оврага было: мы там окопчики отрыли, прятались от огня.

Наконец наши с флангов поднажали, и с 30 апреля на 1 мая мы вошли в Оставу. Город лежал в руинах. Но это не от наших пушек и бомб: немцы, отступая, всё, что могли, взрывали. А жители выходили нам навстречу из развалин, встречали. Очень хорошо нас чехи встречали, как освободителей.

Но бои ещё продолжались, на Западном фронте немцы уже капитулировали, а у нас дрались ожесточённо.

А орден Славы я получил за форсирование Одера (Одры по-чешски) в Чехословакии. Наши части захватили на западном берегу плацдарм, с пехотой переправилась и миномётная рота. Несколько дней отбивали атаки, – немцы нас сбросить пытались. Но мы выдержали до подхода основных сил.

Второй свой орден Боевой Славы фронтовик смог получить только в 1983 году – вышло это случайно, удалось через военкомат с помощью сведений о награждении, опубликованным в газете, получить заслуженный орден, когда-то не вручённый в военные дни.

Дальше мы двигались спокойно, – говорит Огородников, – хотя и случались отдельные стычки. 8 мая, когда до Праги оставалось километров 80, объявили об окончании войны.

Дали нам немного отдохнуть и отправили к Львову. Топали пешком, по дороге снова перестрелки, бандеровцы нападали. А во Львове посадили по вагонам и повезли опять через всю страну – на Дальний Восток.

На Дальневосточном фронте мы повоевали недолго: японцев уже до нас, как говорится, поколотили.

Ну, а после войны с Японией две бригады – нашу 32-ю и 31-ю погрузили на корабли и привезли в Анадырь на Чукотке. Зима 1945–46 годов была жуткой. Зимовали в палатках. Хотя они и утеплённые, но промерзали. В палатке 40 человек, в двух концах – самодельные печки из железных бочек. Печки топили круглые сутки, за углем ходили на угольную шахту, носили его в вещмешках. В первую очередь – для кухни, остальное – для обогрева. В палатках нары в два яруса. Внизу холодно, а на втором ярусе, бывало, ночью носы к брезенту примерзали! Много людей замёрзло насмерть. Обидно очень: всю войну прошли, живые остались, и такую смерть приняли в мирное время! Вторая зимовка прошла легче: нас переправили в бухту Провидения. Там была погранзастава. Туда привезли лес, и за короткое полярное лето мы успели бараки построить.

В августе 47-го я вернулся в Томск. Моя одноклассница, будущая супруга, Александра Георгиевна, меня ждала. В 48-м мы поженились. Она тоже хлебнула лиха. И на лесоповале была, и за ранеными ухаживала. В 1941–42-м годах оканчивала 10-летку. Учились в третью смену, а днём работали. Разносили повестки, работали на строительстве. А когда раненые в город стали прибывать, – при госпиталях. Работала Александра Георгиевна в детском саду. Работали, бывало, сутками: родители сутки на работе, и дети в садике сутки.

Ещё одна работа была – выздоравливающих из Томска домой сопровождать. Первая её поездка была, кстати, в Беслан. Немцев с Кавказа только-только прогнали. Ехали в «телятниках». До Москвы 7 суток, там пересадка. «Подо-

печные» сами выйти из вагона не могли: на руках выносить приходилось.

Запомнилась поездка в Прикарпатье. Там беспокойно было: националисты-бандеровцы на машины на дорогах засады устраивали, взрывали. Короче, как говорит Александра Георгиевна, «насмотрелась страстей».

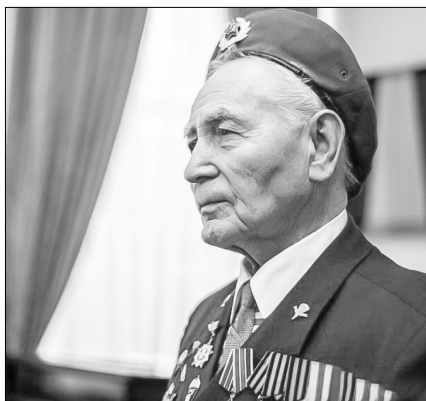
Потом была мирная жизнь, – и работа, работа. Я до 86-го года работал на оборонном заводе – ТЭТЗ, потом – в Военно-медицинском институте. Александра Георгиевна ушла от меня в 2009 году. То, что я всю жизнь был окружен вниманием, заботой и уходом, – это всё только благодаря ей.

...А из моих одноклассников, с которыми мы вместе добровольцами на фронт отправились, никто не вернулся. Николай Фуфаров и Герман Чепраков в начале войны погибли. Николай Новиков был ранен, приезжал в Томск лечиться. Мог бы и не возвращаться на фронт, – но он добился, чтобы снова в строй встать. И в самом конце войны погиб.

ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО

ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ БОНДАРЕНКО, *артиллерист-десантник*

Всю свою жизнь я посвятил воспитанию подрастающего поколения. Даже если не все ученики, а двое-трое ребят возьмут на вооружение то, что я им рассказал, то моя жизнь не зря прошла.

О детстве и семье и о том, как началась война

Я вырос в селе в Каргасокском районе, в большой семье – нас было двенадцать детей. Мы все знали, что будет война, потому что нас окружали капиталистические страны. Я уже в пятом классе был ворошиловским стрелком, имел значок противохимической и санитарной обороны.

Радио у нас не было, вести привозил почтальон. От районного центра до нас было километров 20, и мы только на второй день, 23 июня, узнали, что началась война.

Мне запомнились слова отца, участника Первой мировой войны: «Сын, запомни! Германцев мы победим, это вопрос времени». И сразу, в первые же дни – один город сдали, потом другой... У нас карта висела – мы следили за военными действиями, флаг переставляли – наша территория всё меньше, меньше...

Я тогда только восьмой класс окончил. Отец сказал мне – кончай учиться, пойдем работать, стране нужна продукция. И мы пошли заготавливать рыбу – в Гослов.

Чтобы рыбаки не разбежались из артели, на нас наложили бронь – с ней не брали в армию. А мы все так были воспитаны: а как это без меня война закончится? Сам, никого не спросив, поступил в девятый класс и весной 1944 года пришёл в военкомат. Там стригут будущих солдат. А парикмахеру что? Если сел к нему человек – надо стричь. Так я, уже лысый, пошёл документы оформлять, и никто меня ни о чём не спросил. Ну а потом я сел на пароход и даже не простился ни с кем. Только когда мимо моей деревни проплывали, вышел на палубу и про себя попрощался: «Простите меня, отец и мать. Еду защищать Родину. Если не я, то кто?».

В Ачинске начали подготовку. Однажды был я дневальным, и подошёл ко мне старший лейтенант Чураков, инвалид-фронтовик и спросил – какое у меня образование, я ответил – девять классов, и он предложил мне служить в артиллерии.

Когда нас отправили на запад, то меня определили адъютантом к начальнику эшелона. Особенно мне запомнился наш военврач-полковник. Он долго присматривался ко мне и спросил – «слушай сибиряк, ты куда едешь? Что такой веселый?» А я отвечаю – «еду защищать свою Родину». Так он сказал – «в мясорубку ты едешь». И сказал – «поверь мне старику, воюю я четвёртую войну и дам я тебе как солдату три совета, если ты их выполнишь, то на девяносто пять процентов останешься жить, ведь пуля-то дура, как известно».

Вот его советы.

Первый совет: Воюет не автомат и не танк, а голова человека, поэтому голова должна быть трезвая. Поэтому ни капли спиртного на войне. И действительно, сколько я видел смертей из-за этого чёртового зелья, то кто-то напился и не туда полез, то натворил чёрт знает что. Были случаи, выпили трофейного и упали, отравлено, особенно когда в Венгрии, Австрии, много там нам вина отравленного оставляли (известно, что фашисты специально оставляли цистерны с метиловым спиртом в расчёте, что наши солдаты его выпьют, что почти всегда приводит к летальному исходу).

Второй совет: Нигде ничего не бери. Смотришь, лежит фашист мертвый. А на руке часы блестят. Во время атаки подбегает солдат, чтобы снять... взрыв, ни его и ни часов. Запомни, солдат, говорил мне полковник – враг и мёртвый стреляет. В Австрии фашисты минировали здания и вещи. Много солдат подорвалось.

Совет третий: Пока воюешь, забудь о женщинах. В Европе было много молодых девчат, красивые, аж дух захватывало. Но тут зазеваешься, можешь и нож или вилы

в бок или поленом по голове получить. В Австрии были случаи, что солдаты поддавались соблазну, а через несколько дней попадали в госпиталь с венерическими заболеваниями. Может, враг и использовал проституток для того, чтобы выводить солдат из строя. Вот двое из расчёта в госпиталь попали, и пушка из строя выведена. Военврач говорил мне – «вот окончится война, выучишься, заработаешь денег, тогда у тебя всё будет, а пока

идёт война, о выпивке, трофеях и женщинах забудь. Может, я и потому остался жив, что все эти советы выполнял.

О том, как оказался в составе воздушно-десантных войск

– Прибыли мы в Кострому, где меня отобрали в десантники-артиллеристы. В это время в Белоруссии формировалась отдельная девятая Гвардейская воздушно-десантная армия из 37, 38, 39 корпусов, задачей которой было как можно быстрее овладеть Веной. Я попал в 37 корпус в 121 отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион. В Белоруссии нас стали готовить, там стреляли из винтовки, автомата, бросали гранаты, физическая подготовка – бег, брусья, прыжки через «козла». Всего в Белоруссии нас готовили три с половиной месяца и за это время я совершил 10 прыжков. Бросали на лес и на воду. Первые прыжки были с дирижабля, который называли «колбасой» с четырёхсот метров, в корзине было два человека – один который прыгает, а второй инструктор, которого называли вышибалой. Перед прыжками заставляли прыгать с четырёх метров, чтобы приземлялись правильно, чтобы ноги вместе. Потом были прыжки с «дугласов».

С нами на парашютах сбрасывали сорокапятимиллиметровые пушки. Был такой случай, один солдат от страха забыл прицепить карабин к тросу в самолёте и у него, естественно парашют не раскрылся. Так он приземлился на купол парашюта другого десантника, а тот не растерялся и открыл ещё запасной парашют. Так и приземлились

и остались живы. С едой, правда, было туговато, кормили плохо, все шло на фронт. Ходили к повару, просили – «дай, Митька, доп. паек», а он отвечал – «уйди, рогатик, вот котел вымоешь, тогда дам». Хорошо питаться стали, когда попали на фронт. Там повар, наоборот, говорил – «ребята ешьте кашу рисовую с маслом», а мы ему – «уйди, рогатик, когда просили, не давал, а сейчас мы сами и курицу, и пшену добудем и оладьей напечем».

О случаях на фронте

Каждому солдату хотелось взять «языка», заслужить медаль. Был вот такой случай. Прорвались мы в глубину обороны врага, выкопали окопы, глядим, катит мотоциклист. Мы все выскочили, каждый хочет фрица взять, а командир на нас матом, ведь мы позиции демаскируем. Мотоциклиста, конечно, взяли, он ведь пока развернётся, так мы его десять раз бы успели расстрелять, пришлось ему руки поднять. В Венгрии прорубали мы просеку, чтобы поднять пушку на гору, подготовили позиции. В 11-00 началась артподготовка, разбомбили мы свои цели, а потом полетели самолёты. Так вот за нашим «илом» гнался «мессершмидт», но только он к нашим позициям приблизился, тут мы по нему из зениток, ружей, автоматов ударили и сбили. Мы спустились и прошли десять километров, по дороге наш дивизион уничтожил два танка. Остановились в каменном доме. Хозяйка нас покормила, а мы ей сахар дали. За домом зенитчики стояли – девчата. Налетели «юнкерсы», так эти девчата сбили один. Один лётчик выпрыгнул, но ветер отнёс его к немцам, и в плен его взять не удалось. Потом артобстрел начался, так снаряд упал возле колодца в ограде. Там стоял конь, так его в ошмётки разорвало. Мы в том доме после поужинали и пошли дальше. В конце войны наша армия наступала, один раз

командир нашего дивизиона до того осмелел, что без пехоты решил занять крупную станцию Тульнербах. Взяли там большие трофеи. Потом наш дивизион в походном порядке вышел на дорогу. Командир дивизиона поехал на машине впереди и тут круто поворачивает, стоит на виллисе, рукой машет – «братцы, к бою, танки». И только он заехал, появляются три немецких танка, увидели нас и видимо решили проутюжить. А для того, чтобы пушку повернуть, зарядить, прицелиться нужно время. Наше орудие первым было, еле успели к бою изготавиться, а танки уже рядом. Первый танк выстрелил и снаряд над щитком орудия пролетел, зато мы с семи метров попали в первый танк, затем в последний, а дальше я ничего уже не помню. Очнулся, лежу в крови, вроде пальцы, ноги и руки целые. Смотрю, наших ребят на «студебеккер» грузят. Командир взвода убит, командир батареи лежал сильно раненный.

Когда мы с ним через тридцать лет в Москве встретились, он рассказал, что шло сто танков противника, а эти три шли впереди и если бы прошли, то дали бы сигнал и нас бы в мякоть перемешали. Я отделался лёгкими ранениями, а весь расчёт кроме меня погиб. Вообще на войне я умирал дважды, но остался живой. Однажды шли своим ходом и в районе Чеквар по большому полю – километра два. Налетело два «мессершмидта». Раздалась команда «воздух». Я побежал по полю и упал. Смотрю, мессершмидт бросил три бомбы. Одна, большая, ниже пошла, а две других выше и дальше полетели. Так вот большая бомба в метре, максимум в полтора от меня упала, отрикошетила от земли, перевернулась и лежит. Я думаю «мать честная», а может быть, она замедленного действия, встану, а она рванёт, но через несколько секунд всё равно вскочил и побежал, меня бы, ни какой спортсмен тогда не догнал. Отбежал метров на двести, лёг, а бомба лежит. Тут команда «по машинам», я свой «студебеккер» догнал, залез, а она так и лежит. Вот так, судьба видимо.

О Победе

Я до сих пор думаю, даже ночью просыпаюсь и думаю – откуда у нас силы взялись для победы? Враги обученные, хорошо одетые...

Считаю, победили мы потому, что была сплошная ненависть к врагам и горячая любовь к Родине.

Я такой пример часто привожу молодёжи: кто, по-вашему, сильнее – курица или собака? Отвечают – вы что, смеетесь? Конечно, собака! А я говорю: когда курица с цыплятами, ее ни одна собака не возьмёт. Она подлетает, вцепляется в спину – а собака хвост поджала и убежала. Разве курица в этот момент о себе думает? Нет, о цыплятах, чтобы их не тронули. Так и мы шли в бой.

Часто спрашивают: «А вам страшно было? Боялись вы смерти?». Да некогда было об этом думать! Я вот вас спрашиваю – к вам зашёл вор, ночью, вы же ему не говорите – ты зачем пришёл? Хотя он под два метра, а ты, может быть, всего метр пятьдесят. Ты на него бросаешься, он тебя гнёт, а ты его – зубами! Ты в это время разве о смерти думаешь? Вот и мы не думали.

Или вот когда нас опустили на землю, к противотанковым истребительным пушкам, и мы расстреляли танк на семи метрах – всего на долю секунды я как наводчик определил врага. А ещё б чуть-чуть – и был такой Фёдор Тимофеевич – и нету. Разве можно в это время думать о смерти?

На войне мне повезло. Я три державы покорил – Венгрию, Австрию, Чехословакию. Был ранен, но в госпиталь не поехал. День Победы встретил в строю, в городе Новоградец.

В тот великий день толпа стаскивала нас с машин, подбрасывала на руках вверх. Много подарков дарили. Просили на радостях что-нибудь тоже в подарок. А что нам дать? Догадались, начали отрывать пуговицы со звёздочками с гимнастёрок, пилоток и раздавать их как память об освобождении народов Европы от фашистской чумы. Чехи

целовали их и прятали в карманы, как талисман, означающий спасение от гитлеровцев.

Но этот день омрачило одно событие. На площади возник стихийный митинг в честь Дня Победы, но он был прерван самым неожиданным образом. На мотоцикле подъехал партизан и крикнул: «Расходитесь! Войска СС спускаются с гор!». Старики, женщины и дети быстро разбежались по домам, а дивизия, в которой был я, развернула пушки по разным улицам. Площадь быстро опустела. Партизаны и местная молодёжь начали баррикадировать улицы, и с оружием присоединяться к советским солдатам.

Мы были готовы отразить нападение. Но фашисты, испугавшись, повернули обратно в горы, и честь разбить их была предоставлена уже не нам. Покидали мы Ново-Градец с безумно радостным настроением. Наконец-то война, вероломная и проклятая кончилась пусть такой трудной, но Победой. Жители города провожали нас со слезами радости и счастья, бросая под колёса наших машин цветы», – добавляет Бондаренко.

– На 10 мая 1945 года был назначен парад-смотр войск 105-й дивизии. И грузовик, в котором ехал я, шёл к месту проведения парада первым.

О возвращении домой

Вернулся с фронта домой я всего на несколько дней. Я до учёбы очень жадный. Вот и говорю маме, что хочу ехать дальше учиться. Она – в слёзы. Вроде и от радости, что вернулся, но и от горя, что снова уезжать хотел. Вот в 1946 году я пошёл поступать в политехнический. Но меня сначала туда не взяли, потому что должен был окончить 9 классов, а у меня только 8 классов было. Вот расстроился я, когда вышел из университета, сел на ступеньки и тут парень идёт. В общем, он-то меня и позвал учиться в маши-

ностроительный техникум. Когда я его закончил, меня вызывает директор и говорит: «А давай ты у нас преподавать будешь». Вот я днём преподавал, а вечером сам учился в Политехническом институте. Не было же сначала вечернего отделения. Вот я всё ходил, добивался, чтобы сделали вечернее отделение. Учиться очень хотел. И добился, появилось вечернее отделение. Пришлось, правда, всех ребят собирать, чтобы они подписывались, что хотят вечером учиться. Потом я ещё заочно окончил Ленинградский Всесоюзный институт стандартизации качества продукции и метрологии. Вот столько учился я. И сейчас молодёжи советую учиться, не лениться.

О молодёжи мнение хорошее – с кем разговариваю, вижу по глазам, что они молодцы. Но историю им неправильно преподают – когда начинаю рассказывать, они делают большие глаза. Многие не знают, кто такой Жуков даже. С экранов телевидения постоянно большим потоком льётся ложь, неправда о нашей революции, о Сталине и т. д. Но всё равно я убеждён – молодёжь правду узнает, ей только нужно помочь.

Уверен, случись беда – на примере своих дедов и прадедов молодые выстоят, защитят Родину, не пожалев своей жизни.

В рамках Дня памяти и скорби 22 июня 2013 года фронтовик принял участие в закладке капсулы с посланием будущим поколениям, которую вскроют 9 мая 2045 года.

ПУСТЬ ДЕВЧОНКИ – В АТАКАХ НИКТО НЕ ДРОЖАЛ!

ТАМАРА ЮЛЬЕВНА БРОНОВИЦКАЯ фельдшер, зенитчица

Тамара Юльевна прошла через многие испытания. Сегодня ей 95 лет, она мудрый и интересный человек. Война ставила её на самый край жизни, откуда можно было не выбраться... но она выжила. Выжила, чтобы мир с ней был чуточку лучше, честнее.

Детство и юность в Сибири

В Сибирь я приехала в семь лет, маму со мною и двумя братьями сослали в село Лянино в Новосибирской области после ареста отца. Он был дворянином, а также двоюродным братом Валериана Куйбышева и работал специалистом в области химических технологий в ведомстве Лазаря Кагановича. В марте 1931 года приехал чёрный «воронок», отца забрали, нам велели собираться в Сибирь. Я тогда болела «свинкой». Мама одела нас тепло, помню, на мне была беленькая шубка и пуховой платок. Ещё суну-

ла мне какую-то шкатулку, те, кто нас арестовывал, этого не заметили, и я привезла её в Сибирь. Там было немного драгоценностей. Больше ничего взять не удалось.

Когда нас вывели из дома сажать в «воронки», то солдат грубо толкнул маму. А мы жили на первом этаже, и в квартире осталась овчарка, хорошая собака, жившая с нами много лет. Она выскочила из окна и бросилась на этого человека, который так обращался с мамой. Он выхватил пистолет и нашу овчарку застрелил. У меня полжизни была перед глазами эта картинка: как на моих глазах убили любимую собаку.

– Наш вагон с арестантами прицепили к «скорому», – продолжает Тамара Юльевна. Он шёл на Дальний Восток. Семью поместили в одно купе, вместо дверей там была решётка, запёртая на замок. Когда маме нужно было в туалет, то её сопровождал солдат. И там тоже были решётки, всё делать приходилось под конвоем. Ехали две недели. Вечером нас привезли в сельсовет Лянино и там оставили.

Деревня была большая, дворов 500. Дома хорошие, немало людей зажиточных, своя школа есть. Потом в селе появилась машинно-транспортная станция, а ещё через какое-то время из Англии привезли баранов, стали скрещивать их с местными овцами, для выведения породы приехали учёные из сельхозинститута. Руководитель института искал лаборантов. Ему сказали, есть грамотная женщина, но у неё муж оказался врагом народа, его расстреляли... Тот ответил: «Я занимаюсь не политикой, а наукой», принял маму на работу, через год предложил ей получить в институте образование. Сказал, у меня не политический вуз, жене врага народа там учиться можно. И она в 37 лет поступила, окончила институт и стала ветеринаром. Когда времена сменились, обличение врагов народа закончилось, ей присвоили звание Героя Социалистического Труда, она избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР. Мама у меня была удивительная! Я и сегодня,

прежде чем сделать что-то важное, всегда думаю, как бы на это посмотрела мама, какое решение она бы приняла.

Нам повезло. Что с нами делать, в сельсовете не знали. И вдруг зашла хорошо одетая женщина и стала узнавать, кто мы такие. Начальник ей объяснил: ссыльная семья, куда определять их, неизвестно. Она спросила, может ли забрать нас к себе, он только обрадовался: проблема решилась. Ирина Семёновна, как звали эту замечательную женщину, была учительницей химии в средней школе. Она жила в огромном доме, дети его уже покинули, уехали учиться. Для нас она растопила баню, подыскала какую-то одежду. Для девочек у неё вещей не было, и мне досталась кофта Ирины Семёновны, я ходила в ней как в платье. Мы наконец вымылись, мама выстирала наши вещи. Хозяйка спросила, умеет ли мама шить и, услышав утвердительный ответ, успокоила: голодны не будете, клиентов найду. У неё дома была машинка «Зингер». Через некоторое время нам кто-то прислал денег (я так никогда и не расспросила у мамы, кто именно нам помог), мы купили небольшой домик рядом с Ириной Семёновной, там и поселились.

Профессиональное определение

На всю жизнь Тамара Юльевна связала себя с медициной. – Мой дед был земским врачом. Хотя в их роду все учились в морском училище в Петербурге. А своё имение было под Киевом, оттуда дети уезжали получать образование. Дед решил: старшие братья моряки, а ему надо стать врачом. Тайно от семьи поступил в Петербурге в университет. Когда узнали, случился скандал, ему дома отказали в финансовой поддержке, он учился за государственный счёт, потом его отправили в Литву, где он жил и работал. Я сама его не застала, но дома о нём рассказывали, говорили, что дед был хорошим врачом и человеком.

Кстати, отдельная история связана с киевским именем моих предков. Мама о той жизни нам не рассказывала – мы росли в деревне под Новосибирском, зачем нам надо было слушать о Киеве. Узнала я всё позднее, а когда вышла замуж, и мой супруг учился в Киеве в военной академии, то решила разузнать про то имение. Оказалось, здание не разрушили в войну, и теперь в нём находится детский санаторий. Я поехала туда. Очень красивое здание! Такие сильные испытала эмоции, что в холле упала в обморок и потом две недели пролежала в госпитале. Оказалось, у меня сердечный приступ. После распада СССР мой двоюродный брат генерал, поехал в Москву, изучил дворянские архивы, нашёл документы на тот дом и его получил.

Грозная поступь войны...

Что до моей учёбы, то я окончила семь классов, училась здорово: все трое детей из нашей семьи окончили школу с золотыми медалями. В 15 лет поступила в Бийске в медицинское училище. Летом 1941 года у нас должны были быть выпускные... Но началась война. Сначала наших мальчишек вызвали, присвоили им звание лейтенантов. Они вернулись в форме. Мы их не узнали сначала, какие красивые были парни! Мы тоже хотели на фронт, всей группой направились в военкомат. Помню, на улице стояла жара, народу полно, идет призыв... К нам вышел замученный капитан: «Девчонки, ради бога, уходите, нет времени на вас.

И никуда не уезжайте из города, мы скоро вас призовём!». Так оно и случилось, нам тоже присвоили звание, и в часть мы явились лейтенантами.

Сначала я была фельдшером в пехотном батальоне. Это самое страшное, где солдаты в атаку ходят. Мы многое умели, нас в училище очень хорошо готовили. После войны я однажды смотрела на выпускников училищ, их с нами было не сравнить, гораздо меньше знали. А когда мы учились, уже шла война с финнами, и мы всё умели делать. Я даже сосуды сшивала! Нам серьезно хирургию преподавали.

На фронт нас отправили под Смоленск. Только стали разгружаться, как немцы начали нас бомбить. Попали в окружение, с августа по октябрь были там. Из него я не вышла, а меня вынесли солдаты на плащ-палатке, такое было истощение.

Очень страшно было! Самое ужасное – все такие молодые люди, офицеры были почти наши ровесники, чуть старше 17 лет. И вот ухнет рядом снаряд – и половины тех людей, с кем ты только что разговаривал, больше нет, они погибли. Постоянно приходилось это переживать.

Терпели, конечно, много неудобств. Самое запомнившееся – не было возможности помыться... Форма и белье были, нам выдавали коротенькие рубашки из тонкой ткани. Потом из Англии жена Черчилля нам прислала очень красивые армейские платья и шинели. Они сшиты были здорово, из качественной ткани хорошей. Моё платье было 44 размера, такая я была худенькая. Защитного цвета, а шинель светло-табачного, с поясом, похожая на пальто.

Осенью и весной есть было почти нечего. Продукты поступали плохо, потому что дороги размывались. Оставалось одно – есть овсяную кашу без соли и без масла... Я потом лет 20 не могла даже видеть овсянку. От слова «каша» я была готова просто из кожи выскочить!

Все инструменты, ножницы, шприцы заранее готови-

ли в медсанчасти и упаковывали. Потом старались взять в санитарную сумку больше необходимых вещей. Боролись с инфекционными болезнями. Я была на фронте с 8 августа 1941 года и до конца войны. Тифа у нас нигде не было. Солдаты умели стерилизовать одежду от вшей. Сваривали две бочки, в одной топятся, в другой вода кипит, и туда вешают шинели. Термометром контролируют, сколько градусов. Надо смотреть, чтобы было больше ста. Так всё дезинфицировали.

Однажды я попала в медсанбат как пациент, – говорит Тамара Юльевна. У меня лопнула лопатка, в глаз попал осколок, и правая рука была сломана в кисти. Из глаза осколок мне вытащили магнитом, но видеть он перестал. Гипс надо было держать на руке 71 день. Но в медсанбате было тяжело: работников мало, нас бомбят, убивают медсестёр, врачей... Мне говорят: «Броновицкая, хватит лодыря гонять! Иди решай, кого первым на операцию отправлять, у кого какие полостные ранения». Санитара отправили мне помогать. Потом, когда я выздоровела, меня уже не хотели выписывать. Раненых было так много, что иногда по три дня не выходили из операционной. Захочешь в туалет – тебе туда принесут и ходишь прямо у стола. А спать совсем не доводилось...

Был случай, я три дня у операционного стола простояла. Есть уже не хотелось, в ушах звенело. Легла спать в землянке. Там у меня стояла обыкновенная солдатская кровать, железная, со спинкой, а на стене висели носилки. И пока я спала, рядом упала бомба, крыша обрушилась. Носилки упали так удачно, что меня прикрыли. Я проснулась от того, что все кричат: «Броновицкая!». Спрашиваю, что случилось? А потом смотрю – лежу под открытым небом, хотя засыпала под крышей в землянке. Носилки меня спасли. Я так крепко спала, что ничего не заметила. Мне было всё равно, что бомбят, лишь бы выспаться.

После ранения меня перевели в зенитные войска. Там

было проще – они дольше стояли на одном месте. Охраняли мосты, эшелоны сопровождали. Нам не приходилось бегать, давали санитарную машину. Столько девчонок-зенитчиц погибло, когда немцы стали нас бомбить. Как чёрная стая прилетала...

На службе мужчины ко мне всегда хорошо, с уважением. Шутя даже звали по имени-отчеству. Я воспитанная была, для своего возраста образованная. А ещё ко мне генерал приезжал. У моей тёти было восемь детей, один из сыновей, Женя – военный полковник, а во время войны стал генералом. Он был 1909 года рождения, блондин, рост метр 94, не располневший, подтянутый... Его дивизия близко стояла, он часто приезжал ко мне. Начальство знало, он двоюродный брат, а мальчишки не понимали, кто он, побаивались: с этой девочкой не шути, к ней генерал ездит.

Орден Красной Звезды

Свою боевую награду – орден Красной Звезды – я получила в тяжёлых обстоятельствах. Мы вели бой за деревню, наступали немецкие танки. Положение было очень тяжёлым. Солдаты сидят в окопах, я вижу – начинают бежать, испугались. Я выхватила пулемёт и сделала очередь по земле, потом вторую – у самых ног. Они остановились, вернулись на позиции, а вскоре появились наши «Т-34». Деревню мы удержали.

Немного времени прошло, приехал в нашу часть генерал армии Конев. Меня вызывают к нему. Иду, ни жива не мертва, девчонка ведь! Да ещё и чуть ли не по своим стреляла. Представилась, доложила, что произошло. Он встал и спросил ординарца, есть ли у них с собой ордена. Тот ответил, что все закончились, но есть наградные листы. Тогда Конев снял с кителя свой орден Красной Звезды и отдал

мне, а наградные тут же подписал. Потом после войны возникли вопросы по этой награде: у каждого ордена номер ведь есть, его тоже номерной был и получил он его на Халхин-Голе, когда я ещё, как говорится, пешком под стол ходила. Ну и забрали у меня награду. Уже в 1972 году мы ходили с Женей, который был сыном тети, ходили на приём к Коневу по поводу награды. Он тогда ответил, что ничего не помнит и думал, что потерял орден во время войны. Я тогда взбесилась, так мне стало противно, что вскочила, хлопнула дверью, да так, что стёкла в окнах задрожали, и ушла из его кабинета. Так и осталась награда без героя...

Фронтовая судьба на всю жизнь

С мужем мы познакомились на фронте: мы вместе служили, в одной части, мы ровесники. Муж у меня был очень добрый и умный. Зенитная артиллерия – это не пехота. Обычно туда попадают дети высокопоставленных людей. А Володя вырос в саратовской деревне. Но он прекрасно знал немецкий – выучил его в детстве благодаря соседям

из Германии и обладал феноменальной памятью. Помню, меня поразило, когда ему при мне прочли вслух статью из газеты, а он сразу запомнил её и рассказал наизусть. Во время войны он с другими ребятами разработал проект, позволяющий использовать для пушек не шесть, а десять зарядов. Доложили в военную академию. Их вызвали на учёбу. Перед отъездом он задумал на мне жениться. Причём я об этом не подозревала, он не со мною разговаривал, а поехал к Евгению, моему двоюродному брату. Я не знала о его планах. И вдруг приезжают Женя и Володя. Шёл июнь 1944 года, война. Евгений говорит: «Тамара!». А меня все только Тамарой звали, не Томой, исключением потом стал муж. «Где ты такого парня найдёшь? Выходи за него замуж!». Он мне нравился, но я ни в кого не была влюблена. Мне совсем мало лет было, и война.

Уговорили меня выйти замуж. В штабе нам выписали проездные, и мы поехали в Черкассы расписываться, поскольку рядом с этим городом стояли части. Пришли в ЗАГС. Нас расписали и свидетельство о браке выдали на украинском. Помню, было 6 июня. Вышли из ЗАГСа на улицу, солнышко светит. Супруг спрашивает: «Куда пойдём?». Я ему говорю: в ресторан. Они тогда уже работали. Мы поели, отметили свадьбу. Не выпили – я не пью, совсем и никогда (потом выяснилось, у меня нет фермента, расщепляющего алкоголь, но у нас в семье в любом случае было не принято выпивать). На вокзале узнали, что его поезд в Москву, в Академию, через два часа, а мой вечером. Так и расстались, разъехались.

Но вскоре мы с ним встретились. Мою часть в Ростов переводили, а муж сдал в академии первые экзамены и перешел на заочное отделение. Узнал, где наша часть, и туда приехал. Жили мы сначала в непростых условиях, вместе с двоюродной сестрою Леной в крошечном помещении в полуразрушенном доме. Мы с Леной спали вдвоём на узкой кровати, а Володя на диване.

Муж ещё и отворачивался к стенке, чтобы не видеть, как сестра переодевается. Так несколько месяцев продолжалось, потом мы смогли найти себе квартиру. Это теперь еще до женитьбы многие невесты беременные, мы сначала отдельно, можно сказать, жили.

Муж у меня был необыкновенный, добрый и красивый. Детей мы, к сожалению, родить не смогли – из-за того, что у меня был туберкулёз почек. Володя умер внезапно в 44 года. У меня через несколько месяцев после его ухода случился инфаркт.

Войне конец!

Помню, было воскресенье, когда окончилась война, и всю ночь кругом стреляли. Мы долго не спали, не понимали: почему не объявляют тревогу, но слышны выстрелы. Утром проснулась рано, в шесть часов. Пришёл денщик, сообщил, что мы пойдём всем батальоном проверять девятую батарею. Только вышли – навстречу бежит девчонка-радист и кричит: «Война кончилась, по радио передали!». Все мы просто обалдели. Я побежала в медсанчасть. Пришёл начальник медсанчасти – перекрестился. Но никто не собирался, не выпивал, никак не праздновали. Просто потрясенно переглядывались. Девчонки плакали – у кого папа на войне погиб, у кого жених, у кого брат. У меня оба брата тоже погибли. А у моей тети убили четырех сыновей! Это ужасно. Все они были военные офицеры, прекрасные люди... Как она перенесла столько горя?! Но два сына и две дочери из её восьми детей выжили.

Мне до сих пор война снится в кошмарных снах. Определённые эпизоды вспоминаются. Недавно видела момент, когда мы от танка убегали.

За годы службы, несмотря на все лишения и муки, я ста-

ла организованной, появилась внутренняя собранность. Особенно если что-то случилось – знаю, не впаду в панику, пойму, что мне надо сделать. И сама человеческая дружба безо всяких выгод. На войне была такая.

Сегодня

Я получаю хорошую пенсию. Для меня это достаточная сумма, я живу одна, ничего особенного мне не нужно. Правда, тяжело, что у меня здесь никого нет, ни родных, ни друзей. А я почти ничего не вижу. Скоро должны переехать дальние родственники, будет легче.

В Томске оказалась вот как. Я долгие годы жила в Саратове, там были родственники моего мужа. Потом все они умерли, я осталась одна, мне нездоровилось. Перебралась в Бийск, где освободилась квартира родных. Вскоре двоюродная сестра приехала, стала уговаривать меня к ним переехать, её дочка в селе Подгорное работала детским врачом. Я переселилась, но там у меня была квартира в старом доме, хотя и большая, но не в лучшем состоянии. В подполе что-то гнило, а я запахи не переношу. И как раз в те годы начали давать участникам войны квартиру... Мне повезло! Добавила своих средств и купила хорошую квартиру в Томске в новом доме. Хотя никаких друзей у меня тут нет, но ко мне очень хорошо относятся.

МОЙ ТАНК СТОЯЛ НА ПОСТАМЕНТЕ В БЕРЛИНЕ, КАК НАПОМИНАНИЕ О ГРОЗНОМ РУССКОМ ОРУЖИИ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ,

танкист, участник штурма и взятия Берлина

Михаил Васильевич родился 15 февраля 1924 года в деревне Ново-Николаевка Кривошеинского района Томской губернии, в большой и дружной крестьянской семье.

– Нас, детей, в семье было десятеро. А сейчас осталось только двое – я и сестра, которая на десять лет моложе меня. Старший брат в 1936 году закончил мединститут, а в 1941-м погиб под Москвой. А я до войны работал в конторе сначала учётчиком, потом бухгалтером.

Считал я хорошо, в математике соображал, до сих пор не пользуюсь калькулятором – всё в уме считаю. Вот меня и попросили поработать на Рыболовской машинно-тракторной станции. Наша МТС обслуживала 19 колхозов! У нас была сотня тракторов, много комбайнов – конечно, не таких, как сейчас, а прицепных. Начал я работать в 1940-м, а через год началась война.

Механизаторов стали призывать в армию, но вскоре

вышло постановление, по которому им предоставляли бронь: кому-то ведь нужно было и людей кормить. Самых лучших и опытных оставляли в тылу. Меня призвали летом 1942-го, когда мне исполнилось 18. Из Кривошеино в Томск мы добирались на пароходе. Там нас распределили по группам – меня направили в школу командного состава, где я прошёл обучение и получил звание сержанта. А затем – в Барнаул, обучать солдат 1925 года рождения снайперскому делу.

– Стрелял уже хорошо к тому времени. Я ещё пацаном ходил с ружьём, бил и зайцев, и уток, и косачей. У меня отец был охотником! А снайперская винтовка – это ведь обычная винтовка, только с оптическим прицелом, что-то вроде бинокля. Смотришь за километр – а кажется, что всё рядом. Так что это несложно. Конечно, надо уметь прицелиться, знать, как отрегулировать винтовку. Но всему этому снайперов учат. Мы своих готовили три месяца, а затем отправили на фронт. А нас, командиров, распределили по частям. И я попал в Омское танковое училище.

– В общем-то, это вышло случайно. Когда приехал представитель училища, я как раз сидел и писал списки – кто куда едет. Он остановился и стал смотреть. А у меня был очень красивый почерк. Ему понравилось, мы разговорились, и он спрашивает – а ты куда? Ещё не знаю, говорю. Так давай, говорит, к нам!

Подготовка в училище была очень серьёзной – на механика-водителя и пулемётчика-радиста учились шесть месяцев. Ну а потом – на платформы и на фронт. Я попал на Первый белорусский, во вторую танковую армию. Сначала – в район белорусского города Барановичи. А через несколько дней нас бросили в бой. Наш танк и ещё один были посланы для выявления огня: мы идём вперёд, немцы нас бьют, а наши засекают, откуда огонь, и в ответ хлещут по немцам. Наш танк загорелся, второй тоже. Но мы выбрались: из нашего экипажа тогда погиб один человек,

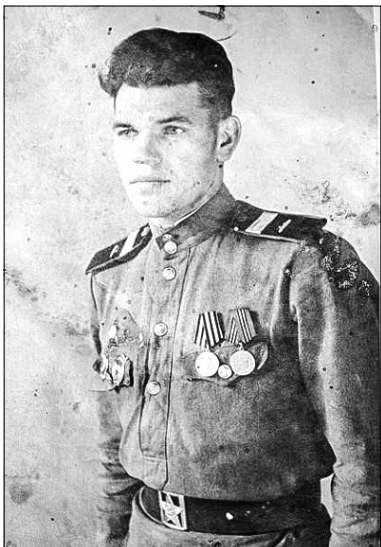
механик. К сожалению, фамилию его я не помню – слишком мало времени нам довелось воевать вместе. Вместо него нам дали Виктора Гуровского. А во втором танке – его тоже подбили – обгорел заряжающий.

– Экипаж у нас был хороший, дружный. Шутили, всем друг с другом делились, и после войны встречались. В экипаже было пять человек – командир танка, командир орудия, механик-водитель, заряжающий и я – радист-пулемётчик. Танк – оружие грозное, имеет два пулемёта и пушку. С пушкой работают два человека, которые находятся в башне. А мы втроем – внизу. Командиром у нас был Леонид Петрович Десянов, очень хороший человек, впоследствии ленинградский профессор. После войны я дважды был у него в гостях в Ленинграде. Но сейчас он уже умер. Да и остальных в живых нет.

Михаил Васильевич, смеясь, замечает: в танке все было – и жара, и тесно, и разговаривать невозможно – звук такой, что ничего не слышно, общались с помощью вшитого в шлем оборудования. Ну да ничего, ко всему привыкаешь.

Бывало, и спали в танке, и ели здесь же. Если кухня привезёт горячую еду – хорошо, если нет – открывали тушёнку или сухой паёк. А представьте, каково пехоте? Нам хотя бы пешком ходить не надо! А они в окопах в любую погоду. Если немцы кухню разбили – они без обеда. Тогда идут к нам – дайте что-нибудь поесть! Мы, когда была возможность, загружали в танк и тушёнку, и консервы, и потом их кормили. Или возмёшь пехоту на броню, пока по пути. А потом надо расходиться, а они до последнего слезать не хотят: у кого ноги стёрты в кровь, у кого ещё что-то.

После того боя, о котором я говорил, ремонтная бригада наш танк подлатала, и мы двинулись дальше, в Польшу. Там нас опять подбили – всю гусеницу разворотили. Это было в марте 1945-го. В этот день погиб ещё один наш товарищ, Евсеев. Он был самый старший из нас, около 40 лет. Ему

нужно было упасть в какую-нибудь ямку и лежать, когда мы вылезли из подбитого танка, потому что немцы в таких случаях всегда старались танкистов добить. А он поднялся на ноги и побежал. И меня, как я потом узнал, тоже посчитали погибшим, хотели даже похоронку отправить, но не успели – вечером я догнал своих, и они, увидев меня, очень удивились. А ещё через несколько дней меня ранило.

А произошло это так: наш танк опять подбили, мы начали из него выскакивать, и в этот момент меня осколками снаряда ранило в левый бок. Подрубило два ребра, и в почке до сих пор осколок сидит – доставать его не стали, чтобы не повредить почку ещё больше. Сейчас он уже стал меньше размером – химическая реакция! Но так с ним и хожу.

После произошедшего ранения меня даже не стали в тыл отправлять – подлечили в полевом госпитале. Женщина-врач, майор, сказала – ты ведь, Третьяков, пешком не ходишь! Мы всё из твоего бока достали, что надо, замазали, подклеили, так что ничего, поедешь дальше на танке (смеётся).

Тогда шла большая подготовка к переправе через Одер. В апреле 1945-го пришло большое количество танков, другой техники. Но пока мы дошли до Одера, нас хорошо размотали. Потери были большие, что там говорить, хотя командование и старалось нас беречь. Я был в первом танковом батальоне, которым командовал капитан Кулаков. Когда мы вышли к Одеру, все мосты были взорваны – нужно было наводить понтонную переправу. Делалось это в основном по ночам.

Немцы нас бомбили, но к тому времени они уже серьёзно выдохлись и не гонялись за каждым солдатом, чтобы его убить, как делали раньше. На Одер они возлагали большие надежды – считали его серьёзным укреплением. Но всё произошло довольно быстро. И вот мы оказались на территории Германии.

А через некоторое время к нам прилетел на самолёте командующий второй танковой армией генерал Богданов. Собрал всю нашу дивизию и сказал: – Товарищи генералы, офицеры, солдаты, танкисты! Перед нами поставлена задача в течение десяти дней прорвать сильно укреплённую оборону противника, окружить Берлин и взять его. Несправедливо будет, если Берлин, а значит, и победа достанется союзникам, которые только недавно открыли второй фронт! – И мы пошли в наступление.

Бои шли ожесточённые, танки горели вовсю. А потом нам подбросили несколько «катюш» – не помню уже, пять или шесть. И как они дали жару! После этого мы прорвали оборону и пошли к Берлину. Стреляли так, что земля тряслась. И уже 29 числа стояли у стен Рейхстага.

– Танки шли колоннами, поэтому если один подобьют – все в ловушке, добивай. Поэтому и вёлся такой огонь – чтобы сразу уничтожить вражеские огневые точки. Наше командование говорило немцам: сдавайтесь, зачем лишние жертвы, если капитуляция неизбежна? И вот наконец они пошли на переговоры.

У нас был капитан Кулаков, которого незадолго до этого ранило в голову, но в госпиталь он не пошёл. Так вот он с забинтованной головой бегал от танка к танку, стучал по башням и кричал – не стрелять, не стрелять! Переговоры состоялись 1 мая, а рано утром 2 мая, на рассвете, открылась половинка Бранденбургских ворот, и пять первых танков, в том числе и наш, вошли на территорию Рейхстага.

Нам дали приказ развернуть танки пушками на Рейхстаг, но не стрелять. Немцы, сдаваясь, выходили из всех уголков и складывали оружие, которое лежало большими грудами. А их верхушку тогда так и не нашли. Позже оказалось, что они находились в подземном бункере.

2 мая немцы сдались, а 3-го объявили, что комендантом назначен был Федор Матвеевич Зинченко, уроженец Кривошеинского района. Я даже сунулся было к нему пройти, но где там! Кругом же были тысячи людей! Увиделись мы уже после войны. Он сам после демобилизации жил на Украине, но он почти каждый год приезжал на родину, где оставались его братья и сёстры, и мы с ним много

раз общались. Из Рейхстага нас вывели 3 мая, но в Берлине мы ещё оставались до 4-го или 5-го, не помню уже. Успели даже погулять по городу. Разные впечатления остались от таких прогулок. Я хорошо запомнил сарайчик, в котором штабелями, как дрова, были сложены обнажённые трупы немцев. Они же люди аккуратные, вот и приготовили их на сжигание, но сжечь не успели. А на одной из улиц мы увидели гараж, а в нем немец возится со своей машиной. Мы спрашиваем – машина на ходу? Дай прокатиться! Он дал, но сказал – долго не катайтесь, горючего мало! Гуровский сел за руль, и мы проехали по Берлину, а потом вернули машину хозяину.

Некоторые немцы боялись, прятались. В одном из домов мы увидели трупы женщины, девочки и мужчины – оказалось, это эсэсовец убил свою семью и застрелился сам.

Раз уж мы заговорили о страхе, расскажу еще одну историю. Когда мы были в Польше, нам сказали, что в деревне есть русские девчонки, которых немцы угнали на работу. Мы к ним, а они не хотят с нами разговаривать. Я не выдержал – да как же так, вы же русские? И тогда одна говорит – нам сказали, что немцы через несколько дней вернутся и всех, кто общался с русскими, повесят. Не бойся, говорю, теперь уже не вернутся!

А ещё я в Германии начал курить. И до войны не курил, и сейчас не курю, а там курящие как начали приносить сигары и разные интересные папиросы... И все время говорил, и много лет, пока не решил – ну зачем я себя травлю? И бросил.

– 4 или 5 мая нас бросили на уничтожение немецких частей, которые не хотели сдаваться и продолжали сопротивление. Помню, только мы увидели какой-то сосновый лесок, в котором можно было остановиться на отдых, как прилетел наш «У-2» – лётчик спустился очень низко и что-то кричал, но мы не могли расслышать, что именно.

А потом бросил привязанную к какой-то железяке записку. Мы её подняли, и оказалось, что совсем недалеко от нас, в сосняке, немцы напали на соседнюю с нами часть и уничтожили её. Мы завели танки и бросились туда. Немцы открыли огонь и по нам, но мы их разбили.

– Если разобраться, на войне все страшно. Но что поделаешь? Поначалу страшно видеть, как гибнут люди, а потом привыкаешь и иногда даже внимания не обращаешь на то, что рядом с тобой убили человека. И думать, что стреляешь по живым людям, тоже не очень приятно.

Этот бой был нашим последним боем. Немцы не хотели сдаваться, дрались ожесточённо. И мы, конечно, тоже. Сколько я тогда их убил, не знаю. А ведь все могли бы остаться живыми... После этого мы уже никуда не пошли – так и остались в том лесочке. Ни палаток, ничего у нас не было – рубили сосняк и спали на ветках несколько дней. Там и Победу встретили.

Когда объявили, что война закончилась, – кричали от радости, стреляли, шапки вверх бросали. А потом, слышу, кричат: Шушунин, давай! Был у нас такой майор Шушунин, который отвечал за хозяйственную часть. Он до этого всё время говорил, что спирта у него нет. А тут откуда только спирт взялся! (Смеётся).

А потом нам дали команду ехать в район Нойруппина, где раньше стояли эсэсовские воинские части, в том числе танковые. Там были большие ремонтные мастерские, гаражи. Там нас поселили. А через несколько дней после войны меня вызвал начальник штаба и сказал: «Миша, я знаю, ты работал в бухгалтерии. А у меня людей нет – Сталин дал приказ всех, кому 60 лет и больше, демобилизовать и отправить домой. Иди в финансовый отдел, к капитану Ткачеву!».

Всем, от солдата до генерала, надо было выдавать зарплату. В Германии, например, солдатам выдавали только марки – что-то около 15 марок, точно уже не помню. Для

этого и существовали финансовые отделы, в одном из которых я проработал до 1948 года. Продукты из Советского Союза тоже не возили – их нам поставляли немцы, а мы рассчитывались с ними чеками. Мы ездили в банки, в команде у меня было три казначея. Я хотел уехать домой, но мне сказали – мы тебя не отпустим, поезжай и привози сюда жену!

Жены, конечно, не было, но была девчонка, с которой я переписывался. Её звали Надя, мы с ней вместе учились в школе. Мне дали 60-дневный отпуск, я приехал в Кривошеино и здесь женился. Было это в 1946 году. Причём на неё мне сразу оформили документы как на жену, чтобы два раза не ездить. Я приехал и ей эти документы показал. Она сначала говорит – как же это так? Ну хорошо, говорю, я их порву. Нет, отвечает, не рви.. Так и началась наша совместная жизнь.

Мы прожили вместе до 1994 года, а потом моя Надя умерла. В Германии нам предоставили квартиру, и там у нас в 1948 году родился старший сын. И в этом же году жена меня уговорила из Германии уехать. Обстановка тогда была беспокойная – в 1947 году, например, произошла серьёзная стычка с американцами. Берлин ведь был поделен на несколько зон, и мы, проезжая по американской зоне, не могли выйти из трамвая – сразу американцы арестуют. Ну вот наши офицеры как-то вышли, и случился у них конфликт. Причем очень серьёзный – только через несколько дней всё уладилось.

– С немцами за четыре года никаких недоразумений не было ни разу – они к нам относились лучше американцев. В общем, жена всё время тянула меня домой, и в конце приехали домой – на руках сын, всё, что у меня есть – шинель, шапка и сапоги. И стал я устраиваться на работу. Сходил в бухгалтерию МТС – там всё укомплектовано. Устроился завбазой. Но через несколько дней отец жены, который был в МТС конюхом, похвалился на работе, что приехали

дочь с зятем. Директор МТС об этом узнал и пришёл звать меня к себе. Я говорю – всё, теперь уже не буду работу менять. Тогда он пошёл в райком партии. Меня вызвали и сказали – пойдёте в МТС! Сначала директор попросил меня заведовать нефтебазой – нужно было заниматься снабжением горючим. А потом я стал главным бухгалтером МТС и оставался им до 1958 года.

После ликвидации в 1958 году всех МТС Михаил Васильевич работал главным бухгалтером ремонтно-технической станции, потом – предприятия «Сельхозтехника» и совхоза «Кривошенский». А затем вернулся в «Сельхозтехнику» уже в качестве главного экономиста. Трудился здесь до 1984 года, заявление написал после того, как его сына назначили руководить предприятием – счёл, что такая семейственность будет не совсем правильной. Но отдыхать Третьякову не дали: позвали в управление сельского хозяйства райисполкома, в отдел экономики. Здесь он проработал ещё 12 лет. С тех пор на пенсии, живет в Томске. Пока были живы его сослуживцы, много раз встречался с ними. На вопрос о секрете своей бодрости, которой могли бы позавидовать многие молодые, отвечает так:

«Всё просто: не опускайся, держись, веди себя хорошо, не пей, не кури, и будешь жить долго! И главное, трудиться нужно! Чтобы поднимать страну».

Сегодня Михаил Васильевич занимается огородом – с мая месяца его не застать дома, уезжает на свой участок в Кривошеинский район и выращивает помидоры. В прошлом году собрали восемь вёдер! Уже в начале весны у него в квартире подоконники заполнены саженцами будущих овощей. Нам довелось попробовать замечательную томатную пасту, сделанную Михаилом Васильевичем, а также настоящий кривошеинский луговой мёд с пасеки его сына.

МАТУШКА-ПЕХОТА, СТО КИЛОМЕТРОВ ПРОШЁЛ, И ЕЩЁ ОХОТА!

ГЕННАДИЙ ФЁДОРОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
труженик тыла, стрелок, химинструктор

Академик Международной Академии Информатизации, Академик Российской Академии естественных наук, участник войны с Японией Геннадий Фёдорович Плеханов родился 8 ноября 1926 года в г. Минусинске Красноярского края.

Осенью 1943 года из 10-го класса Назаровской средней школы был призван в ряды РККА. В 1943–1947 гг. проходил службу в частях 34-й стрелковой дивизии Дальневосточного фронта в качестве рядового бойца, затем – химинструктора. Будучи связным командира батальона участвовал в войне с милитаристской Японией. По окончании курсов радистов в 1946 г. был назначен радиомастером. С 1947 по 1950 г. проходил службу в артдивизионе 6-го отдельного пулемётно-артиллерийского полка в качестве радиотелефонного мастера.

Вот что Геннадий Фёдорович рассказал нам о своей военной службе и участии в войне:

– Мне, родившемуся 8 ноября 1926 года, призванному в армию 4 октября 1943 года и направленному для прохождения армейской службы на Дальний Восток (в распоряжение ДВФ, как значилось в бумагах), пришлось принимать участие в боевых действиях всего три недели. Много это или мало? Если считать по календарю – сущий пустяк, но если учитывать все привходящие моменты – ситуация не так однозначна. Ведь погибшему (и его родственникам) не так уж важно, в первый или в последний день войны это случилось.

За первую неделю войны с Японией в бригаде, наступавшей рядом с нашей дивизией, от батальона численностью около 800 человек живыми остались только 12. Один из этих двенадцати позднее попал в нашу часть и рассказал то, о чём в сводках не сообщалось. В нашем учебном батальоне 34-й стрелковой дивизии из приблизительно 400 человек за то же время погибло только двое, и те по собственной оплошности. (Об этом тоже, кстати, официально не сообщалось.)

Причина почти бескровного наступления нашей дивизии в первую неделю войны заключалась в оригинальном и смелом замысле её командира, генерал-майора Демина, который решил направить весь личный состав не по дорогам или вдоль реки Сунгари (где наступала соседняя бригада), а прямо через непроходимые болота междуречья Амур – Сунгари. В результате через неделю вся дивизия оказалась в тылу Квантунской армии, и только тогда начались боевые действия. За этот рейд дивизия стала краснознамённой, многие военачальники получили награды, а всему личному составу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Она до сих пор хранится в моих старых бумагах.

После выхода дивизии на оперативный простор, особенно после перехода через Малый Хинган, были у дивизии и прогулочные переходы по тылам, были и серьёзные

бои. Иногда по необходимости, а иногда и из-за амбиций командиров низшего звена.

Дело в том, что когда дивизия пошла по тылам Квантунской армии, «наступление» её полков шло в маршевом порядке. Поскольку мы были «матушка-пехота, сто километров прошёл, и ещё охота», то все перемещения планировались и осуществлялись исходя из среднесуточной скорости движения подразделения, без учёта возможного сопротивления противника. А оно бывало иногда весьма ожесточённым. При этом было такое правило. Если по каналам связи до 17.00 будет передано сообщение, что подразделения такого-то командира заняли данный населённый пункт, то оно попадало в сводку Совинформбюро за это же число. Если сведения о взятии населённого пункта передавались позднее, то они включались в сводку следующего дня. Поэтому бывали случаи, когда командир, опережая события, передавал сообщение о взятии населённого пункта, до которого еще нужно было дойти к вечеру.

Такая история произошла на подходе одного из пехотных батальонов нашей дивизии к городу Лянзянкоу, расположенному на левом берегу р. Сунгари, через которую в этом месте был проложен железнодорожный мост длиной 2200 метров (как сообщалось потом в дивизионной многотиражке). А на правом берегу располагался крупный город Цзямусы. Километров за пять от Сунгари командир передал информацию о взятии города. Но когда расстояние сократилось до сотен метров, батальон попал под ураганный огонь обороняющихся японцев.

Диспозиция, как потом выяснилось, была крайне неблагоприятна для наступающих. Батальон японской пехоты в заранее подготовленных траншеях полукольцом окружал подходы к городку. Возле железнодорожного моста с обеих сторон на входе располагались два двухэтажных бетонных дота с пулемётными гнёздами, а на самом мосту стоял

бронепоезд со своими орудиями. Это у обороняющихся. А у наступающих, численность которых была вдвое меньше, помимо винтовок и автоматов имелось только несколько станковых пулемётов и миномётов.

Попав под огонь японцев, батальон рассыпался в цепь. Солдаты залегли, окопались, и сдвинуть их с места было невозможно. У комбата положение аховое. Он уже «взял» этот город, и за «сдачу» его причитается расстрел. Шумит, кричит, сам готов лезть под пули, но даже голову поднять невозможно. А на фоне вечернего солнца, по словам очевидцев, вся картина смотрится как на ладони.

Но вдруг что-то происходит. Доты начинают стрелять по японской пехоте, бронепоезд направляет орудия на доты, пехота обстреливает доты и бронепоезд. Идёт сплошная канонада. Три группы обороняющихся японцев безжалостно бьют друг друга. Через несколько минут из дотов выбрасывают белый флаг, бронепоезд, прихватив солдат минировавших мост, срочно ретируется на ту сторону. Вся японская пехота тоже выбрасывает белый флаг и сдаётся в плен.

Ситуация прояснилась через несколько минут. Оказывается, на левом фланге командир отделения, получивший приказ наступать, спустил своё отделение под обрыв на узкую полосу суши вдоль берега и двинулся в сторону моста низом. Прошли под мост незамеченными. Осторожно поднялись вверх, сняли часовых у входа в доты и открыли огонь по пехоте и бронепоезду. Пехота развернула пулемёты и стала обстреливать доты, бронепоезд стал обстреливать и пехоту, и доты. Короче, началась такая какофония, что закончилась она пленением обороняющихся. Правда, из всего отделения, попавшего в эпицентр перепалки, в живых осталось только четверо раненых.

Когда информация об этом столкновении дошла до штаба дивизии, наш батальон, находившийся в резерве и располагавшийся на расстоянии 104 км от Сунгари, полу-

чил приказ срочно перебазироваться к Лянзянкоу. Пошли в ночь. А надо сказать, что обстановка тогда была своеобразной. Днём наши войска командуют парадом, маршем без сопротивления идут по дорогам, а на ночь занимают плотную круговую оборону, так как начинают шалить и свободно действовать японцы, хорошо знавшие местность. Поэтому ночью в горах у нас завязалась серьёзная перестрелка с какой-то японской группой или подразделением, впрочем, закончившаяся благополучно. Если не считать, что одна из пулемётных очередей буквально прошила полевую кухню, и весь суп из неё вытек.

После суточного перехода по отличной дороге батальон прибыл на место назначения, пройдя за сутки чуть больше 100 км. (Это был наш второй рекордный переход, а первый был ещё в первую неделю «болотного марша», когда за сутки батальон, окончательно вымотавшись, продвинулся всего на километр с небольшим.) Однако все боевые действия здесь уже были закончены. Опять небольшая выстойка и снова перемещение пешим порядком, преимущественно по дорогам. Иногда спокойное, а иногда не очень. Были и встречи с японцами, и стычки, но скоротечные. Были потери, конечно, несопоставимые с соседней бригадой.

Вот, например, одна из таких историй. Вечером остановились готовиться к ночлегу. Местные китайцы рассказывают, что за пару километров от дороги есть несколько домов, где засели японцы. Комбат направляет туда взвод вместе с одним из китайцев для проверки сообщения. Шли спокойно полустроем, полутолпой, переговариваясь о всяких посторонних делах. А когда подошли ближе, попали под ружейно-автоматно-пулемётный огонь. Рассредоточились, залегли. Сами открыли стрельбу. Короткими перебежками добрались до строений, зашли внутрь. Запомнилась почему-то наиболее ярко такая сценка. В наличник окна вбит гвоздь, на котором висят на цепочке крупные карманные

часы и качаются, а рядом на подоконнике сидит с винтовкой в руках девочка-японка лет десяти и плачет.

Китаец по нашей просьбе спрашивает её. Отвечает откровенно. «Патроны кончились, нечем в русских стрелять». А то, что рядом стоят сами русские, ей невдомёк. Не исключено, что из троих погибших в этой передраге кто-то был убит её пулей. Японцев увели и передали как пленных, а девочку оставили у находившейся здесь же матери.

Здесь уместно вспомнить и ещё одну историю, связанную с девочкой, на сей раз китайкой. Это было ещё в Лян-зянкоу. Однажды вечером, когда мы там стояли в ожидании очередной команды, объявляют: «Приезжает ансамбль песни и пляски под руководством Александрова. Привести себя в порядок, помыться, почиститься – идём на концерт». Концерт состоялся на большой поляне, вокруг которой расселось несколько подразделений, а также большое количество японцев, мужчин, женщин, ребятишек.

Концерт был отмененный, не зря ансамбль славился на весь Союз. После концерта мы с одним из наших солдат решили пойти не прямо в своё расположение, а пройтись немного по улицам городка. Через пару кварталов увидели странную процессию. Впереди движется белая лошадь, за ней такая же белая повозка, а рядом с ними и за ними большая группа людей. Все в своей традиционной чёрной одежде.

Подшли ближе, процессия остановилась. И тут рассмотрели, что лошадь и повозка сделаны из папиросной бумаги, наклеенной на остов из прутьев. Мы сначала даже не поверили, настолько искусно всё было сделано, даже штыком чуть проткнули папиросную бумагу. Несут их люди, а чуть сзади идёт девочка лет десяти в каком-то странном одеянии вроде большого белого мешка с прорезями для головы и рук. Ведёт её за руку весьма пожилой священнослужитель. Разговорились с одним из китайцев, достаточно хорошо знающим русский язык.

Он рассказал, что идут похороны по старинной китайской традиции. Умер китаец, у которого кроме дочери никого нет. Процессия идёт, чтобы похоронить её вместе с отцом. На наш недоуменный вопрос: «Как же хоронить? Она ведь живая?». Ответ прямолинеен: «А кто её будет кормить? Я не буду, он (показывает на рядом стоящего китаец) – тоже. Сама она ещё работать не может, надо хоронить». Может быть, слова были немного не те, но смысл понятен и так. Нас это страшно возмутило. Стали рассуждать, не стоит ли организатора таких похорон пристрелить или сдать в комендатуру. Но он быстро испарился. А девочка вцепилась в мою руку и не отпускает. Сказали провожающим, чтоб хоронили одного покойника, без «сопровождения», а девочку мы отведём в комендатуру. Так и сделали. Правда, в комендатуре ещё объясняться пришлось и рассказывать о своеобразном обычае, который там тоже не сразу восприняли.

А потом наступило 3 сентября. Капитуляция Японии и конец Второй мировой войне. Был отдан приказ – расстрелять половину оставшегося боезапаса. Вот это была действительно канонада, а не просто залп в честь победы! Палили все и из всех видов оружия. Затем путь домой по более прямой и приличной дороге. В конце сентября переправились с серией приключений через Амур, где продолжилась моя «срочная служба» ещё в течение пяти лет.

Таким образом, лично для меня военная эпопея была действительно только кратким эпизодом на фоне почти семилетней армейской службы. Поэтому во второй части хотелось бы остановиться на вопросах, которые иногда задают друзья и знакомые, а более всего внуки, про мои воспоминания о начале и конце войны.

22 июня 1941 года. Это был воскресный день, на который в районном селе Назарово Красноярского края был назначен смотр художественной самодеятельности. Я тогда только что окончил седьмой класс Ададымской не-

полной средней школы, где был участником школьного оркестра народных инструментов. Руководил им учитель физики и математики Константин Филиппович Наконечный. От Ададыма до Назарово около 4 километров, поэтому уже к 8 часам утра (в 4 часа по московскому времени) все оркестранты были в сборе, взяли свои инструменты и двинулись в клуб районного центра. Нас сопровождала школьная повозка, на которой везли крупные музыкальные инструменты. Пришли заблаговременно, а в 10 утра начался сам смотр. Выступили успешно, заняли первое место и получили направление на краевой смотр художественной самодеятельности.

Где-то около часу дня один из знакомых парней спросил: «Правда ли, что началась война с Германией?». Я попытался ему доказать, что этого быть не может, так как мы с Германией заключили договор и сейчас ходим в дружьях. Однако слово «война» уже носилось в воздухе. Оно повторялось многократно и в разных вариантах. Сомнения исчезли – ВОЙНА! Здесь же, не дожидаясь официального награждения нашего коллектива на торжественном закрытии олимпиады, все собрались, разобрали свои инструменты и двинулись домой.

Разговоры были только на одну тему, и мы с жаром спорили о сроках завершения этой войны, естественно, нашей полной победой. Одни говорили, что война уже перешла на территорию противника и через считанные дни наши войска будут в Берлине, другие придерживались более осторожной позиции и отодвигали полную победу на один-два месяца. Только Константин Филиппович слегка осаживал наши победные заявления. Он был вдвое старше нас, имел кое-какой опыт (в том числе общения с НКВД), более трезво оценивал ситуацию и в отличие от нас был сдержаннее. Ведь тогда все школьники были ура-патриотами. Членами Осоавиахима, значкистами БГТО, БГСО, ПВХО (Будь готов: к труду и обороне, к санитарной обо-

роне, к противовоздушной и химической обороне). Вот только четвёртого значка – ВС (Ворошиловский стрелок) никто из нас не имел – во всём Ададыме не было стрелковой секции. Регулярно в школе и клубе шли военизированные занятия, которые мы посещали с удовольствием и были полностью уверены в превосходстве нашей армии над всем миром.

На обратном пути по нам прошёл кратковременный, но сильный дождь, из-за чего пришлось все инструменты сложить в повозку и укрыть брезентом. А то, что сами вымокли, не в счёт. Лето. Добрались до Ададыма, расставили свои инструменты в школе по местам и разошлись. Дома тоже разговоры о войне. Непосредственно нашей семьи это не касалось. Бабушка и 45-летняя мама призыву не подлежали, но по соседним квартирам уже шли рыдания и прощания. А часов в 9 вечера все жители посёлка, не сговариваясь, потянулись к зданию политотдела совхоза, где была трибуна для проведения праздничных мероприятий. Собралось практически всё население, и начальник политотдела начал своеобразный митинг. Речь его была достаточно взвешенной. Он, конечно, говорил: «Враг будет разбит, победа будет за нами», но тут же заострял внимание на серьёзной подготовке к долговременному процессу. Там я впервые почувствовал, что война может быть длительной и серьёзной, а мои шапкозакидательские настроения исчезли сами собой.

Первые дни войны помнятся слабо. Сплошные проводы призывников. Из фронтовых сводок помню лишь одну фразу: «Наши войска ведут ожесточённые бои на всех фронтах». А через недели две нас собирают в военкомат и говорят: «Мужчины ушли на фронт, надо срочно готовить замену механизаторам. В Ачинске (это город в 52 километрах по железной дороге от станции Ададым) на специальных курсах будут готовить штурвальных. Вы обязаны через день туда ехать и прибыть по такому то адресу».

Ни билетов, ни денег, ни документов не дали. Нас человек пятнадцать. Сели в попутный товарняк на тормозные площадки. А когда поезд отъехал, перебрались на крышу. Прыгали с вагона на вагон, спускались между вагонов и, держась за буфер и сцепку, пытались бежать по земле, когда поезд шёл чуть медленнее. Особым шиком было, если бегущий между вагонами поднимал руки вверх и бежал, не держась за детали вагона. Как всё это обошлось без ЧП – одному богу известно.

Прибыли в Ачинск вечером накануне назначенного срока. Ребята пошли по указанному адресу, а мы с моим товарищем Игорем Антоновым решили сначала зайти к нашим родственникам. Там и заночевали. Утром пришли на курсы механизаторов, где нас распределили в очередную группу, так как назаровская уже была укомплектована. Начались занятия. Изучали комбайн «Коммунар» по 14 часов ежедневно без выходных. Там же кормили в столовой, там же и ночевали в общежитии. Потом экзамены и машинописная бумажка с печатью: «Прошёл краткосрочные курсы и имеет право работать штурвальным на комбайне «Коммунар».

Однако штурвальным мне работать не довелось. В Ададымском зерносовхозе комбайнёрами оказались мужчины, не пригодные к военной службе, и нас направили работать на сушилку. Началась уборочная страда. Работали по схеме 12 через 12. Обычно работали днём, а ночью взрослые, но иногда нам тоже приходилось работать ночами. И так до 15 октября, поскольку начало занятий в школе было отложено до конца уборочной кампании.

Затем началась учёба в восьмом классе Назаровской средней школы, единственной на весь район. Из дальних сёл ученики жили на частных квартирах, а мы – ададымские – ежедневно ходили в неё за три с лишним километра по шикарным полянам и перелескам, летом сплошь заросшим клубникой, а зимой покрытым глубоким снегом. До-

рога шла по краю берёзовой рощи, которая была нашим любимым местом времяпровождения. Сейчас это почти центр города Назарово, а тогда на всём этом пространстве не было ни одного строения. Зимой, а особенно в пургу или морозы, это было весьма неприятно.

Вскоре после начала занятий школу решено было переоборудовать под госпиталь, а занятия вести в вечернее время на территориях райисполкома. Наш класс разместили в помещении собеса. В длинном узком коридоре поставили два ряда парт почти вплоты друг к другу, а возле дверей, чуть сбоку, стоял стол учителя. Здание это находилось рядом с районным клубом, поэтому мы иногда срывались с занятий и очередной «урок» проводили на танцах или в кино. Занятия в этой дневной школе начинались в 7 часов вечера и заканчивались в 11. А нам ещё надо было идти до Ададыма. Так что рабочий день у нас заканчивался почти в полночь.

К весне ситуация со школой прояснилась, её не стали занимать под госпиталь, и снова все классы разместились на своих старых площадях. Весенние экзамены были сжаты до предела: только русский и математика. Назаровский район сплошь сельскохозяйственный, а школьники вполне полноправные работники.

В июне 1942 г. мне пришлось работать с землемером на одном из отделений совхоза, километров за пятнадцать от Ададыма. Состав бригады весьма разношёрстный. Сам землемер начал свою профессиональную работу ещё во время японской войны 1904 г., имел большой жизненный и производственный опыт. Его помощницей была студентка-практикантка лет двадцати, двое парней и две девушки примерно пятнадцатилетнего возраста. Один из парней был ездовым – управлял нашей повозкой, другой – я, в обязанность которого входило аккуратно таскать по полям теодолит со штативом за землемером. Кроме того, мы с ездовым обязаны были заготавливать вешки в близ-

лежащих колках. А девчата с мерной лентой – промерять все линии вдоль вешек, поставленных землемером с помощницей. Кроме того, было ещё двое мужчин, по болезни не призванных в армию, которые в отмеченных землемером местах должны были вкапывать столбики и окружать их специальной насыпью. Они ездили на другой повозке и не общались с нами.

Землемер, его помощница и я жили на частных квартирах, а остальные были местными. Утром собирались на конюшне, садились в повозку и часа полтора ехали до места работы. По дороге землемер обычно рассказывал различные эпизоды из своей достаточно продолговатой жизни. Говорил, что раньше землемер или инженер были уважаемыми людьми, и они старались соответствовать этому высокому статусу. В качестве примера приводил качественную работу того землемера, который ещё до революции работал в этих же местах.

«Этого человека я знаю как весьма ответственного и грамотного специалиста. Сегодня мы будем проходить через его профиль и в указанном месте обнаружим остатки столбика, им поставленного». Когда в поле мы дошли до этого места, определённого им на местности по старой карте с точностью до полусантиметра (как сейчас помню его слова – «57 с половиной сантиметров»), то ничего похожего на пикет не обнаружили. Он, не смущаясь, сделав двойную засечку этой точки, стал раскапывать слежавшуюся землю. Мы стали ему помогать. На глубине полуметра появилась древесная труха, а чуть глубже пошли камни, которыми обкладывают вкапываемый столбик. Тогда меня больше всего поразила точность полевых измерений и непоколебимая уверенность в качестве проводившихся работ.

Затем возвращение на Центральную усадьбу, работа на лесопилке, затем на сушилке и снова учёба, уже в 9-м классе. Его закончили в мае 1943 г., и снова работа, на совхоз-

ной лесопилке. А в июле нас вновь вызвали в военкомат и направили на военные сборы опять же в район Ачинска. Тот же путь на товарняке, только с меньшим количеством фокусов (повзрослели!). Приехали вечером, пеший марш километров 15 и на крутом обрыве р. Чулым – лагерь. Сколоченные из досок то ли сараюшки, то ли полуземлянки с нарами. Встречавший в чине сержанта распределил нас по палаткам и направил под обрыв за сеном. Ночь, ничего не видно. Ползком, цепляясь за траву и кустики, спустились вниз, нашли копны сена, взяли по охапке и двинулись вверх, цепляясь чуть ли не зубами. Добрую половину сена растеряли по дороге. Когда утром проснулись и по своим следам дошли до обрыва – ни один не рискнул спускаться. Настолько велика была крутизна. А в полусотне метров дальше была проложена вполне приличная, даже проезжая дорога. Ругнулись на армейскую безалаберность и приступили к занятиям. Ритм опять тот же – 12 через 12. Строевая, тактика, огневая, ну и, естественно, политзанятия.

У нас командиром взвода был лейтенант без правой руки. По его рассказам, оторвало её, когда он, разминировав территорию, взял мину в руку, а другой минёр, шедший поблизости, зацепил за растяжку, и прогремел взрыв. При этом и виновник взрыва и ещё два-три человека, находившиеся поблизости, были убиты, а он, державший мину в руке, только потерял руку. Ещё он рассказывал, как, начиная войну рядовым необученным, он дорос до командования полком и как ему за это было присвоено лейтенантское звание.

Причина проста. Первый период войны. Часть разбита. Отступают группами. В одной из групп он оказался за старшего. В неё вливаются ещё одиночки и группы отступающих. Цель одна – выйти из окружения. Присоединяются офицеры, но никто не стремится взять на себя всю полноту ответственности. Вот и получилось, что во главе батальонов и рот стояли офицеры, а всей частью коман-

довал «товарищ начальник». Когда с боями часть вышла из окружения, ему присвоили лейтенантское звание, вручили орден Красной Звезды, и пошёл он воевать дальше.

Нагрузка ежедневная была большой, а питание более чем скудное. В завтрак две ложки солёной черемши и кусок хлеба грамм 150, в обед жидкий суп с лапшой или горохом и столько же хлеба, а на ужин – баранка с кусочком сахара да смородинный чай. Вот и все. Конечно, дома в это время мы тоже жили весьма скромно. Но сытнее. Черемша, бочка которой стояла сначала внутри продуктового склада, а потом была выставлена наружу, осточертела всем до такой степени, что дней через десять после начала сборов собрались мы ночью и спустили её под обрыв. Утром была, конечно, ругань, но «витаминное» питание было заменено чуть более калорийным.

Примерно в то же время построили нас после обеда. (А построений за день было около десятка.) Дана команда: «Не комсомольцы два шага вперёд, направо, шагом марш». Всё было как обычно: комсомольцы – на собрание, остальные – на хозработы. Но здесь нас почему-то строем повели по дороге за пределы лагеря. Идем, обмениваемся мнениями, куда ведут. Наконец привал, и командир разъясняет: идём в Ачинский горком комсомола получать комсомольские билеты. Мы стали возмущаться, не хотим, мол, туда. На что ведущий заявил просто – в Советской армии служат только комсомольцы, и поскольку вы ещё не созрели до вступления в комсомол, вы останетесь здесь на второй срок. А это значит – целый месяц на голодных харчах. После этого все «созрели», пришли в Ачинский горком комсомола, написали заявления и в одночасье стали комсомольцами. Правда, заплатил я первый раз членские взносы только через пять месяцев, и то только потому, что всерьёз занялся одной работой, которая почему-то считалась «комсомольским поручением», хотя заключалась в организации музыкального кружка.

Сборы кончились, снова началась страда уборочная. Здесь, уже по линии комсомольской, направили меня (и ещё ряд наших ребят) на работу в должности проводника машин, или ответственного за сохранность перевозимого на автомашинах зерна. Дело в том, что в отделениях совхоза и вообще в местах сбора и временного хранения зерна никаких весов не было. Загружали машину, она везла зерно или на нашу сушилку, или на элеватор. Здесь машину взвешивали, так определялось количество выращенного зерна.

Однако совхоз своих автомашин уже не имел, все было мобилизовано для нужд армии. Поэтому из армейской автотранспортной части для работы в совхозе направлялись машины с шоферами, не пригодными к строевой службе. Люди для совхоза случайные, и неоднократно бывало так, что целые мешки зерна, а то и машины уходили налево. Поэтому руководство совхоза ввело такую новую должность. Шофёр только возил, а проводник отвечал за принятое и сданное зерно.

Работа была не трудной, но выматывающей. Приходилось ездить и в ночь и в день, ночевать где придётся, питаться так же, и так всю осень. Но было у неё огромное преимущество. Не денежное (зарплата всего 120 руб.), а пищевое. По тем временам хлебная норма была такой: рабочий – 900 г, служащий – 600 г, иждивенец – 300 г. А поскольку проводник машин приравнивался к рабочим, то моя хлебная карточка сразу увеличивалась в три раза. Более того, поскольку характер нашей работы был полностью разъездной, нам разрешалось завтракать, обедать и ужинать в совхозных столовых отделений. А это копейный обед (официальные цены были довоенными) и 300 г хлеба (по цене 1 рубль за килограмм) сверх карточки. Поэтому моя карточка оставалась дома, а питался я по столовым.

В октябре началась учёба в десятом классе. Правда, но-

минально. Так как с первых же дней учёбы нас всех через военкомат призвали на курсы снайперов. Каждое утро мы шли вместо школы в поле на стрельбище и целыми днями стреляли из снайперской винтовки. Теории было мало. Наш инструктор, а сам он был каким-то рекордсменом, говорил, что снайпером можно стать только тогда, когда сожжёшь тысячи патронов, и тут же добавлял, что стал хорошо стрелять после десяти тысяч.

Дни шли однообразно. Под бугорком у стрельбища разводили костёр (в октябре уже прохладно и снег идёт). Поступала команда – такие-то на огневой рубеж. Получали патроны, ложились и стреляли. Как получали информацию о результатах, не помню. Но за 400 метров не бегали. Затем очередная группа, и т. д. Ежедневно каждому приходилось «сжигать» более 50 патронов. Так что учёба в десятом классе была чисто номинальной.

В начале октября 1943 г. вызвали в военкомат, прошли медкомиссию, распределение и стали ждать отправки в часть. А снайперская подготовка продолжалась почти до ноябрьских праздников. Информация о движении эшелонов с призывниками поступала в военкомат, но не очень четко. Поэтому отправка 04.11.43 не состоялась, хотя чуть не сутки мы его ждали. Потом отпустили на пару праздничных дней, и вскоре после этого – посадка в эшелон и двухнедельная поездка в товарном вагоне на восток.

Из этой поездки наиболее запомнился эпизод, как весь эшелон чуть не ушёл под откос. Движение состава было весьма не ритмичным. То он стоял по 3–5 часов на каком-нибудь полустанке, то двигался без остановки, иногда через крупные станции, тоже часов по пять. Один из призывников зазевался при отправке эшелона со станции и заскочил на тормозную площадку. Едет, мёрзнет, а поезд идёт и идёт. Видно, совсем неумоготу стало. Стал крутить тормозное колесо. Остановился эшелон в чистом поле. Начальник эшелона бежит с пистолетом, ругается, но обнаружить

«преступника» не удалось. Только поезд тронулся, резкий толчок. У нас в вагоне буржуйка упала. Собираем угли, звучат не очень ласковые выражения в адрес машиниста. Мимо вагона вновь ходит начальник поезда. Уже спокойный и довольный. Говорит: «Ну, признавайся, кто эшелон спас. Никаких наказаний не будет, только благодарности». Оказывается, весь состав остановился на спуске, на повороте с большим откосом и в десятке метров от места подготовленной диверсии. Большой кусок рельса был выпилен, поставлен на то же место, и даже щели были замазаны чем-то вроде солидола. Поэтому машинист остановившегося состава не заметил повреждения и после 10–15-минутной остановки начал движение. Скорость была ещё мизерная, поэтому только передние бегунки паровоза сошли с рельсов, да в некоторых теплушках опрокинулись буржуйки. Здесь уже стояли долго, ждали прихода подъёмного крана из Иркутска. Ходили толпами к паровозу посмотреть на отвалившийся кусок рельса и на паровозные бегунки, чуть не по оси погрузившиеся в землю.

Отремонтировались и двинулись дальше вплоть до Биробиджана. Затем пересадка и в битком набитом товарняке путь до с. Ленинское на берегу Амура. Так, в конце 1943 г. началась армейская служба, продолжавшаяся по август 1950 г. Всего в десятом классе у нас училось 14 парней. (Это на весь район!) Призывалось 13, так как один был с 1927 года рождения. Из восьми призывников, отправленных на запад, к концу войны в живых осталось только двое, из пяти направленных на восток – тоже двое. Таковы арифметические итоги войны для нашего класса.

В заключение уместно вспомнить о Дне победы (9 мая 1945 года). Как мы узнали о нём и отметили. Для начала следует дать одно пояснение. Подавляющее большинство солдат и сержантов того времени имели образование в пределах 2–4 классов. На этом фоне мои законченные 9 классов были куда выше современного высшего образова-

ния. Поэтому достаточно скоро меня назначили батальонным политинформатором. Тем более что в самом начале 1945 г., почти сразу после достижения 18 лет, я уже был принят кандидатом в члены партии, и выполнение обязанностей политинформатора рассматривалось как партийное поручение.

На весь гарнизон радиоприёмник с усилителем и громкоговорящим рупором был только в ДК, куда каждое утро собирались политинформаторы со всех частей и подразделений. Слушали сводку Совинформбюро, записывали основное содержание и шли по своим местам службы довести последние известия до солдат и офицеров.

2 мая пал Берлин, было ясно, что вот-вот наступит долгожданный день. 9 мая. Пришли. Левитан своим легкоузнаваемым голосом провозгласил: ПОБЕДА! Сразу же побежал в свой батальон. Но батальон уже в полном составе вышел на стрельбище, до которого было километра три. Иду напрямиком на конюшню, говорю ездovому, обычно возившему на бричке комбата, запрягай, поехали на стрельбище – победа. Он, слегка поворчав, запрягает, и мы двинулись.

Подъезжаем к стрельбищу. Соскакиваю с брички, подбегаю к комбату, кричу одно слово: «Победа!» Он тут же отдаёт команду: «Батальон – строиться!», расспрашивает о подробностях. Батальон построен. Комбат кратко повторяет мой рассказ и командует: «Старшинам раздать патроны!», «Заряжай!», «Залпом пли!». Может быть, команды были иными, слова не те, но суть от этого не меняется. Батальон раз пять выстрелил по команде вверх и строем пошёл домой. Комбат, естественно, поехал на своём транспорте, а я пешим порядком пошёл вместе со всеми. Затем обед, и впервые выдали нам по 100 граммов известной жидкости. «За победу!».

ХОТЕЛ СТАТЬ ЛЁТЧИКОМ...

ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ ЕФАНОВ,

*труженик тыла, пехотинец,
кандидат исторических наук*

Леонид Дмитриевич родился 15 января 1925 года в селе Дорочино – Заимка Черепановского района Новосибирской области.

Так он вспоминает самое начало войны, её первый день:

– Двадцать второе июня 1941 года меня застало в пионерском лагере, где я трудился в качестве пионервожатого. Примерно в 12 километрах от города Ленинск-Кузнецкого, тогдашнего моего места проживания, находился пионерский лагерь, а от какой шефствующей организации, теперь уже не помню. Также не помню, кто меня туда направил, а может быть, сам напросился, написав соответствующее заявление в горком комсомола. Я был тогда комсомольцем (комсомольский билет № 10214900), к тому же довольно активным. На отчётно-выборной городской комсомольской конференции сидел даже в президиуме. При этом, когда зачитывался список рекомендуемых в президиум конференции (она проходила осенью 1940 года), я был представлен как «отличник учёбы», хотя им не являлся. Просто наш секретарь комсомольской организации школы Пётр Жуков на меня показал пальцем, когда его попросили выделить одного

активиста в президиум, а там уже доработали, огласив меня отличником. Мне, конечно, стыдно было крепко из-за этого, но в президиум конференции пошёл.

В пионерском лагере вожатые были моего же возраста, то есть 16-17 лет. Мне тогда было полных 16 лет. Мальчишки и девчонки (а их в моём отряде насчитывалось примерно 25 человек 9–12-летних) быстро вписались в коллективную обстановку. Мы, пионервожатые, составили хорошие планы, в которых предусматривалась, в частности, общелагерная военная игра («белые» и «красные»), где обязательно должны победить «красные».

Ребятишки всегда чем-то должны были быть заняты, и мы к этому стремились, к тому же питались хорошо. Словом, отдыхайте и поправляйтесь, орлы, будущие строители коммунизма! И вдруг по радио извещают о том, что через несколько минут будет оглашено важное правительственное заявление. У нас в пионерском лагере имелся один рупор (чёрная тарелка), установленный около столовой. Мне услышать выступление В. М. Молотова не пришлось, так как в это время я с отрядом находился в лесу. А когда пришли, то увидели слёзы у ребятишек. Мои мальчишки и девчонки, узнав, в чём дело, тоже заревели. Малолетки как-то острее почувствовали горе войны, чем я. На это имелась причина: папы у многих служили в армии, и некоторые недалеко от границ на западе.

Я отлично помню своё состояние, свои чувства. А они выглядели так: не дай Бог быстро закончится разгром фашистов, и я не побываю на фронте; хотя мне было, как уже отмечал, 16 лет, но в сознании мы чувствовали себя куда старше (сейчас-то смотрю на шестнадцатилетних и вижу – дети). Моё желание принять скорее участие в разгроме немцев было вполне объяснимо.

Семья наша (две сестры и родители) была патриотически настроена. Отец беспартийный, но все мероприятия партии и правительства принимал «на ура». Правда, од-

нажды, а дело было в марте 1938 года, когда шёл судебный процесс над Бухариным, Рыковым и другими, отец допустил оплошность. Тогда по всей стране проходили митинги, на которых осуждалась деятельность «врагов народа», и ораторы требовали сурового наказания подсудимых. Отец, в своем коллективе выступая, заявил буквально следующее: «Несмотря на то, что они (Бухарин и др.) в своё время приносили пользу, а потом перешли на путь вредительства... я поддерживаю предложения предыдущих ораторов...» и т. д. Так вот за то, что отец сказал «они в своё время приносили пользу...», прицепились энкавзедешники. Его несколько раз вызывали в местное управление НКВД и всё спрашивали: «Так какую пользу они приносили?». Тучи сгущались, и тут сердце матери, в отличие от отцовского, подсказывало единственно верный ход: она всё время стала твердить: «Митя, давай уедем». В конце концов мы из районного села Ордынск Новосибирской области летом 1938 г. переехали в Ленинск-Кузнецкий. Вышеописанный инцидент нисколько не повлиял на умонастроение отца, и он по-прежнему при удобном случае искренне восхвалял партию, во главе которой стоял вождь всех времён и народов Сталин.

Я учился вполне нормально, в 8-м классе состоял членом учкома школы, а осенью 1940 года избирался членом комитета комсомола. Это уже 9-й класс. В январе 1941 года стал секретарём комсомольской организации самой крупной в Ленинске-Кузнецком школы № 2.

Дело в том, что секретаря комсомольской организации Петра Жукова (он был освобождённым секретарём) направили на ответственную работу в один из северных районов Новосибирской области, в места ссылки раскулаченных, поэтому меня и избрали секретарём комитета ВЛКСМ без проведения отчётно-перевыборного собрания. Так что можно вполне понять моё состояние 22 июня 1941 года. Кроме всего этого, воспитаны мы были на кинофиль-

мах «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Аэроград», «Джюльбарс» и др. Когда, например, в фильме «Чапаев» белые дрогнули, а потом побежали, то пацаны устраивали такой свист и топот ног, что всё дрожало в кинозале. Не упускал возможности в ту минуту запустить в рот два пальца и автор этих строк.

Наш возраст той поры совпал с безудержным чтением книг. Читали в том числе и на уроке, через щель в парте. Это чтобы не видел учитель. И ничего не могли сделать с собой. Дома, вечерами, экономя электричество, приоткрывали дверцы топящейся печки и читали, не жалея глаз. «Поднятая целина», «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Цусима» Новикова-Прибоя, «Железный поток» Серафимовича, большое количество художественных произведений авторов из европейских стран и США, в частности, В. Гюго, Джека Лондона, Мопассана. Диккенса, Дюма и др. Сейчас, много-много лет спустя, думаешь: не зря руководители страны уделяли большое внимание созданию бесплатных библиотек, читальных залов при них. Кажется, Наполеон сказал, что победа в войне только на четверть зависит от материальных факторов. Три четверти приходится на боевой дух. И это правда.

К тому же мною и моими сверстниками овладела страсть иметь значки. К 22 июня я являлся обладателем значков ГТО, ПВХО, ГСО и «Юный ворошиловский стрелок». При сдаче экзаменов на каждый значок комиссии предъявляли высокие требования. Приходилось основательно готовиться. Мы их с гордостью носили на груди.

Парнишками мы были сильно политизированными. Следили за газетами, журнал «Огонёк» прочитывали от первой до последней страницы. Остальное время тратили на разгадывание там кроссвордов. К нам в школу приходили командиры Красной Армии, которые воевали у озера Хасан. Подтянутые, красивые, на вид очень боевые.

Разгром японцев под командованием Г. К. Жукова в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. создавал представление о лёгкой победе над врагом. Нам многого недоговаривали.

Как мы, ученики 8-го класса, отнеслись к заключению договора СССР с Германией о ненападении в августе 1939 года? На одном из уроков географии наш замечательный учитель старой закалки, мудрейший из мудрейших, глубоко нами почитаемый Евгений Петрович Обнорский сказал: «Оттого, что мы заключили договор с Германией, дело не меняется. Запомните, фашисты есть фашисты...». Его авторитет был настолько велик, что другую трактовку этого факта мы уже не воспринимали.

Я, как и многие мои одноклассники, мечтал стать лётчиком. У нас в городе функционировал аэроклуб. Я прошёл врачебную и мандатную комиссии. Помню, как врач проверяла мой слух: тихо-тихо произносила слова, и я ей отвечал. Всё прошёл, но в 1940 году набирали максимум с 1924 года рождения, а я с 1925 года. Не приняли. Товарищи мои 1923, 1924 годов рождения прошли, окончили аэроклуб и в годы войны служили лётчиками. Но чтобы кто-то совершил подвиг необыкновенный, не знаю. Воевали, как и все. Отличился из нашей школы только один ученик – Афанасий Шилин. Он учился старше меня на один класс. Помню, он однажды обратился ко мне как к секретарю комсомольской организации по одному вопросу, и мы с ним долго его обсуждали. Афанасий Петрович Шилин, как известно, стал дважды Героем Советского Союза. За его судьбой я внимательно следил до самых его последних дней жизни.

Что же после 22 июня 1941 года? Дальше наступили тоскливые будни. Настроение – скорее бы закончился лагерный сезон. Дни шли, пионерия моя разъехалась по домам, мы тоже свернули работу, отчитались и – до хаты. А потом сразу же на два месяца трудиться в колхоз. После колхоза я в десятом классе проучился месяца полтора. Мог бы спокойно окончить школу и получить аттестат зрелости.

Материальное положение семьи это позволяло. Имелись своя корова, куры, огородик. На поле сажали картошку, за рекой Иней выращивали капусту. Там же в кустах рвали траву, складывали в мешок и несли домой бурёнке. Словом, условия жизни позволяли учиться, но в такое время, когда плакаты на каждом шагу напоминали: «Чем ТЫ помог фронту?», учиться здоровым молодым людям нельзя. Совесть не позволяла. Надо работать.

Посоветовавшись с секретарём партийной организации школы, чудесным преподавателем-наставником Олимпиадой Васильевной Воробьёвой, я пошёл в горком комсомола и попросил направить меня на производство. Что и было сделано. А уже в начале апреля 1942 года нас, секретарей комсомольских организаций разных предприятий, направили политруками в тракторные бригады. Для меня это было малой нагрузкой (сбегать в правление колхоза за газетами, выпускать «Боевые листки», проводить беседы с трактористами), я сел на трактор и пахал с утра и дотемна, испытывая полное удовлетворение. Будет урожай!

Осенью повторилось то же самое. Моя просьба направить меня в ту же тракторную бригаду была удовлетворена. А в 10-й класс я пришёл в 1948 году, но уже в вечернюю школу. Не знал я 22 июня 1941 года, что на мою долю достанется с лихвой нелёгкая солдатская фронтовая жизнь. В первом бою примерно 10 ноября 1943 года немцы уложили многих моих однокашников. Во втором бою 17 ноября того же года я, рядовой пехотинец, был ранен. Мне было 18 лет. В 1944 году – контужен. По воле больших и малых командиров все спешили, спешили, торопились, торопились без оглядки. А это, конечно, связано с большими потерями, как говорили тогда, живой силы.

Ведь вот пишет же герой афганской войны, боевой генерал, ныне губернатор Московской области Борис Громов: «В Афганистане прежде чем офицера направляли на

боевые действия, он месяц проходил подготовку. Солдат полгода на территории СССР готовили. И потом, когда они приходили в боевые части, ещё месяц. Плюс непосредственно перед боевыми действиями, хотя бы дней 10–14» («Общая газета», 22–28 июня 2000 г.). А тогда, в 1943-м, все делалось как в каком-то пьяном угаре. О 10–14 днях перед боем мы и не мечтали, ну хотя бы 4–5 дней дали. Разика два прорепетировать, с учётом местности, наступление, приближенное к боевой обстановке.

Однажды совершили мы довольно длительный переход. Все ноги посбивали. Не рады были этим новым ботинкам. Пришли вечером, командир 950-го полка при нас отчитал командира нашего подразделения за то, что мы опоздали. Оказывается, в данном месте рота должна была быть два дня тому назад. Ночь прокоротали у костра, а в шесть утра – наступление на немцев.

Невольно приходится привести слова профессора философии Арсения Гулыги из журнала «Наш современник» (1990, № 1, с. 173). Он писал: «Мне довелось в 1944 году присутствовать при допросе генерала Гольвицера, который командовал витебской группировкой немцев (там, где мне пришлось воевать – Л. Е.), разбитой в ходе летнего наступления. Генерал, который вёл допрос, спросил пленного, что он думает о действиях наших войск. Гольвицер ответил: «Вы не жалеете своих солдат, можно подумать, что вы командуете иностранным легионом, а не своими соотечественниками». «Победителей не судят, – мрачно возразил наш генерал, а потом не для перевода в сторону стоявших рядом офицеров, – воюем по-сталински». Здесь чистая правда. От себя ещё добавлю: «по-сталински» означает «мы за ценой не постоим».

Словом, мне пришлось познать настоящую правду о войне. Два раза ходил в атаку, не единожды попадал в переплёты, когда выбирался живым совершенно случайно. Бог меня хранил. С именем Сталина ходить в атаку не дове-

лось. Все действовали как-то по-русски, когда крепкое слово лучше помогало преодолевать трудности сближения в бою с фашистами. Радость Победы испытал, находясь на северо-западе Польши, недалеко от Балтийского моря, в составе 35-го отдельного Витебского орденов Александра Невского и Красной Звезды полка связи, где людей отличали большой профессионализм, высокая культура в широком смысле этого слова. Полк входил в состав 43-й армии генерала А. П. Белобородова, автограф которого на его книге, данный лично мне, храню как самую дорогую память о суровых годах Великой Отечественной войны.

В 1953 году Леонид Дмитриевич окончил Томский педагогический институт. После был направлен в г. Колпашево на обучение в Учительский институт. В 1956 году направлен в горком Колпашева старшим лектором, где трудился до августа 1962 года. С августа 1962 по 1995 гг. работал на кафедре истории КПСС Томского государственного университета в должности доцента. В 1969 году защитил кандидатскую диссертацию. Имеет звание почётного работника высшей школы, заслуженного ветерана НИ ТГУ.

В конце нашей беседы мы задали Леониду Дмитриевичу традиционный вопрос: «Что вы хотите пожелать молодёжи, тем, кто будет после нас?». Фронтовик ответил, что уже давно пришёл, совместно с другими ветеранами Университета, к такому выводу: наши студенты, если такое случится, пойдут воевать. Они будут удостоены боевых наград, а кто-то, возможно, украсит свою грудь золотой звездой Героя».

НАСТУПИЛА ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ТИШИНА, КОТОРОЙ НИ ДО, НИ ПОСЛЕ МЫ БОЛЬШЕ НЕ СЛЫШАЛИ

АЛЕКСЕЙ МАКАРОВИЧ ЗАИКО,
артиллерист

97-летний ветеран войны и педагогического труда из посёлка Рассвет Алексей Макарович Заико рассказывает о себе и своей судьбе.

Родился я 1 апреля 1921 года в деревне Григорьевка Туганского района (возле нынешнего села Александровское). Успел получить среднее специальное образование и работал директором Ново-Александровской школы. До 1940 года учителей в армию не брали, а в 1940 году я был призван на Дальний Восток. Началась война для меня в Благовещенске, в укрепрайоне. Нас, артиллеристов, перебросили на запад, в Гроховецкие лагеря (под Москвой, в Загорске), там сформировали артдивизию и в 1942 году отправили на Западный фронт (позже он стал называться Брянским). На пути освобождения нашей земли всё было сожжено, погреться было негде. Мы проходили разрушенные деревни, видели убитых – среди них старики и дети. Потери были страшные с обеих сторон. Мы стояли насмерть, когда защищали Орёл и Курск.

**Из наградного листа
Алексея Макаровича
(медаль «За отвагу»):**

«В период прорыва вражеской обороны проявил мужество и отвагу. Работая по привязке боевых порядков артиллерии, неоднократно попадал под артиллерийский огонь противника, и все же работу не прекращал и добивался точной привязки огневых позиций и наблюдательных пунктов, что дало возможность экономить снаряды и время на пристрелку переднего края противника».

Шли последние дни войны. У польской границы мы переформировались и стали освобождать Польшу вместе с польской армией, затем двинулись на Берлин. По пути мы взяли в плен немецкую разведку. От них узнали, что фашистам прислали из Африки новые танки – «фердинанды» и «пантеры», а из Австрии им на помощь шли новые дивизии. Жуков отдал приказ отрезать эти вражеские дивизии и остановить танки. Танкистам «Т-34» пришлось изрядно поработать, а наши войска захватили в плен за один день 60 тысяч немцев из Австрии. От пленных разведчиков стало известно, что в городах Франкфурт и Потсдам находятся наши пленные женщины и дети, насильно увезенные в Германию. Узнав о них, Жуков отменил обстрел этих городов и отдал приказ тайно ночью установить на нейтральную зону мощнейшие прожектора. Как только ночью враг начал артподготовку и двинулся вперед, наши

резко включили прожектора. Фашисты растерялись: их ослепили ярким светом. Они начали паниковать, отступать, ослабили артподготовку и сдались в плен. Так были освобождены эти города, а в них наши пленные.

Затем двинулись на Берлин. Сам День Победы помню очень хорошо, этого забыть нельзя.

Американцы и англичане хотели первыми войти в Берлин, но наши их опередили. Американцы стояли на западном берегу Эльбы, а мы – на восточном. Тут вдруг услышали приказ: «Прекратить стрельбу!». Нам сказали, что советские войска заняли Берлин.

Когда это объявили, сначала никто ничего не мог понять. Исчезли шум и грохот, наступила такая оглушительная тишина, какой ни до, ни после мы никогда больше не слышали. Вместе с тем, как теперь вспоминаю, в душе появились удивление и растерянность. Потом на меня какая-то страшная усталость навалилась, как после тяжёлой работы, когда не знаешь, что дальше делать.

Мы зачехлили сначала свои артиллерийские орудия, но пришёл приказ сопровождать пленных немцев, и мы, снова их расчехлив, сопровождали пленных до Потсдама. Только потом нас отпустили отдохнуть.

В конце 1945 года Алексей Макарович вернулся домой, работал в разных сёлах Томского района учителем. С 1963 года, после смерти жены, живёт в посёлке Рассвет.

НАС ГОТОВИЛИ К АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Николай Степанович Лененко,
войсковой разведчик

Николай Степанович родился 24 ноября 1925 года в деревне Владимировка Ташинского района Оренбургской области. Наш герой был одним из шести детей в семье, до войны успел окончить 9 классов школы.

3 января 1942 года Николая, едва ему исполнилось 16 лет, призвали в армию. Его зачислили в школу стрелков-снайперов. Это была ширма, за которой скрывалась усиленная подготовка войскового разведчика. За три месяца Николая и его земляков научили прыгать с парашютом, ловко орудовать оружием, особенно холодным, а ещё языкам, топографии и психологии.

Диверсионная подготовка и первое задание

– Нас готовили к аналитической работе, в том числе и за границей. Мы должны были оперативно определять, на что способны немцы, какой материальной базой распола-

гают, как враспloch захватить штаб противника, – вспоминает солдат.

Сразу после учёбы юных разведчиков по просьбе Иосипа Броз Тито забросили к югославским партизанам. Тогда на Балканах только зарождалось освободительное движение, и ему требовалась поддержка извне.

Отряд советских разведчиков из восьми человек ещё не успел приземлиться, а домашние уже оплакивали своих бойцов, получив на них похоронки. Такое случалось в военные годы. Но группа под командованием Николая Лененко была настроена решительно и погибать не собиралась. Она с честью выполнила боевое задание, потеряв раненым одного человека при неудачном приземлении с парашютом. Его оставили долечиваться у югославских партизан.

– Мы появились необстрелянные, но битые, – рассказывает наш герой. – Прилетели в ноябре, а в декабре навели немцам такого шороха! Дело в том, что нам предстояло захватить штаб противника накануне Нового года. Стояла чудесная погода, немцы были все разморенные, играли на губных гармошках. Они не ожидали подобной дерзости, поэтому захват произошёл моментально и тихо. Молодые разведчики разыграли свои роли как по нотам. Немцы опомнились лишь тогда, когда группа уже отходила.

Возвращение домой было не быстрым.

– Нам предстояло дойти до Италии, – вспоминает ветеран. – На это ушёл месяц. В Италии я впервые увидел море. Адриатика. Красота! Оттуда благодаря помощи итальянских партизан мы улетели на один из аэродромов Украины.

После приземления разведчики получили заслуженные награды, а Николая Лененко назначили командиром взвода управления в 131-м артполку. Он поступил под кураторство Героя Советского Союза командира дивизии Ивана Мошляка. Правда, на лаврах разведгруппа почива-

ла недолго: бойцы попали под пристальное внимание сотрудников Смерша. Вопросов по Балканам у тех было много: почему один раненый, с кем общались, кто помогал, почему так долго возвращались назад? Одним словом, как выразился Николай Степанович, душу помотали. Если бы не командир дивизии Мошляк, не миновала бы молодых смельчаков горькая участь. Но всё обошлось.

Николая направили в разведку дивизии, там ему дали новую группу. Весной 1943-го на территории Украины начались наступательные бои Корсунь-Шевченковской операции. За участие в ней он потом будет представлен к медали «За отвагу». Командованию требовались срочные разведданные о расположении немецких частей.

– На тот момент мы были уже обстрелянными, тёртыми калачами, – рассказывает Николай Степанович. – Наши войска форсировали Днепр, а потом нашлась работа и для нас – Пятихатка, Черкассы, Клевань, Луцк, Ровно. Так с наступлением дошли до Молдавии. На дворе был март 1944-го года. Встали в оборону до сентября. Мы с интересом наблюдали за цветением вишни, потом пошли фрукты. Командованию нужен был грамотный «язык». Мошляк всё время дёргал нашего командира роты Иванова. А мы или дурака притащим, или «пустого». Семь раз ходили. Если за границей мы потеряли раненым только одного человека, то здесь сразу двух убитыми. В начале сентября кое-как нашли грамотного обера.

Бои в Европе

На территории Венгрии группе разведчиков, где был и Николай Лененко, предстояло форсировать Дунай. Всё бы ничего, но переправе мешал речной остров, на котором стояла немецкая зенитка. Её предстояло уничтожить.

– Мы ушли вверх по Дунаю километров на семь, – вспо-

минает фронтовик. – По реке тогда плыло большое количество коряг. Нас было семеро. Разделись, а погода в ноябре была мерзкая – холод, дождь. Гранаты, автоматы и, конечно же, ножи укрепили на корягах и поплыли. Нам было некомфортно, а фрицы и того пуще бояться подобного ненастья. Подплываем мы к этому острову. Я часового уничтожил, ребята забросали гранатами оружие. Фрицы в панике, не знали, сколько нас. Они прыгали в реку, а тут мы их поливали огнём. Потом красную ракету выпустили – сигнал об успешном выполнении задания. Герой Советского Союза Мошляк первым переправился через Дунай. За эту операцию меня наградили орденом Красной Звезды.

Пошли дальше. Вокруг виноградники растут. Оказались разведчики у одного из винных гротов (подвалов). Отступая, немцы открыли по красноармейцам шквальный огонь. Спрятаться было негде. И тогда, недолго думая, смекалистые бойцы спрятались в одной из массивных дубовых бочек. Но как узнать, сколько в ней веселящего напитка? Николай бросил пульку и по звуку определил «ватерлинию»: неглубоко, сдюжим. Так поневоле они приняли винную ванну, за которую сегодняшние отдыхающие часто недюжинно раскошеливаются.

Когда наступило затишье и разведчики оказались на свободе, головы у всех кружились не по-детски от винных паров.

Конец войны и военная служба в мирное время

Очередное, уже пятое по счёту ранение гвардии ефрейтор, старший телефонист первой батареи 131-го арtpолка Николай Лененко получил в январе 1945-го. После госпиталя он продолжил военную службу до 1952 года. Сначала был в Монголии, потом его перебросили в район Тайшета.

– Там было поселение чеченцев, бандеровцев, которые постоянно устраивали бунты и побеги, – продолжает ветеран. – Оттуда меня направили в Иркутское военное училище, нередко его называли школой военных техников. Это был филиал Ленинградской военно-транспортной академии. Я там проучился до 1955 года, и при Хрущёве нас развоенизировали. Поначалу было дико жить на гражданке. А в 1958 году в три часа ночи меня срочно подняли по тревоге.

Профессионалы, умеющие строить не только мосты, но и тайные укрепсооружения, не могут не быть нево-стребованными, поэтому через пару лет Николай Лененко вновь встал в строй, пусть и по гражданским объектам. Оказалось, из-за предателя Пеньковского, который сдал все огневые точки страны, пришлось все объекты возводить заново. Так он дослужил до 1969 года, хорошо изучив Красноярский край, Саяны.

Мирное послевоенное строительство

Николай Степанович с гордостью говорит о том, что в мирной жизни он состоялся прежде всего как мостовик. На его счету горные мосты, опоры которых порой достигали 20–30 метров в высоту.

В Томске он оказался чисто случайно, и поначалу город ему совсем не приглянулся, особенно в сравнении с Красноярском. Три года чемоданы стояли на старте. Всё то время он был замом в «Томсктрансстрое». Но постепенно стал обрывать хозяйством, завёл мичуринский участок, а потом полюбил Томск всем сердцем. Николай Степанович считает его вполне удобным для спокойной жизни. Кому-кому, а ему в этом вопросе можно доверять – на его счету огромное количество командировок.

Сегодня Николаю Степановичу 94 года, но он по-прежнему активен. С приходом весны вместе с супругой Эльви-

рой Фёдоровной спешит на любимую дачу. Вместе они уже около двух десятков лет. Это очень красивая пара. Иногда они меняют оседлость на гостевые путешествия к детям и внукам в Новосибирск, Санкт-Петербург, итальянскую Тоскану.

– Как дожить до возраста, сохраняя такой интерес к жизни и быть активным? – наш частый вопрос героям книги, который мы адресовываем и Николаю Степановичу.

– Надо жить, а не канючить, – не задумываясь, отвечает Николай Степанович. – Не бегать по пустыкам в поликлинику. Надо просто любить жизнь, работу, людей и город. Так приятно после длительных поездок открывать дверь своей квартиры... Переступаешь через порог, и всё: «Я дома».

Николай Степанович не может смотреть военные фильмы, он до сих пор вскакивает по ночам. Война не отпускает его, и теперь это уже точно пожизненно, считает фронтовик.

9 мая 2019 года наш герой встретил в Москве. Он стал одним из двух томичей – героев войны, посетивших ежегодный военный парад на Красной площади. – Самое главное – это наши ребята, – с восторгом говорит Николай Степанович. Это настоящие солдаты. И наше вооружение сегодня не имеет ничего общего с тем, что было в годы моей молодости. Только не понимаю, зачем нам наши машины «Тиграми» называть? (речь идёт о бронев автомобиле «Тигр» – российском многоцелевом автомобиле повышенной проходимости, армейском автомобиле-вседорожнике, который производится на Арзамасском машиностроительном заводе.) Ведь во время войны у немцев такие были. Но самое главное – это настрой. Нельзя было без восторга смотреть на наш парад.

ПИСЬМА С ФРОНТА

Фронтовые письма жителей Каргасокского района предоставлены творческим объединением «Литературный вторник» (рук. Антух Д.С.) при библиотеке «Нефтяник», которые занимаются сбором материала о земляках-фронтовиках. Письма, приведённые ниже, предоставили родственники: Недопёкина Наталья Владимировна и Плюснин Виктор Александрович.

Письма Марьина Анатолия Петровича

Слева на фотографии изображён житель Каргаска Анатолий Петрович Марьин. В марте 1943 года, находясь в госпитале, он написал родным: «...Вот как только ещё немного подживут раны, возьму увольнительную в город, сфотографируюсь и пришлю вам. За два года я ведь не прислал ни одной фотографии. Наверное, очень интересно будет посмотреть. Ведь от Вас уезжал мальчишкой». Эта фотография, единственная военная, и осталась родным на память. И ещё пять писем.

Об Анатолии Петровиче практически ничего не известно, близких, которые знали его семью до войны, не осталось. Знаем мы только, что отца его звали Петром Андреевичем и жили они в Каргаске. Анатолий закончил Каргасокскую школу № 1 в 1941 году, в 1942 году был призван, а в сентябре 1943 года старший лейтенант Марьин Андрей Петрович погиб, как и многие выпускники первой школы. Их фамилии можно прочесть на стенде в школьном музее.

Предлагаем вашему вниманию письма, которые являются уникальными документами Отечественной войны. (Сохранена орфография автора письма).

Добрый день Папа, мама, Нина, Лида, Вова, Тома, Борис.

В настоящее время жив и здоров чего конечно и вам желаю в вашей жизни. Нахожусь я сейчас в селе Репное в 5 километрах от г. Балашова Саратовской области. Живу покамест хорошо стоим по квартирам. Я стою с одним другим лейтенантом у хозяйки. Хозяйка хорошая. Как у вас протекает жизнь в вашей столице селе Каргасок. Наверное ребят которые оставались после меня никого нет. Мы живем ничего весело девчат полно выбирай любую.

Низнаю пишет или нет что домой Борис Шамшур из Хабаровска ехали в одном эшелоне ему присвоено звание такое же как и мне т.е. лейтенант. Вместе ехали с ним до Новосибирска, а там был эшелон расформирован.

Направление он получил в г. Москву. Поговорили мы с ним о прошедшей жизни и предстоящих делах и распрощались.

Василий Нерухов что ходил ко мне такой небольшой чёрненький остался на Дальнем Востоке, только не знаю в каком месте.

Да, Папаша и Мамаша наверное сердитесь на меня что ничего Вам не пишу но ничего поверте мне что мало совсем свободного времени вот сейчас пишу Вам это письмо в лесу, а взвод занимается. Сейчас занимаюсь с людьми люди попали ничего правда казахи и грузины но ничего, до этого был адъютантом батальона. На этом письмо заканчиваю

передавайте привет всем знакомым.

С приветом ваш близкий А.Марьин. (ропись)
10.06.1942 г.

Мой адрес: Саратовская обл. г. Балашов п/я *(номер почему-то не указан, возможно, был написан на конверте).*

* * *

*Фронт отечественной
войны 22.08.42 г.*

Добрый день многоуважаемая семья Папа, Мама,
Нина, Лида, Вова, Тома, Борис.

В первых строках своего письма хочу передать горячий привет от фронтовиков всем знакомым и оставшимся товарищам и подругам и пожелать хорошего в их работе и их жизни. В настоящее время нахожусь южнее Воронежа километров 14. Я нахожусь сейчас в миномётном подразделении командиром взвода и лупим немца из грозного оружия. Тут недавно после немецкой атаки, которую мы с успехом отбили, захватили пленного, начали просматривать, что у него есть, и чтож вы думаете нашли? Два резиновых мячика, детские маленькие носочки, детские трусишки и разного другого барахлянского тряпья. Ну как подумать здравой головой, ну зачем он собака таскает это барахло и зачем он гад берёт это у незащищенных жителей. Как вот это всё продумаешь, так за эти дела и рвётся вся энергия чтобы побольше уничтожить паразитов.

Я хотя давно не получаю от вас писем несмотря на то что вам писал уж не знаю сколько, все таки берёт сомнение и беспокойство как вы там живёте. Получаете ли вы по аттестату пособие 300 рублей.

15 августа выслал Вам 433 рубля вообще всю получку которая здесь совсем не нужна. 1 000 рублей положил на сбер. книжку с завещанием на Маму, ну и 300 р. оставил при себе.

Покамест писать заканчиваю жду с нетерпением ответ.

Мой адрес: 1680 полевая почта 722 стр. полк, 2 батальон, 2 мин. рота лейтенанту Марьину А.П.

С приветом *(ропись)*

22.08.42 г.

Добрый день Папа, Мама, Нина, Лида, Вова, Тома и Борис. В настоящее время жив и здоров, чего конечно и вам желаю в Вашей семейной жизни. Сегодняшний день я считаю особенным так как получил от Вас 4 письма сразу значить одну открытку от Вас папа и открытку и письмо от Лиды и письмо от Нины. Очень рад что получили перевод и регулярно получаете по аттестату.

Узнав из письма о том, что Борис Шамшур погиб в боях за Родину у меня чуть не проступили слёзы. Ведь мы с ним были друзьями с четвёртого класса. Как вспомнил сколько мы провели времени с ним на охотах на рыбалках и вообще, то мне показалось что я потерял не друга, а родного брата. Но ничего этой фашистской гадине дорого придется расплачиваться за погибших наших товарищей.

Погода у нас стоит умеренная 7 декабря шел дождь.

Да ведь мне 3 декабря 1942 года исполнилось 20 лет. Так незаметно для себя проходит молодость.

Скоро придет Новый год и наверное это письмо поспеет к этому времени так что поздравляю с Новым годом с новым счастьем.

Лида пишет что посылала письмо с Ниненой и со своей фотокарточкой но это письмо я не получил.

Писать покамест заканчиваю.

Передавайте привет (*фамилию не разобрать*), Шамшур, Шалагиным и Авдееву Михаилу.

Покамест до скорого свидания.

Ваш близкий (*ропись*)

9.12.1942 года

Мой адрес: 1680 ППС часть 82

* * *

12.02.1943 года

с. (вымарано цензурой)

Добрый день, Папа, Мама, Нина, Лида, Вова, Тома, Борис. Письмо которое Вы писали Папа 27 декабря получил давно, но не имел возможности на него ответить т.к. мы перешли в наступление. В настоящее время жив, но не здоров т.к. нахожусь в полевом госпитале. 2 февраля 1943 года во время наступления на одно село я был ранен осколком мины в обе ноги. Но к моему счастью не были затронуты кости, правда ходить не могу всё время лежу, но мягкие ткани заживут скоро. Наверное скоро будут эвакуировать в тыл как вот восстановят железную дорогу так отправят, а то немец когда отступал взорвал все дороги, вот сейчас его пленные и направляют её.

За время наступления прошли около сотни километров освободили много селений бывало заходишь в освобождённое село жители со слезами на глазах бросаются на шею, говоря: «Наконец-то Вас дождались родненькие!»

Погода сейчас здесь стоит холодная дуют ветры и мороз.

Писать заканчиваю. Желаю счастливой жизни и здоровья в Вашей семейной жизни.

Мой адрес: 2012 ПП часть 115

С приветом ваш близкий (ропись)

12.02.43 года

* * *

г. Липецк

16.03.43 года

Добрый день Папа, Мама, Нина, Лида, Вова, Тома, Борис, Антонина. В настоящее время нахожусь в городе Липецке в том же госпитале о котором Вам сообщал в предыдущем письме. Дела идут на улучшение сейчас уже хожу понемногу, правда раны ещё не закрылись, но уже затягиваются вобщем уже через полмесяца думаю что встану опять в строй и буду бить вновь немчуру. Вот как ещё немного подживут раны возьму увольнительную в город сфотографируюсь и пришлю Вам. Да за 2 слишком года я ведь вам не прислал ни одной фотографии наверное очень интересно посмотреть будет. Ведь от вас ведь уезжал мальчишкой.

Что то часто снится мне дом толи думаешь про это как мол обеспечены и вообще какое у вас положение.

На передовой бывало не присница ничего. Погода сейчас стоит тёплая по дорогам на санях проезжать уже плохо так как снег уже стоял.

Пишите как у Вас идут дела возможно нужны деньги то могу выслать с полтысячи.

Покамель до свидания.

С приветом ваш близкий
старший лейтенант *(ропись)*

16.3.43 года

Мой адрес 1855 П.П часть 424.

* * *

Привет с фронта!

Здравствуйте незнакомые родные нашего фронтовика Марьина Анатолия. Это пишет вам незнакомая девушка от которой может быть вы не ожидали получить письмо, которая находилась вместе с вашим сыном Анатолием на передней линии фронта. Хочу сообщить вам о смерти вашего сына который погиб в героической борьбе с немецкими захватчиками в одной из Украинских деревушек во время боя. Знаю его очень мало так как он прибыл в часть к нам недавно. Был он убит немецким снайпером в грудь ниже левого плеча. Похоронили мы его село Мурафа Харьковской области, сделали коллективом гроб, сплели венки и под залпы оружия спустили своего лучшего командира в могилу. Помер он 7 сентября 1943 г. Болью сжимается сердце, ещё больше хочется мстить за наших товарищей врагу. Как сейчас я смотрю на него когда он лежал уже мёртвым на его юношеском лице лежала последняя предсмертная улыбка точно ему не больно было умирать от ран, ещё только недавно в щеках его играл румянец, но сегодня его уже нет с нами.

Клянёмся мстить за вашего сына. Пока в нас бьётся сердце, мы будем уничтожать его.

Вот всё

С фронтовым приветом Лида Гурьянова

Мой адрес

Полевая почта 2458(?) - У»

Гурьяновой Лидии Дмитр.

15 сентября

1943 г.

Письмо Голещихина Ивана Григорьевича

Родился Иван Григорьевич 26 декабря 1915 года в деревне Пашня Каргасокского района Новосибирской области (ранее), ныне Томская область.

В 1935 году Иван Григорьевич женился на уроженке д. Пашня, своей землячке, Скирневской Валентине Алексеевне, 1914 года рождения. До начала войны у них родились в разные годы три дочери, но две дочери умерли в детском возрасте от болезней. Осталась в годы войны с матерью одна дочь Августа, 1937 года рождения.

До призыва на ВОВ служил Иван в Красной Армии 2 года и 1 месяц. А 5 августа 1941 г. его вновь призвали в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), уже на фронт.

Известен боевой путь пом. командира взвода, гвардии старшего сержанта Голещихина Ивана Григорьевича только до 1943 года. В письмах на Родину он не писал, где проходят боевые действия (*нельзя было*).

А воевал он в легендарной Томской дивизии 10-й гвардейской армии.

Сибиряки внесли особый вклад в освобождение Смоленщины. В больших случаях многие – своими жизнями.

Мы родные, имели переписку в мирные уже годы с председателем районного Совета ветеранов г. Спас-Де-

менска Калужской области (ранее Смоленской обл.). Гусевым И. Вот он как описывает те военные события, согласно архивным данным.

«Спас-Деменский район Калужской обл., (ранее Восточный р-н Смоленской обл., до 1944 г.) был оккупирован немецкими войсками. Заняли немцы город и район 4 октября 1941 года. К границам района части Красной Армии подошли только в октябре 1943 года, фронт стоял на окраине района. 7 августа 1943 года начали наступление войска Западного фронта, на прорыв обороны и освобождение нашего района ушло три недели боёв.

Сибирская дивизия, взламывая мощную оборону противника, овладела Слудной, Веселухой, Надеждой, Гнездиловом и Гнездиловскими высотами, погнала фашистов к Павлинову, перерезала железную дорогу, заставила врага бежать из Спас Деменска.

7 августа 1943 года началось наступление, а 9 августа 1943 года гвардии старший сержант Голещихин Иван Григорьевич погиб. Похоронен в д. Ртинка Восточного района. Перезахоронен в 1955 году в братскую могилу в г. Спас-Деменске Калужской области».

В память о себе с фронта Иван Григорьевич прислал две фотографии жене и дочери.

Сохранились только два фронтовых письма, в одном из них он пишет (последнее от 16.03.43 г.):

«Добрый день, здравствуй дорогая жена Валя и дочь Гутя. Дорогие, я поехал на фронт 16 марта 1943 года. Много писать не могу. Буду жить, буду писать. Всё дорогие Валя и Гутя целую много раз».

Письмо 21 Августа 42 го

(Сохранена орфография источника)

Добрый день здравствуй жана валя и доч Гутя и Зина дорогие моя валя я Пока жив и дзоров чиги и тибе жилаю

валя я Получил от Письмо что он сийчас работает судьей верно или нет но я конечно верю ему валя я Тибе послал денник как получиш так пиши сразу валя Пиши что у вас нового Пиши больше чем нужно валя как уборка проходит как шишки есть или нет тоже пиши общим пиши все мне что нового у вас валя будиш писать напиши Адреса михаилов и Прохоров можить я их найду и будим иметь с ними пириписку з гаврилой я имею пириписку я ему пишу и вон мне тоже пишит валя как Ты с обутками кто Тибе шет валя дай ильюшки чтобо он тибе сошил к земе и на осинь чтобо у тибя нага всигда была сухая или сошей сибе сопоги у тибя есть ис чего ни жилей подшетки у тибя есть изделай и наси я знаю ... бирижош но все цалую 100 рас ...

Затем Валентине Алексеевне пришло только извещение (похоронка). «Ваш муж Голещихин Иван Григорьевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был убит 9 августа 1943 года».

Голещихина Валентина Алексеевна больше не вышла замуж, всё ждала своего Ивана, как и многие вдовы этой страшной войны.

МОЛОДЫЕ МЕНЯ ПОНИМАЮТ...

И это по-настоящему радует ветерана-фронтовика

*Однажды мне попало
на глаза письмо Дарьи Яков-
левой, ученицы 11-а класса
школы №36 г. Томска, адресо-
ванное «уважаемым ветера-
нам Великой Отечественной
войны».*

«К нам в школу, – пишет она, – приходили ветераны и рассказывали о том, как воевали. Такие рассказы нельзя забыть. Я очень люблю великий праздник – День Победы. Он посвящён всем, кто защищал нашу Родину от фашистов. Я искренне поздравляю вас с этим праздником. Если бы не ваши отвага и преданность Родине, то не было бы сейчас нас, не было бы России, такой великой и сильной... Вы сохранили нашу свободу и независимость, благодаря вам мы можем любить и создавать семьи, учиться, работать, просто счастливо жить. Спасибо вам за то, что у нас есть будущее».

Я процитировал только часть замечательного письма. Но и в этих волнующих строках благодарности девушка сумела высказать многое, в том числе и то, что так тревожит сегодня и молодых людей, и ветеранов. Они хотят узнать, а мы должны успеть рассказать о пережитом, о тех трагических днях, когда в схватке с фашистами решалась судьба не только Советского Союза, но и всего мира.

Я стараюсь не упустить такого случая и прихожу на встречи с молодыми, чтобы не только рассказать о своем боевом опыте и пережитом в годы войны, но и чему-то поучиться у них. В этом году мне особенно запомнились две встречи – с военно-патриотической сменой лагеря Пост № 1 и детского лагеря в Заварзино.

История Поста № 1 – тема отдельного разговора. Хочу лишь напомнить, что Пост у Вечного огня и монумента боевой и трудовой славы томичей был учреждён 7 сентября 1979 года. Право нести караул предоставлялось лучшим пионерам и комсомольцам школ города. Почётную вахту памяти несли здесь зимой и летом, занимались изучением основ военной подготовки. Сегодня здесь, помимо военной, спортивной и патриотической, действуют и другие образовательные смены: экологическая, детско-юношеского парламента, спортивно-творческая, коллективов народного творчества. За 34 года родилось много хороших традиций. Мне, к примеру, нравится традиция заступать в почетный караул в Лагерном саду в ночь на 22 июня. Ровно в 3 часа 45 минут ребята собираются возле монумента славы.

На встречу с ребятами мы пришли вместе с Ириной Ивановой Лазаревой, труженицей тыла, девочкой, хватившей лиха среди поселенцев в глухой парабельской тайге. Ей было что рассказать ребятам, а я поделился воспоминаниями о своей службе в разведке, о боевых товарищах. Воспитанники смены слушали нас с большим вниманием, задавали много вопросов. По словам ребят, разговор для них был очень познавательным, интересным. Завершая встречу, сфотографировались на память.

Вторая встреча была примечательна тем, что большинство ребят – члены военно-патриотического клуба «Дмитрий Донской». Выслушав меня, они сразу начали задавать вопросы, связанные с практическими действиями солдата в бою. Я рассказал, что 17-летним, в конце 1941 года, рабо-

тал на Томском электромеханическом заводе, где выпускали миномёты. А в январе по моей настоятельной просьбе был зачислен в 28-й артиллерийский полк Сибирской добровольческой дивизии. Это стало возможным, потому что я много занимался спортом, особенно лыжами, ходил на курсы военной подготовки к службе в армии. Когда наша воинская часть оказалась на Украинском фронте, попросил перевести меня в разведку. Мне пошли навстречу, несмотря на мой невысокий рост и не очень крепкое телосложение. Видимо, учли, что я спортсмен, сибиряк, а наши земляки очень ценились на фронте. Дальше воевал в 408-й отдельной разведроты 336-й стрелковой дивизии, прошёл всю войну и встретил с ротой День Победы в Праге.

Интуиция старого разведчика не подвела, я сразу почувствовал, что молодые люди достаточно компетентны в некоторых вопросах армейской службы. Меня спросили, что я делал лично, выполняя разведзадания. Интересовались вооружением, экипировкой солдат-разведчиков и тем, почему мы часто пользовались трофейными немецкими пистолетами и ручными пулемётами. Объяснил, что хотя я и патриот своей страны, но когда стоит вопрос жизни и смерти, выбирают более удобное оружие, чтобы выполнить задание командования и остаться живым. Да, наш пистолет ТТ был надёжен и хорош для пехоты, однако немецкие пистолеты меньше по весу и габаритам, а это немаловажный аргумент в разведке. Более громоздким был и ручной пулемёт Дегтярёва с объёмными дисками для патронов. Ребята отнеслись к моей информации очень серьёзно. Позже выяснилось, что они сами неоднократно совершали марш-броски с макетами автомата и пулемёта Калашникова, занимались тактической подготовкой, поэтому вес и удобство оружия прочувствовали на себе.

Руководитель клуба «Дмитрий Донской», подполковник запаса и педагог-воспитатель дополнительного обра-

зования Николай Матюхов предположил, что моей первой наградой была медаль «За отвагу». Я подтвердил и рассказал ребятам боевой эпизод о встрече с партизанами в тылу у гитлеровцев. Узнав очень важные сведения о численности и расположении фашистских войск, мы передали их командованию. Вторую, самую дорогую мою награду – орден Славы третьей степени – я получил за взятие «языка». Когда возвращались, задел ногой проволоку, и в воздухе взорвалась мина-«попрыгушка». Ослепшего и раненого меня вынес в тыл земляк из Новосибирска Николай Лукьянов. К огромному сожалению, он погиб на третий день после Победы.

Ребята оказались не робкими, и перешли к проблемам современной жизни. Вопросы пошли настолько серьезные, что я порой затруднялся с ответом. Ведь я не президент и не министр обороны, и даже не губернатор. Ребята спрашивали, почему в школе нет начальной военной подготовки. Почему те, кому положено заниматься военно-патриотической работой, практически ничего не делают? В конце концов, почему их клуб обеспечивает материально себя сам, а от чиновников любых рангов никакой помощи? Я предположил, что о клубе не знают, но мне ответили, что раз в году проверяют по телефону, жив ли клуб или перестал существовать. Вот и всё участие. Подполковник Николай Лукьянов поблагодарил нас с Ириной Ивановной за ратный и трудовой подвиг в годы Великой Отечественной войны и сказал, что ребята клуба продолжают своё дело. Они хотят в дальнейшем чаще встречаться с ветеранами, причём не только по праздникам.

Леонтий БРАНДТ

И ПУЛЯ МЕНЯ НЕ БРАЛА...

*Ветеран войны долгие годы
был на страже порядка*

Томский отдел полиции на транспорте входит в состав управления полиции на транспорте по Сибирскому федеральному округу, а Совет ветеранов милиции остался в кузбасском управлении. Там из экспонатов музея, рассказывающих о томской линейной милиции, я узнал, что в кузбасском Совете ветеранов милиции в живых остался один, последний ветеран Великой Отечественной войны – Михаил Кириллович Соболев.

Мы знакомы с ним с 1961 года, когда я приехал в Томск и стал работать в Кировском РОВД. По службе нередко заходил на железнодорожный вокзал, где встречался с Соболевым. Он фронтовик, старше меня, опытнее, многое испытал и пережил. Я тоже работал в железнодорожной милиции на крупной узловой станции Иловайск Донецкой области, поэтому понимал специфику его работы. Мы познакомились и вскоре подружились. Потому что нельзя было остаться равнодушным, узнав поближе этого крепкого, прямого, честного и смелого человека.

Ещё в детстве была у Миши мечта стать милиционером. Но война отложила её реализацию. 17-летним в ноябре 1943 года получил Михаил повестку из военкомата о призыве в армию. В Томске сформировали команду из таких же безусых парнишек и отправили в Бердск в 22-й стрелковый пехотный полк. Через месяц он уже проходил учебу младших командиров-пулемётчиков в 23-м стрелковом полку в Тюменской области. А там и Прибалтийский фронт. В 506-м стрелковом полку 198-й Ленинградской дивизии назначили командиром пулемётно-зенитного расчета. С начала 1944 года 18-летний сержант Соболев в составе

роты автоматчиков стрелкового пехотного полка участвовал в ожесточённых боях за освобождение Эстонии.

– Не знаю, почему мне так везло? – вспоминает Михаил Кириллович свои фронтовые будни. – Как заговорённый. Ни пуля, ни мина меня не брали. Бежишь рядом с товарищами – один упал, второй, десятый... А ты словно бронёй укрытый. Во время боя никакого страха, только вперёд. Если артиллерия – бог войны, то пехота, в которой я всё время воевал, – царица полей. По статистике, жизнь солдата и младшего командира пехоты не превышала двух-трёх дней, а дальше – ранен или убит. А меня ни разу не ранило, не контузило. Из самого пекла живым возвращался. Правда, после боя делалось страшно, и товарищей жаль – так много их оставалось на поле боя убитых и раненых. С боями пешком прошли Эстонию и Латвию, где задержались на четыре месяца. Долго не складывали оружие «лесные братья». Сюда и пришла долгожданная весть о победе.

В октябре 1945-го погрузили в вагоны Соболева с товарищами по оружию. Эшелоны держали путь через всю страну к Охотскому морю, где Михаил продолжил службу командиром отделения по август 1950 года, когда пришёл приказ об увольнении из армии. Закончился поход старшего сержанта Соболева на Дальнем Востоке.

Дома решил осуществить детскую мечту стать милиционером. Однако в МГБ, как тогда называли милицию на железнодорожном транспорте, приняли не сразу. Два месяца наводили справки. Дежурил на станции «Томск-2», сопровождал поезда до Асина. Больше всего хлопот доставляли товарные составы. Обворовывали контейнеры и технику. А разыскивать злоумышленников чрезвычайно трудно, все в движении. Ночами требовалось не спать, следить за наведением порядка на вокзале и в поездах. Зная рельеф дороги, преступники прыгали с поезда там, где он сбавлял скорость. Во время одного из дежурств Соболев получил сообщение, что у пассажира украли чемодан. Вор прыгнул из вагона и побежал. Быстро сориентировавшись, Соболев

вскочил на товарняк, следовавший в сторону Томска. Заметил стог. Решил проверить. Побежали туда вместе с помощником машиниста. Так и есть. Зарывшись в сено, лежал мужчина, крепко прижимая к себе украденный чемодан.

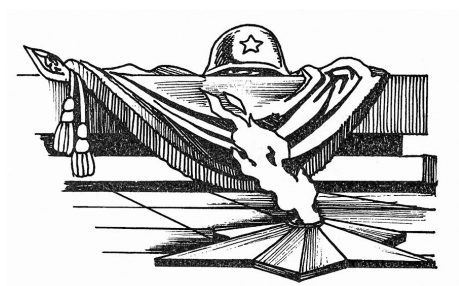
Иногда приходилось идти на хитрость. На площади возле вокзала «Томск-1» дрались пьяные. Свидетель под-сказал, кто зачинщик драки, кто потерпевший. Михаил схватил за шиворот потерпевшего и потащил в дежурную часть. Его принялись оскорблять, мол, не того задержал. Видя такой поворот событий, зачинщики стали помогать милиционеру. Когда все драчуны зашли в дежурную часть, Михаил обернулся, отпустил потерпевшего и, улыбнувшись, строго произнёс: «Спасибо, ребятки, что сами к нам пожаловали. А ну-ка рассказывайте, как было дело! Всё, как на духу!».

Михаил Кириллович многое успел в своей долгой жизни. Получил образование, женился на Марии Васильевне, вырастил и воспитал с ней троих детей: дочь Людмилу, сыновей Александра и Валерия. Все хорошо учились, а сыновья выполнили отцовский наказ работать в правоохранительных органах. Александр ушёл в отставку в звании капитана железнодорожной милиции. Валерий 20 лет работал в прокуратуре, старший советник юстиции. Сегодня работает в правовом комитете областной администрации.

Михаил Кириллович гордится своими детьми и семьёй внуками, которые часто его навещают. Не забывает его и совет ветеранов линейной милиции во главе с председателем Евгением Владимировичем Гришко. Приходят поздравить с праздником, вручат подарок, и так тепло становится на душе у ветерана. В отставку Соболев ушёл в звании старшего лейтенанта в 1974 году, но ещё долго работал, сопровождая перевозку ценностей по всей области. Его общий стаж – 45 лет. Пожелаем Михаилу Кирилловичу крепкого здоровья и долгих мирных лет на отдыхе, который он честно заслужил.

Иван БЫЧИХИН

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Во второй раздел этой книги вошли произведения томских писателей, которые сегодня работают в Томской областной писательской организации.

Написанные в разных жанрах, они отчётливо показывают величие Подвига наших дедов, прадедов, отцов, матерей и сестёр в Великой Отечественной войне. Они поддерживают нашу память, учат наших школьников главному – Родина-мать превыше всего. Защищать Родину от врагов нужно и сейчас. Особенно от тех, кто очерняет нашу Память. Путь нашей Памяти вечен. Для этого и написана эта книга.

Произведения в авторском исполнении прозвучат по всей Томской области, во всех её уголках в рамках уникального литературно-патриотического проекта томских писателей «Путь памяти», подготовленного к 75-летию нашей Победы.

Сергей Заплавный

Парад победителей

Течёт по Томску тихий перезвон.
Седы, но всё ещё молодцеваты,
Под гул шагов,
 под алый плеск знамён
Несут фронтовики свои награды.
И этот гул,
 и перезвон наград –
Как к музыке торжественной
 вступление.
Нестройно,
 но равняясь к ряду ряд,
Идёт за поколеньем поколень.
Здесь деды
 и отцы,
 и сыновья,
Творцы незабываемой Победы
Шагают, память о былом храня,
Единством вдохновляющим согреты.
А май ликует,
 радует,
 бодрит,
Теплом и солнцем души наполняя.
И песня над колонною летит,
Заветная,
 святая,
 фронтная.
Они идут сквозь Время...
 Боже мой,
Как высоки их головы седые!
Пока они в строю,
 пока живые,
Победа остаётся молодой.

Лев Пичурин

Наш генерал

Мои ровесники, мальчишки, родившиеся во второй половине 1927 года, были уверены, что после окончания десяти классов нам предстоит одна дорога – фронт. Оно и вправду. Варшаву освободили лишь 17 января 1945 года, до Берлина было ещё далеко, фашисты сопротивлялись умело и упорно, и мы только через несколько лет осознали, что те, кто закончил войну в мае 1945 года, сохранили жизнь большинству из нас. Ведь ныне кое-кто говорит, что Сталину с Жуковым, Коневым и Василевским не надо было так уж спешить, пусть бы Берлин взяли не мы, да и было бы это на полгода-год позже, не всё ли равно? Нам – не всё равно! И ориентир у многих из нас определился задолго до Дня Победы – наша жизнь должна быть посвящена службе Отечеству в вооружённых силах.

Мы пошли в армию добровольцами в конце июня – начале июля (в моём военном билете записано 1 июля), некоторые участвовали в разгроме Японии, многие поступили в военные училища. Почти все наши отцы-командиры были не просто старше нас по возрасту, но они были ещё бесконечно выше, ибо они были фронтовиками, они раздавили фашизм. К этому надо добавить, что у большинства из нас отцы погибли на фронте, у многих исчезли в годы репрессий. Нет, мы не чувствовали себя обделёнными – ведь так было у всех. Но нам так не хватало мужского внимания, воспитания, заботы и справедливой отеческой строгости! И мы не только учились у наших командиров и педагогов, мы неосознанно тянулись к этим мужчинам, хоть немного восполняя непоправимый пробел нашей жизни, любили и идеализировали их. И было за что!

И поныне, проезжая на трамвае по Советской, я испытываю особые чувства. Проспект Фрунзе, 9, наш учебный корпус, мемориальная доска напоминает, что здесь подготовлены тысячи офицеров-артиллеристов, а 53 из них стали Героями Советского Союза... Над доской – окна нашего учебного класса... А чуть дальше, слева, Фрунзе, 6, – здание бывшей гостиницы «Россия», ныне – областной военкомат, в наше время – штаб училища, бывать там, хоть и не часто, приходилось. Балкон второго этажа, там кабинет начальника училища. Ещё немного дальше – Советская, 29а, пока сохранившийся двухэтажный дом. Здесь со своей женой Верой Николаевной и сыном Игорем, нашим ровесником, студентом ТГУ, жил начальник нашего училища, гвардии генерал-майор артиллерии Владимир Александрович Иванов.

Мы, курсанты расформированного в связи с окончанием войны Смоленского артиллерийского училища, прибывшие в Томск для продолжения учёбы, впервые увидели его утром 30 мая 1946 года на плацу училища. Поздоровавшись, он быстро прошёл мимо двух взводов вчерашних спецшкольников, мальчишек, окончивших год назад подготовительные военные школы, задержался перед курсантами-фронтовиками, поговорил с некоторыми из них, а с Героем Советского Союза Михаилом Медяковым поздоровался за руку. Не забуду, как он позднее тоже пожимал руки многим фронтовикам, вручая им на всякого рода торжественных собраниях ордена и медали, недополученные на фронте. Какой музыкой звучали в наших ушах названия этих наград: «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Праги», «За взятие Вены», «За взятие Берлина»! Это вам не «XXX лет Советской Армии и Флота», которые он вручил всем нам в 1948 году.

Конечно, мы, курсанты, видели его часто, но всё-таки находились от него на большой дистанции. Но знали о нём

много, старались узнать ещё больше, и чем дальше уходит то время, тем убеждённое я говорю – нам выпало счастье учиться у выдающегося военного педагога и служить под командованием настоящего боевого русского советского офицера. Как хочется, чтобы память о нём сохранилась и после нас!

* * *

Начало биографии будущего генерала было обычным для своего времени. Родился 13 июня 1904 года в пролетарской семье, жившей на окраине Санкт-Петербурга. В четырнадцать лет пошёл работать, учиться после шести классов не позволяло материальное положение. Постоянной работы не имел – это же Петроград 1918 года, революция, Гражданская война. Последняя должность – курьер редакции газеты «Петроградская правда» (редакция «Правды» вместе с советским правительством переехала тогда в Москву, а в Питере было создано нечто вроде её филиала). С этой должности в январе 1920 года пятнадцатилетний мальчишка начал свою сорокалетнюю непрерывную армейскую службу, добровольно вступив в РККА.

В 1922 году окончил 1-ю Петроградскую артиллерийскую школу, созданную в 1917 году на базе знаменитого Константиновского артиллерийского училища. Среди первых выпускников школы были будущие маршалы Н. Н. Воронов, М. В. Захаров, В. И. Казаков, Н. Д. Яковлев. Позднее школа неоднократно переименовывалась, а когда я попытался стать её курсантом, она называлась 1-е ЛОЛКАУ, Первое Ленинградское ордена Ленина Краснознамённое артиллерийское училище. Мне отказали – детей «врагов народа» в привилегированное учебное заведение не принимали. И правильно сделали – не знал бы я ничего про генерала Иванова, и не писал бы о нём.

* * *

Учился курсант Иванов в мирное время – Гражданская война заканчивалась. Но мирной тогдашнюю жизнь училища назвать нельзя.

1 марта 1921 года начался мятеж в Кронштадте. 2 марта Совет труда и обороны ввёл в Петрограде осадное положение. 8 марта 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского начала оказавшееся неудачным наступление на Кронштадт. X съезд РКП(б) направил в 7-ю армию около 300 делегатов, в Петрограде была проведена партийная мобилизация, на штурм крепости бросили курсантов Петроградских военных школ. 17–18 марта операция, стоившая советским войскам 527 человек убитыми и 3285 ранеными, завершилась. 21 марта курсанты вернулись к обычным занятиям. Но ненадолго.

* * *

Про Кронштадтский мятеж и другие события того времени ныне многое известно любому грамотному человеку. Участие в этих событиях десятков тысяч людей было закономерным, привлечение курсантов к военным действиям оказалось необходимым, строка о боевом крещении артиллериста В. Иванова вполне естественна. А вот о событиях января-марта 1922 года на Карельском перешейке сегодня знают немногие.

Наши отношения с Финляндией имеют долгую и непростую историю, одним из непреложных фактов которой является признание Советской Россией республики Финляндия. 6 декабря, день её создания в 1917 году, называется Днём независимости Финляндии и является государственным праздником. Впервые за своё многовековое существование финский народ получил тогда государственность, и получил он её из рук первого советского правительства. Большинство финнов знают, что декрет об этом подписан председателем Совнаркома Советской

России Ульяновым (Лениным) и несколькими нарками. Большинство, но, к сожалению, далеко не все. Некоторые хотят создания великого государства, в которое вошли бы все финно-угорские народы, для начала – финны, карелы, эстонцы. Вообще-то к этой языковой группе относятся ещё и российские удмурты, марийцы, мордва, коми и даже сибирские ханты и манси, но на их территорию, как и на территории, где распространён ещё один язык этой группы – венгерский, пока, кажется, никто из идеологов великой финской державы не претендует. А в октябре 1921 года, надеясь на слабость России, измученной заканчивавшейся Гражданской войной, финские интервенты, вдохновлённые этой идеей и подталкиваемые некоторыми европейскими друзьями, вторглись в Карелию и на Карельский перешеек. Слабые советские пограничные отряды не могли остановить противника. Но вскоре командующий войсками Карельского района А. Седякин сумел собрать необходимые силы, в том числе – курсантов питерских военных училищ. 17 февраля военные действия закончились полным разгромом интервентов. Командующего наградили вторым орденом Красного Знамени (первый он заслужил, руководя Южной группой войск 7-й армии при ликвидации Кронштадтского мятежа, комиссаром у него был К. Е. Ворошилов, тоже удостоенный «Красного Знамени»). Из песни слова не выкинешь – в 1938 году эти и другие заслуги не спасли командарма 2-го ранга (генерал-полковника) Александра Игнатьевича Седякина от репрессий.

Размышляя над событиями в жизни курсанта В. Иванова зимой 1921–22 года, вспоминаю его жесточайшие требования к нашей лыжной подготовке. Казалось бы, зачем артиллеристу в XX веке двадцатикилометровые лыжные броски, да ещё с полуторапудровой нагрузкой? Может быть, он вспоминал, как Седякин поставил всех питерских курсантов на лыжи, и сумел той суровой зимой переиграть прирождённых лыжников – финнов? Ведь Иванов знал, что в войне на

том же Карельском перешейке в 1939 - 40 годах, войне, в которой его командарм уже не мог участвовать, наша армия понесла неоправданные потери ещё и из-за слабой лыжной подготовки большинства красноармейцев. Генерал готовил нас к любым осложнениям, к любым случайностям, без которых не бывает даже мирной жизни.

* * *

А служба в мирное время тоже дело не простое, хотя и в какой-то степени стандартное. В 1925 году молодой краском стал членом ВКП(б). Далее – обычная служба.

Командир взвода, начальник связи полка, начальник полковой разведки, командир батареи, командир дивизиона артиллерийского полка 29 стрелковой дивизии. Это было созданное на Урале славное соединение Красной Армии, в котором когда-то служили Павел Петрович Бажов, автор знаменитой «Малахитовой шкатулки», будущий маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков, будущий генерал-полковник, герой Сталинградской битвы Михаил Степанович Шумилов. Дивизия участвовала в Гражданской войне на Урале и в Сибири, в польской кампании. В интересующие нас годы она была расквартирована в Белоруссии

Частые передвижения по службе характерны для армии. В 1926–1931 годах В. Иванов служил командиром дивизиона 111 стрелкового полка 37 стрелковой дивизии, это тоже Белоруссия. В Красной Армии исключительное внимание уделялось переподготовке командиров, и в 1931 году Иванов окончил Курсы усовершенствования командного состава. На новом месте службы, во 2-й стрелковой дивизии, тоже расквартированной в Белоруссии, он стал командиром артиллерийского дивизиона 4-го стрелкового полка.

Всё, в общем-то, стандартно, так служили и служат многие. Но в 1934 году Иванов получил особое назначение. Дело в том, что в начале 30-х годов неизбежность грядущей

щей в ближайшее время войны стала очевидной и правительству, и руководству РККА. Но если с морально-политической стороны граждане СССР были в какой-то степени подготовлены к ней, то в чисто военном отношении положение было совершенно неудовлетворительным. Военных специалистов, особенно специалистов среднего звена (командиров рот, эскадронов, батарей, батальонов, дивизионов) не хватало катастрофически. Их надо было готовить по-настоящему, но военно-учебные заведения с объёмом задачи не справлялись. И тогда наряду с традиционными полковыми школами были созданы учебные батальоны (в артиллерии – дивизионы). На такие подразделения командование возлагало большие задачи.

Энергичному, настойчивому и честному красному В. Иванову поручили командовать таким дивизионом 158-го артиллерийского полка. Командир дивизиона не только понял суть стоявших перед дивизионом задач, но сумел в течение двух лет поставить дело так, что его воспитанники, формально не получив серьёзного военного образования, отличались прекрасной тактической и огневой подготовкой. Педагогическое мастерство комдива было замечено командованием. За отличную подготовку дивизиона майор В. А. Иванов в 1936 году был награждён орденом Ленина, высшим орденом нашей страны. Тогда же он вновь прошёл обучение на АКУКС, и летом 1937 года стал исполняющим обязанности командира 36 артиллерийского полка 13-й стрелковой дивизии.

Честно говоря – ничего особенного. Нормальное, заслуженное продвижение по ступеням армейской лестницы. Но время-то было особенное!

* * *

Не знаю, откуда нам было известно, что генерал участвовал в гражданской войне в Испании. Прочитать этого мы не могли, ведь СССР «во внутренние дела республики

не вмешивался». Да, мы знали о наших добровольцах на Пиренеях, знали, что туда шли наши пароходы с продовольствием и другими грузами, что мятежники их топили. Знали об испанских детях, эвакуированных в СССР. Кое-какие публикации обо всём этом появлялись в предвоенные годы во всех газетах вплоть до «Пионерской правды». Полной тайны не было, но настоящей информации всё же не существовало, её, кстати, и сейчас нет. Однако мы знали – наш Иванов воевал за свободу республики, и этот несомненный для нас факт был предметом нашей гордости. Хотелось иметь более подробную информацию.

Но когда я совсем недавно захотел уточнить эту страницу биографии Владимира Александровича, мне прислали копию составленной после его кончины учётно-послужной карточки. И я прочитал, что летом 1937 года майор Иванов исполнял обязанности командира 36 артиллерийского полка в Белоруссии, об этом написано выше. А следующая запись – октябрь 1938 года, полковник Иванов – начальник Сумского артиллерийского училища. Куда делись 14 месяцев непрерывной службы, за которые молодой офицер продвинулся на два звания? Мне довелось служить в Сумах в 1949–1952 годах, там помнили – было что вспомнить! – бывшего начальника, но об испанской странице его биографии не говорил никто. Более того, даже о том, что начальник учебного отдела училища полковник Павел Германович Лампель отличился в знаменитом сражении при Брунете (15 миль к западу от Мадрида), мы, молодые офицеры, тоже ничего не знали. А ведь он прибыл в училище вместе с Ивановым!

Но в «Комсомольской правде» за 23 февраля 1939 года я нашёл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля: «О награждении командиров, политработников, инженеров, врачей, техников, младших командиров и красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии». орденом Красного Знамени «За образцовое выполнение

специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке соединений, частей и подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии»; этим Указом награждено 346 человек. Там я нашёл немало известных имён, в том числе будущего главного маршала артиллерии М. И. Неделина (того, что погиб 24 октября 1960 года при взрыве ракеты на космодроме Байконур). И рядом, под номером 108 – майор Иванов Владимир Александрович. Слова «Испания» в Указе нет, но в послужном списке Митрофана Ивановича, кроме Гражданской войны в России, Советско-финской войны и Великой Отечественной войны, названа гражданская война в Испании. Наши добровольцы давали перед отъездом подписку о неразглашении факта неофициальной командировки на эту схватку с фашизмом, вот и исчезала из их биографий одна из самых ярких страниц.

И, немного забегаая вперёд, отмечу факт совершенно удивительный, но очень уж противоречащий мысли Н. С. Хрущёва, заявившего на XX съезде КПСС, что чуть ли не все наши «испанцы» погибли в годы репрессий.

2 апреля 1943 года «испанец» полковник В. А. Иванов был назначен командующим артиллерией Первой гвардейской армии, входившей в состав Юго-Западного фронта. Фронтом командовал «испанец», будущий маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, советник «колонель Малино». А командующим артиллерией фронта был «испанец», выпускник Томского артиллерийского училища, позднее – Герой Советского Союза Михаил Петрович Кутейников (звание Героя он получил за бои в Финляндии, служа под командованием будущего маршала Советского Союза «испанца» К. А. Мерецкова). Эти «испанцы», одержав тогда победу под Сталинградом, готовились к новым боям, боям за освобождение Украины. И они знали, что одним из авторов операции «Уран» (операции по окруже-

нию и уничтожению 6-й армии фельдмаршала Ф. Паулюса) был «испанец», командующий артиллерией РККА, будущий главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, старший советник по артиллерии, «волонтёр Вольтер». Не могу не подчеркнуть, что опыт испанской войны убедил комкора Воронова в том, что распространившееся в мировой военной науке в 20–30-х годах XX века мнение об утрате артиллерией в предстоящей войне своего прежнего значения, ошибочно. По докладу Воронова правительству, в СССР были приняты серьёзные меры по развитию и укреплению сил артиллерии, сыгравшие важную роль в обеспечении нашей победы над фашизмом. Кстати, ещё один «испанец», уже упоминавшийся генерал Шумилов, 31 января 1943 года руководил допросом генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, взятого в плен его 64-й армией.

Стоит ли верить тем, кто утверждает, что чуть ли не все командиры, получившие опыт войны в Испании и на Востоке, были репрессированы? Да, многие, слишком многие! Но далеко не все. И роль их, их подвиг, к сожалению, до сих пор по-настоящему не оценены...

Наверное, не надо объяснять, почему я не имею возможности рассказать о подробностях участия В. Иванова в гражданской войне в Испании. Уверен в том, что там продолжилась его дружба с нашим кумиром Н. Вороновым, начавшаяся ещё в Петрограде.

* * *

После возвращения из Испании, в октябре 1938 года, Владимир Александрович был назначен начальником Сумского артиллерийского училища имени М. В. Фрунзе, 30 октября получил звание полковника. Сохранилось немало воспоминаний об этих мирных и немирных годах его жизни, я приведу некоторые.

Полковник Георгий Иванович Соломко: «Нас, вновь

прибывших в училище, представили его начальнику. Пошёл высокий, стройный, с иголки одетый в военную форму командир, в петлицах – четыре «шпалы», на груди ордена Ленина и Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Блестящие сапоги со шпорами – просто картинка, и лицом красивый. Прошёл вдоль строя, внимательно осмотрел каждого, улыбнулся, очевидно, понравился наш внешний вид».

В войсках противовоздушной обороны нашей страны хорошо знают заслуженного деятеля науки, доктора технических наук, профессора, генерал-лейтенанта Василия Дмитриевича Кириченко. Он закончил Сумское артучилище в 1939 году, продолжил там службу в должности командира взвода курсантов. Он пишет, что начальник училища оставил в его душе добрую память на всю жизнь. «Иванов В. А. только что вернулся из Испании. Стройный, безукоризненно одетый, с наградами. Всегда спокойный в проявлении своего характера, никогда не повышал голоса, был требовательным до самых тонкостей, относящихся к делу. Знал дело досконально, но никогда этого не подчёркивал».

Окончивший САУ 6 июня 1941 года писатель-публицист полковник Михаил Александрович Пóдуст вспоминает: «В июле 1939 года успешно сдал вступительные экзамены в Сумское артиллерийское училище. На мандатной комиссии начальник училища полковник Иванов поздравил меня и других курсантов с зачислением в училище. Начальнику училища было не более 40 лет. Стройный, подтянутый, выше среднего роста, светлые волосы ложились волнами, на груди два ордена. Он приходил на все вечера в клуб училища, любил танцевать вальс».

Ну, насчёт цвета волос Михаила Александровича слегка подвела память – волосы у генерала были светло-каштановыми, проще говоря – рыжими. Но насчёт вальса – точно. Танцевал он великолепно, на наших курсантских вечерах часто именно он приглашал на первый тур вальса самую

симпатичную из наших девушек, чаще всего – студенток медицинского и педагогического институтов. Сколько потом бывало разговоров! Нет-нет, не надо тут думать лишнего, но стройный сорокалетний высокий генерал, безупречно выбритый, в идеально отутюженной форме, прекрасный партнёр, галантный кавалер, очень нравился женщинам. А мы, разумеется, считали, что так и должно быть – наш генерал есть образец для подражания во всём, в том числе и в умении деликатно относиться к представительницам прекрасного пола. Впрочем, ходили и кое-какие сплетни, но я их не помню.

Почти идиллическая картина – замечательное училище, в прекрасных помещениях, построенных ещё до революции для Сумского кадетского корпуса, образованнейшие командиры, хорошее питание, отличная форма, требовательный, но справедливый интеллигентный начальник, не бурбон какой-нибудь. Хорошо? Да, но...

* * *

Каждая большая трагедия включает в себя немало тяжелейших подробностей. О событиях августа – ноября 1941 года, о том почти безнадежном положении, в котором тогда оказался левый фланг советско-германского фронта, в общем-то, известно многое. Но есть и детали относительно мало известные.

В августе, когда Киев был ещё в наших руках, гитлеровцы вышли на левобережье Днепра. В районе Шостки они прорвали наш фронт и оказались в ста километрах от казавшихся ещё несколько дней назад вполне тыловых Сум. Прикрыть город было нечем – каких-либо воинских частей Харьковский военный округ не имел. Военный Совет округа принял отчаянное решение – задержать Вторую танковую группу Гудериана силами срочно формируемого «Отряда особого назначения». Его составили курсанты нескольких военных училищ (Сумского и Харьковского

артиллерийских, Сумского и Чугуевского пехотных), Сумской коммунистический батальон, полуэскадрон конников-добровольцев. В отряде были пехотные батальоны, два артиллерийских полка и отдельные спецподразделения. Командовать отрядом было приказано начальнику Харьковского артиллерийского училища генерал-майору Алексею Семёновичу Чеснову. Комиссаром отряда стал комиссар этого училища батальонный комиссар Илья Фёдорович Мангушев (он вскоре погиб). Артиллерией отряда командовал начальник Сумского училища полковник Иванов.

23 августа курсантские подразделения заняли оборону неподалёку от деревни Волокитино Путивльского района. Умело расположенные Ивановым на левом берегу реки Клевень курсантские батареи оказались для немецких танкистов полной неожиданностью. 8 сентября курсанты-артиллеристы своим огнём из засад сорвали попытку фашистов форсировать Клевень, на несколько дней задержав противника. Чего это стоило, нетрудно понять. Более двух месяцев отряд упорно продолжал сражаться, войдя в состав 40-й армии.

...У деревни Волокитино установлен памятник погибшим курсантам. Живых тогда осталось немного, в конце ноября отряд вывели из зоны боевых действий и расформировали, курсантов САУ эвакуировали. Трёх из них хорошо помню по службе в Сумах в пятидесятых годах. Прекрасные боевые офицеры. С уже упоминавшимся капитаном Соломко мы участвовали в училищной самодеятельности. Иван Богатырь, награждённый за подбитый танк орденом Красного Знамени, командовал одной из батарей нашего дивизиона. А в батарее капитана Юрия Шульги я служил командиром взвода. Все трое – очень скромные люди, о своём участии в тех боях они ничего не рассказывали. Все трое вышли в отставку полковниками. Все трое – украинцы.

И ещё об одном не могу не вспомнить. В известном докладе Н. С. Хрущёва в числе незаконно репрессированных военачальников назван комдив К. П. Подлас. Это правда, но не вся. Никита Сергеевич забыл сообщить, что Кузьму Петровича освободили, восстановили в РККА в том же звании, назначили заместителем командующего войсками Киевского особого военного округа. Генерал-лейтенант К. П. Подлас командовал 40-й, а затем 57-й армией. 22 октября 1941 года награждён орденом Ленина, поверьте, осенью трагического сорок первого ордена «за так» не давали, генерал был настоящим героем. 25 мая 1942 года он погиб во время прорыва из окружения. По другим данным – был тяжело ранен и застрелился, не желая попасть в плен. Помните «Живые и мёртвые» Константина Симонова? Комбриг Серпилин говорит, что смерти он не боится, ему пропасть без вести, попасть в плен нельзя – бывшему репрессированному этого не простят.

* * *

После расформирования Отряда особого назначения три дивизиона САУ 23 ноября 1941 года со станции Старое Роговое (это недалеко от Старого Оскола Белгородской области) убыли в Сибирь. Сегодня трудно представить себе, что представляла собой тогда эвакуация крупного предприятия или учебного заведения. Частые остановки – надо же пропустить эшелоны, идущие к фронту! Нехватка паровозов. Скучное питание. Да ещё и сибирские морозы. Это великий подвиг нашего народа, это отдельная составляющая ответа на вопрос о том, как мы сумели выстоять и победить. А груз ответственности, лежавшей на полковнике Иванове, просто невозможно представить.

Но 12 декабря первый эшелон прибыл в Ачинск. Сорокаградусный мороз, а у курсантов летнее обмундирование, на головах пилотки. Не стану перечислять трудностей, стоявших перед начальником училища, они были во

всём. Однако уже 4 апреля 1942 года училище произвело первый выпуск лейтенантов, среди них были и мои будущие сослуживцы Богатырь, Соломко, Шульга.

Полковник Иванов не только провожал в действующую армию своих воспитанников. Он, считая свою главную задачу выполненной – училище работает! – настойчиво просил командование отправить на фронт его самого. Летом 1942 года просьба была выполнена. Помогло то, что в Томском артиллерийском училище должность заместителя начальника занимал полковник Леонид Иванович Дульщикова, в апреле 1942 года прибывший с Волховского фронта, где он командовал артиллерией созданной в Сибири 59-й армии. Из Томска, где он, можно сказать, прошёл стажировку – думаю, что это было продуманным шагом командования, – его и направили в Ачинск на должность начальника училища. Впоследствии он стал генерал-лейтенантом артиллерии, а наш Владимир Александрович больше прямого отношения к САУ не имел.

* * *

12 июля 1942 года полковника Иванова назначили заместителем, а вскоре командующим артиллерией 14 гвардейской стрелковой дивизии, с июля 1942 г. участвовавшей в оборонительном сражении на Сталинградском фронте. Наверное, не нужно пояснять, что это значит. Июль – октябрь 1942 года, пожалуй, самое кровавое и жестокое время войны. Напомню, что именно 28 июля Народный комиссар обороны Союза ССР И. Сталин подписал знаменитый приказ № 227, названный в народе «Ни шагу назад!».

Немцев остановили. 1 ноября Иванов вступил в командование артиллерией 14-го стрелкового корпуса. А 19 ноября, в день, ставший нашим праздником, Днём артиллерии и ракетных войск, он руководил мощным огнём сотен орудий и миномётов корпуса, обрушившихся на против-

ника. Именно артиллерия начала и обеспечила успешное решение главной задачи «Урана» – окружить 6-ю армию Паулюса. От «катюш» и пушек полковника Иванова более всего досталось тогда итальянской 8-й армии и румынской пехоте.

2 февраля 1943 года, в день окончания Сталинградской битвы, В. Иванов стал командующим артиллерией 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко, будущего министра обороны, маршала Советского Союза. В этой должности Иванов воевал до 1 апреля 1944 года.

В начале 1943 года 1-я гвардейская армия наступала в Донбассе, в июле участвовала в Изюм-Барвенковской наступательной операции, а в августе – сентябре – в операциях по освобождению Левобережной Украины. В ноябре – декабре войска армии участвовали в отражении контрнаступления противника на киевском направлении, а с 24 декабря – в наступательной Житомирско-Бердичевской операции. К концу февраля 1944 года армия была переброшена юго-восточнее Шепетовки, где в марте – апреле вела наступление на направлении главного удара фронта в Проскуровско-Черновицкой операции, после чего участвовала в окружении и разгроме одного из знаменитейших своими прежними победами соединений вермахта, 1-й танковой армии Ганса Вильгельма Хубе. Символическая деталь. В январе 1943 года Паулюс получил радиogramму из Берлина: «Направить генерала танковых войск Хубе в ставку фюрера для вручения ему мечей к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями» – Гитлер спас своего любимца от плена. Но под Каменец-Подольском Ганс Хубе вместе со своей армией вновь был окружён именно теми, кто едва не пленил его в Сталинграде. Он вновь вырвался из окружения, на этот раз вылетел в ставку за бриллиантами к Рыцарскому кресту, получил награду, но на другой день погиб в авиакатастрофе. Не знаю, было ли известно об этом Гречко и Иванову.

За личное мужество и мастерство в руководстве войсками наш генерал и получил в то время второй орден Ленина, и ещё три ордена Красного Знамени, к которым потом добавились два ордена Отечественной войны I степени и многочисленные медали.

...Читаю длинный список городов, освобождённых 1-й гвардейской армией при участии артиллеристов В. Иванова, и возникают грустные мысли. Миллерово. Старобельск. Красный Лиман. Изюм. Лозовая. Славянск. Житомир. Павлоград. Проскуров. Почти вся советская Украина полита кровью советских солдат. И что там происходит сегодня?

* * *

Справа от главного монумента Мемориала на Южном кладбище нашего города находится плита с именами двадцати курсантов Томского артиллерийского училища, погибших 21 февраля 1944 года. Мне не довелось читать каких-либо документов об этой трагедии, нам о ней не рассказывали, но до недавнего капитального ремонта учебного корпуса училища по ул. Фрунзе, 9, из внутреннего двора была хорошо видна угловая часть здания, заделанная скверным кирпичом вместо того, который когда-то положили строители Томской мужской гимназии. Зимой в корпусе всегда было холодно, но в аудитории на втором этаже... Мы не любили её... И вот такая картина сложилась у меня из обрывков услышанного тогда.

Трудно понять, как это могло случиться, но в класс ВИП – военно-инженерной подготовки – были доставлены в качестве учебного пособия немецкие противотанковые мины, и у одной или нескольких из них не были удалены взрыватели. Не осталось никого, кто мог бы рассказать, почему они взорвались, когда на занятиях в классе был один из выпускных взводов. До выпуска ребятам оставалось несколько месяцев. Летом начиналась операция «Багра-

тион», выпускники ТАУ, как правило, назначались сразу командирами батарей, погибшие могли бы заполнить все вакансии минимум в двух артиллерийских полках.

Говорят, о ЧП доложили лично Верховному, крайне обеспокоенному обеспечением командными кадрами важнейшей операции 1944 года. Сталин был взбешён, и сказал Н. Воронову: «Найдите надёжного достойного командира из фронтовиков для руководства этим училищем, пусть обеспечит учёбу без тыловых потерь. У нас боевых хватает». Воронов назвал имя своего старого друга, командовавшего в это время артиллерией 1-й гвардейской армии. Не знаю, как к этому предложению отнёсся командарм-1 А. А. Гречко, но, скорее всего, его и не спрашивали. Рекомендации Воронова для Сталина было достаточно.

Легенда? Но взрыв произошёл 21 февраля 1944 года. А полковник В. Иванов стал начальником 1-го Томского артиллерийского училища 3 апреля. 9 апреля Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание гвардии генерал-майора артиллерии. Есть связь между этими датами и фактами?

14 марта 1945 года училищу исполнилось 25 лет. Многие военно-учебные заведения, отметившие примерно в это же время подобный юбилей, были награждены орденами Красного Знамени. ТАУ-1 было удостоено меньшей по рангу награды – ордена Красной Звезды. Бессмысленной гибели двадцати курсантов, не ставших офицерами, нам не простили.

* * *

Училищем генерал В. А. Иванов командовал чуть более четырёх лет, как раз до нашего выпуска, точнее, до нашего последнего экзамена, так как присвоение званий нашему курсу по финансовым причинам было отложено до 1 января 1949 года. Лейтенантские погоны нам вручил новый начальник училища, замечательный человек, Герой Со-

ветского Союза, полковник Виктор Гаврилович Цивчинский. А генерал Иванов 30 сентября 1948 вступил в должность командующего артиллерией стрелкового корпуса на Дальнем Востоке. Через два года он стал заместителем командующего артиллерией Дальневосточного военного округа по боевой подготовке. Подробностей не знаю, но ДВО находился в те годы в ответственныйшем положении в связи с войной на Корейском полуострове.

В 1954 В. Иванов окончил Академию имени К. Е. Ворошилова. Последняя его армейская должность – командующий артиллерией Северокавказского военного округа. В Ростове-на-Дону он снова, как и в 1942 году в Сталинграде, служил под командой одного из самых ярких полководцев Великой Отечественной, маршала Ерёменко. Кстати, в прямом подчинении Андрея Ивановича он оказался в третий раз (после Сталинграда в 1942 году и Томска, когда Ерёменко командовал войсками нашего Западно-Сибирского военного округа).

25 августа 1961 генерал-лейтенант Владимир Александрович Иванов вышел в отставку.

* * *

Сегодня уже почти не осталось участников Великой Отечественной, уходят и артиллеристы, выпускники 1-го Томского ордена Красной Звезды артиллерийского училища. Нет уже и самого училища, ставшего высшим командным училищем связи и расформированного в марте 1999 года. 9 апреля 1980 года скончался Владимир Александрович Иванов, наш генерал, выдающийся военный педагог, один из тех, кто доказал, что наша артиллерия действительно Бог войны. Грустно. Но я убеждён, что ни великие события, ни настоящие люди никогда не уйдут не только из нашей благодарной памяти, но и из памяти наших потомков.

Николай Серебренников

Это письма моего отца Валентина Васильевича Серебренникова (1910–1975) к его невесте Валентине Александровне Сергеевой (1922–1990), впоследствии моей матери, и к его родителям – Серебренниковым Василию Ивановичу (1880–1963) и Александре Алиповне (1881–1970).

В 1941 г. отец окончил санитарный факультет Томского мединститута, с августа 1941-го по май 1942-го был врачом медпункта запасного стрелкового полка, затем – старшим врачом полка 232 стрелковой дивизии 60 армии Воронежского фронта, с августа 1943-го – командиром медсанбата 232 стрелковой дивизии 40 армии 1 Украинского фронта, с февраля 1944-го по июнь 1946 – старшим врачом полка 42 стрелковой дивизии 40 армии 2 Украинского фронта. Награждён орденом Красной Звезды (1944), орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией». Уволен в запас в звании гвардии майора.

Мать была медсестрой. Награждена медалью «За отвагу» (1942; потом в народе медали 42-го приравнялись к орденам), «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Германией», орденом Отечественной войны I степени. В 1945 ранена в висок осколком гранаты. Уволена в запас в звании гвардии старшины.

В публикуемых письмах к невесте отображено время, когда в январе 1944 г. он отправил её в тыл – рожать. Весной она сорвалась: «Вызывай, я еду. Я не могу. Я хочу быть с тобой», – потеряла плод и ринулась на фронт.

В боях с июня 1942-го, от Воронежа до Киева и дальше – по Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии – они почти весь путь прошли вместе. Их бракосочетание состоялось 9 мая 1945 г. в освобождённой Праге.

Я родился девять лет спустя, но всё моё раннее детство – это гул рассказов о войне, о войне, о войне...

В. В. Серебренников

Из писем с фронта

В. А. Сергеевой, 2 марта 1944

Дорогая Валя!

Уже полтора м-ца прошло, когда тебя унёс от меня товарный порожняк, а писем от тебя нет, и не знаю, дождусь ли, хватит ли у меня терпенья получить весть, что ты благополучно или с небольшими неприятностями (последние же почти всегда сопровождают далёкий путь) добралась до родного очага.

Вчера несколько взял влево, изменилась обстановка, жизнь приблизилась к полевой, близкой к Яблочной (Кочетовке)¹. В этом месте немцев вынудили отступить². Он оставил массу самоходных пушек, танки, даже мне довелось увидеть «сопливого ганса»³ и его спаренный (10-ствольный миномёт). Мы видели немало разбитых автомашин, пушек, но такого кладбища техники я не видел,

¹ Кочетовку (юго-западной Воронежа) освободили с большими потерями 29 января 1943. Наступление шло из Яблочного, где находился полевой госпиталь.

² Прорыв немецкой обороны севернее Умани.

³ Немецкий реактивный миномёт, обычно 6-ствольный.

их мы могли лишь встретить на фотографиях боёв, вошедших в историю Отечественной войны. Сожалел, что тебя в это время нет и твоё естественное любопытство не удовлетворено.

В. А. Сергеевой, 19 марта 1944

Валентина!

Почему ты не пишешь? Сегодня на новый адрес получил письмо от матери, которая сообщает, что от тебя получила письмо от 4.2.44 г., от тебя же мне нет ни строчки.

Полтора м-ца движемся вперёд, топчем уже более недели «румынскую землю»¹, скоро собираемся быть на границе собственно Румынии. Румыны ведут себя так же, как мадьяры зимой 42–43 г.² Они пачками сдаются в плен, а к Пасхе вообще собираются закончить войну. Хотя было бы так! Это бы сильно ускорило нашу встречу. Наскучался я досыта. Мама пишет, что ты собираешься ко мне. Я считаю, это безрассудно. Живи дома, если тебя там не притесняют.

Здоровье и настроение хорошее. Живу надеждой на скорую встречу.

Пиши. Ведь я до сих пор в неизвестности, как ты доехала. Правда, я не сомневаюсь, что твой путь прошёл благополучно, однако тревожусь неизвестностью. Ты же бессовестно молчишь. Первое письмо по новому адресу ждал от тебя, ибо тебе пишу первым, а вторым нашим.

Будь здорова.

Твой Валентин.

В. А. Сергеевой, 1 апреля 1944

Походная жизнь продолжается на чужой территории. Сегодня особо был трогательный митинг, устроенный на-

¹ Транснистрия (оккупированная Румынией территория Винницкой, Одесской, Николаевской областей и левобережной Молдавской ССР).

² Зимой 1942/43 была разбита 2-я венгерская армия.

селением небольшого городка (румын. местечка). Люди проклинают своих правителей и главного виновника их несчастья – немецкий фашизм и его главаря. Трудно себе представить людей, плачущих от радости. Ещё труднее – прочувствовать эту радость, не испытав её. А это было в этом местечке. При произношении о том, что Красная Армия лишь освобождает, а не захватывает чужой территории – дружное ура в честь её и слёзы радости на глазах у многих, проклятье на устах по адресу немецких насильников.

Из разговоров с румынами – Румыния едва ли будет воевать с нами. Она скорее повернёт оружие в сторону немцев. Немцы немало насолили румынам. Они забрали у них всех лошадей, некоторые (многие) недосчитались коров, овец или свиней. Чувство ненависти за устроенную войну растёт в румынском народе.

Сегодня очень хорошо вымылся в бане. Напарился, что насилию отдышался. Хожу в баню раз в 10–12 дней, однако, таскаясь всюду, валяясь где попало, получаешь неприятности.

В. А. Сергеевой, 3 апреля 1944

Дорогая Валя!

Посылаю тебе требуемую тобой справку. Может быть, она несколько улучшит твоё материальное положение.

На дворе ужасный буран. Зима хочет наверстать упущенное в своё время. Холодно, как глубокой осенью. Погода такая дрянная, что портит самое лучшее настроение, и по этой грязи, непогоде наши войска развивают такую фантастическую скорость продвижения. Взгляни на карту, откуда ты уехала и где сейчас линия фронта! Если бы ты захотела приехать вновь ко мне, то это бы удлинило твой путь минимум на 250–300 км. (Но этого тебе делать не нужно, и ты не сделаешь. Немцы при отходе порядочно попортили ж. дор. полотно. Докуда сейчас ходят поезда – неизвестно; потом, будем надеяться, что война долго не

протянется и наша встреча состоится на берегу Волги¹.)

Третий день имеем передышку. Вымылись, подчистились, выпались. Теперь можно будет шагать снова сотню-две по западным областям страны или по другой территории, по которой укажет приказ.

Вчера или позавчера тебе послал письмо, ответ на твоё первое ко мне. Ты терпеливо задержалась с ответом дня на 4–5. За это от меня не получала цельную декаду или больше. Мы расквитались, дальше давай не испытывать друг друга.

От своих имею тоже лишь одно письмо. Почта из-за грязи задерживается в пути, и получение писем удлиняется на неделю и больше.

Немного скучаю, немного временами делается тоскливо, и появляется желание безмятежного покоя. Сказывается утомлённость, тем более что перед войной пять лет было непрерывной работы с прекрасными перспективами в будущем. В эти минуты грезится Томск и ты студенткой. Долго ли до исполнения этого полёта фантазии, скажет будущее. Однако к военной жизни привычки не приобретаю.

Учись, читай, пиши мне чаще.

Будь, дорогая, здорова, береги себя и наше драгоценное существо.

Крепко целую. Твой Валентин.

В. А. Сергеевой, 13 апреля 1944

Движемся по 40–50 км в сутки. Пословица русская оправдалась: «Русские на Прут, румын за Серет»². Сопротивление очень незначительное.

Сегодня днёвка. Немного отоспимся, приведём себя в порядок.

Пиши чаще. Целую. Твой Валентин.

¹ В Чебоксарах, на родине В. А. Сергеевой.

² Игра слов. Прут и Серет – притоки Дуная.

В. А. Сергеевой, 20 апреля 1944

Дорогая Валюська!

Что же ты редко пишешь. Времени у тебя хоть отбавляй, пишешь, что скучаешь, а письма от тебя поступают раз в декаду. Ведь за все эти долгие три м-ца я получил от тебя всего-навсего два раза (три корреспонденции). Не дело так. Выходит – ты меня тревожишь больше, чем сама тревожишься за меня. Пусть это не звучит упрёком, но это так.

В предыдущем письме¹ я тебе подробно написал все новости, которые тебя могли интересовать. За эту пятидневку такого богатства новостей не имею, и поэтому чем-нибудь развеселить тебя не могу.

Всю эту пятидневку находился только при части, и наши экскурсии были в районе одного десятка километров. Вследствие этого ни случайных, ни нарочных встреч с общими нашими знакомыми не было. Если оперативная пауза протянется несколько дней, постараюсь повидать Сурову и почесать с ней язык. Это немного развеселит и рассеет донельзя странное тоскливое настроение и чувство одиночества, которое появилось тотчас после замедления наступательного движения. Поверь, хочется что-то живого, определённого, видимого в своих результатах дела. Я согласен работать до изнеможения, но чтобы быть удовлетворённым работой. То, что приносит день, ежедневное однообразие и идеализированные результаты, не утоляют жажды жизни и разбалтывают волю к труду. А с моей работой ты знакома. Первое время здесь я чувствовал отдых после той работы, которая была в последнее время при тебе, теперь же есть потребность к действию более широкому и тяжёлому. В конечном итоге всё сходится, что война рано или поздно окончится через несколько м-цев и в этом году, может быть, до осени.

¹ Письмо не сохранилось.

Другое – это отсутствие тебя. Привязанность и привычка к тебе так велики, что временами я не в силах сдерживать себя от мысли, что дни, отделяющие твой отъезд и встречу, вновь бесконечны. На самом деле: ни я, ни ты не знаем, когда опять может улыбнуться счастье быть вместе и как долго протянутся эти дни ожидания. А при всём том, что бывает на фронте, эти дни могут казаться нескончаемы.

Однако не будем пессимистами! До осени встреча должна состояться.

На днях прошла Пасха. Я лазил на колокольню, но не для того, чтобы благовестом сообщить о празднике христиан, а посмотреть на доты противника. Эти земляные, бетонированные холмы на лугу немало нам причиняют беспокойства. Румыны не закончили войны к Пасхе. Наоборот они в Пасху начали войну на своей проклятой земле¹. Старые овцы перенарядились в волчьи шкуры! Но их положение таково, что ни доты, ни помощь им немцев не спасут от их неминуемой военной катастрофы в ближайшие 2-3 м-ца: волчья шкура на овечьем хребте быстро изнашивается, и эта раблепная сволочь вновь станет низко ломать высокую ягнячью шапку.

Ты поверь: какой парадокс между населением деревень и городов, настроенных мирно, и той военной падалью, которая что-то пытается сделать своим ненужным положительно никому военным ухарством. Первые раблепно, временами приторно коленипреклонно унижаются своим изъявлением приветствия нашим войскам, другие – продолжают бойню в целях неминуемой своей гибели. Такая противоположность долго существовать явно не может. Румынское население не хочет войны, устало от неё, она не была, а сейчас и подавно непопулярна среди него, и один крепкий удар обрушит последние надежды ещё у не-

¹ В апреле 1944 правительство Антонеску запросило условия перемирия, которые отвергло. 17-го, в понедельник, на второй день Пасхальной седмицы, вновь начались боевые действия.

которой части солдат, надеющихся на свою линию укрепления. А она, вероятно, имеет агитационный смысл воинственного значения!

Жизнь моя, милая, течёт ото дня в день без эксцессов, без толчков и крупных событий. Я по-прежнему питаюсь хорошо, доволен тем, что день прошёл и завтра будет другой; ночь сплю большей частью крепко, хотя редко раздеваюсь (обстановка, теснота и т. п.). От ф. № 20 свободен¹.

Этим обстоятельством тоже доволен (ведь здесь почти не было немцев и оборванных румын). Вот так и живу: доволен всем и недостаёт многого: жены и мира.

В. А. Сергеевой, 28 апреля 1944

О месте переправы через Днестр ты примерно угадала. Мы переправлялись километров 80 севернее. А за Прутом повернули на юго-запад. Как-то уйдя не по своему направлению, были в 70 км юго-восточнее Черновиц. Из этого ты можешь примерно на карте представить наш путь. Но точно представить тебе будет трудно. Да и нет надобности.

В. А. Сергеевой, 3 мая 1944

Событий пока нет, но ожидать можно со дня на день.

В воздухе и на участке стало много живее, чем было в апреле. Идёт война наподобие под Ямным², но разница здесь в том, что перед собой имеем доты и укрепленный годами район. Район действия для моей работы несколько сложный, особенно для тяжёлых. Однако вчера со своей работой справились неплохо.

¹ Форма № 20 – справка о вшивости.

² В конце 1942 г. 232-я стрелковая дивизия вела оборонительные бои севернее Воронежа под с. Ямным. С 1 мая 1944 по август дивизия стояла в обороне на р. Серет.

Родителям, 1 декабря 1944

Дорогие папа и мама!

От мамы получил сразу два письма, в которых она поздравляет с праздником¹. В одном из писем я тоже поздравил, но с опозданием. В этот праздник мы вели сильный бой за один водный рубеж, по величине который равен Колве². Поэтому праздника как такового не видели.

Пишу неаккуратно, ибо это не оборона, а непрерывные бои и движение. Неаккуратность моя не должна вас беспокоить, как о чём-то случившемся со мною. Живу очень неплохо, но жизнью полной тревог. Чувствуется некоторая утомлённость и потребность в отдыхе.

У вас зима, мы были лишь побалованы одну ночь морозом и снегом. Стоит сырая дождливая погода; размыло дороги и поля. Время очень походит на то, когда Украинские фронты двинулись весной и вышли в Румынию. Война в этих условиях требует большого напряжения и упорства.

Будьте здоровы. Привет от Вали.

Ваш Валентин.

Родителям, 8 мая 1945

Дорогие мои!

Вчера и дня два тому назад получил от вас два письма. Благодарю за поздравление. Именины в этом году не справлял³. Был в пути, в жаркую годину работы и на перепутьи между военной и мирной жизнью.

¹ Праздник Иверской иконы Божьей Матери (26 октября).

² Форсирование Тисы (Венгрия). Колва – река на родине Серебренниковых, в Чердынском у. Пермской губ.

³ Тезоименитство мученика Валентина (7 мая). В. В. Серебренников родился 30 июня.

Валентин Решетько

Вернулся...

Десятое мая на Васюгане было необычно солнечным. Тянуло горьковатым дымком. Это почти на каждом огороде за избами дымились кучи прошлогодней картофельной ботвы. Палисадники, брызнувшие молодой, свежей черёмуховой и рябиновой листвой, были чисто прибраны, тусклое серебро песчаной дороги ярко оттеняли проклюнувшиеся по обочинам нежные стебельки муравы. Дома, посеревшие и озябшие от мартовской и апрельской сырости, пообсохли, встрепенились и теперь весело смотрели чисто промытыми стёклами на голубое, чуть подёрнутое дымкой небо.

Деревня была взбудоражена. Всё упорней и настойчивей ходил слух о конце войны. Совершенно непонятно, откуда в глухой сибирской деревне, без радио, отрезанной от всего мира половодьем, он мог появиться, но слух продолжал жить, кочуя из дома в дом. Только школьный сад, угрюмый и тёмный кедрач, делящий деревню на две половины, равнодушно смотрел на копошащихся возбуждённых людей.

В этот день, как обычно, в школе шли занятия. В классе между партами ходила учительница, молодая высокая женщина с круглым лицом, голубыми яркими глазами и длинной светлой косой. Стриженные головы ребятишек медленно поворачивались вслед за ней.

– Сейчас, дети, приготовьтесь, будем писать диктант, – проговорила учительница грудным мягким голосом, не торопясь, подошла к столу и открыла книгу.

В классе зашелестели тетради, сшитые из старых газет.

– Ивашов, ты опять в окно смотришь!

Колька встрепенулся и умоляюще посмотрел на учительницу:

– Лидия Ивановна, тише!

– Что «тише»? – не сразу поняла учительница. Колька предостерегающе поднял руку, чутко вслушиваясь.

– Катер... Почта идёт! – уже радостно и уверенно закричал мальчишка.

Класс притих. С реки доносился ровный стук мотора первого по весне почтового катера. Все напряжённо замерли. И вдруг с берега, где пристал катер, послышался шум. Он всё нарастал и нарастал, приближаясь к школе. Всё молчаливое ожидание последних недель наконец-то нашло своё выражение!

Колька вскочил на парту и, не помня себя, заорал что-то дикое, невнятное:

– ...а-а-сь, война, война-а-сь!

Все повскакали со своих мест, закричали и, толкаясь у двери, повалили на улицу.

В классе осталась только учительница. Её глаза были широко раскрыты, руки прижаты к груди. Она неуверенно, точно слепая, подошла к столу и опустилась на стул. В её глазах застыли слёзы. Бессильно положив руки на стол и опустив на них голову, горько плакала молодая вдова. На её спине живой змеей судорожно билась толстая светлая коса...

А Колька с друзьями бежали по деревенской улице, которая была залита солнечным праздничным светом.

– Война кончилась!.. ...а-ась!.. на-а!.. чила-а-сь! – лился, переливался, звенел в весеннем воздухе ребячий крик. Выбежавшая из калитки бабка Козленчиха, жившая рядом со школой, мелко-мелко крестилась, её бескровные, изрезанные мелкими морщинами губы шептали:

– Господи, дождались светлого дня! Воспели трубы архангельские! Сгинул сатана...

Школьная ватага одним махом пробежала всю улицу до конца и в растерянности остановилась на окраине. Вслед ей волной поднимался из каждого подворья вой. Сбившись тесной толпой, ребятишки испуганно пошли назад. Разбредили своим криком они едва поджившие душевные раны, засукровели они у солдаток, наполнились горечью.

Не в силах сдержаться, прямо на земле подбитой птицей билась Мария Зеверова. Через дом зашла в безмолвном крике Женька Прохова. Её соседка, Анна Ноздрачёва, голосистая красивая баба, стояла около изгороди в ограде. Её белые руки лежали на жердине, глаза были закрыты, она слегка покачивалась:

– Ой, да не видать мне тебя, ясна сокола,
Ясна сокола – сизокрылова.
Улетел ты в дальнюю сторонушку,
Сторонку дальнюю, невозвратную...
Оставил меня, сиротинушку,
Одну-одинёшеньку с малыми детками...

Плакала и умывалась радость горькими вдовьими слезами.

Голос у Нюрки креп, поднимаясь всё выше и выше, набирал силу. Её причитания траурной лентой окаймляли людское горе, придавая ему особую пронзительность. Слышались в них и великая скорбь, и великая надежда на будущее. Так испокон веку оплакивала русская женщина мужей своих и детей. Стоит она подобно тонкой берёзе среди широкого поля. Ломают её непогода, гнёт к самой земле, но пролетит суровое время – и опять распрямляется она, шелестя ожившей листвой, давая отдых страждущему.

Пережили вы, бабы, известие о гибели ваших близких, пережили и радость Победы, переживите ещё одну радость – возвращение солдат с фронта.

Недели через две-три прошёл слух: приезжают демобилизованные. Деревня жила в радостном нетерпении, даже солдатки-вдовы надеялись на чудо. А вдруг что-нибудь напутано? Вдруг придёт солдат, ведь бывает же такое!

И вот наступил долгожданный день. Задолго до прибытия парохода вся деревня собралась на берегу Васюгана. Ребятишки, точно воробьи, облепили тесовую крышу вросшего в землю склада. Они нетерпеливо ёрзали на ней, толкались, ожидая парохода. Где-то далеко внизу по течению реки раздался едва слышный гудок. Толпа зашумела, заколыхалась и напряжённо замерла. А «Тара» – маленький пароходишко, ходивший по Васюгану, – где-то плутала в поворотах колесившей по болотам реки, то приближаясь к деревне – и тогда толпа начинала шуметь, то удалялась настолько, что шлепоток стучавших по воде колёс исчезал совсем – тогда толпа испуганно замирала. Наконец, совсем неожиданно, «Тара» показалась из-за поворота. Свежепокрашенная белой краской, она лебедем подплывала к пристани. Вдоль борта реденько стояли люди. Ближе всех к выходу стоял высокий солдат. Из-под пилотки его выбивались рыжеватые волосы. Голубые глаза жадно глядели на берег. Пароход развернулся и мягко ткнулся носом в песчаный берег. Солдат встрепенулся и, неловко поднимая правое бедро, двинулся к трапу, тяжело опираясь на палку. На его широкой груди жалобно звякнули медали, за плечами болтался тощий солдатский мешок.

Люди, ошеломлённые страшной действительностью, не верили, не могли поверить, что сходит на берег всего один солдат. Они с отчаянной надеждой смотрели на старый пароход, ожидая несбыточного...

Солдат одной рукой ухватился за поручень и ступил на жидкий качающийся трап, который скрипнул под его тяжестью, и, перекликаясь с ним, скрипнул новенький протез.

– Папк-а-а! Папк-а-а! – прорезал воздух громкий маль-

чишеский крик. Колька соскочил с крыши склада и, не разбирая дороги, кинулся к отцу.

Павел – это был Павел Ивашов – отбросил палку.

– Сын! Сынок!

Колька сходу обнял отца, тесно прижимаясь к нему. Его худенькое тельце бил озноб.

– Папка! Папка! – бессвязно повторял мальчишка. И столько было в этом слове радости, боли и восторженной мальчишеской гордости, что у Павла запершило в горле. Он поднял Кольку и прижал его к своей груди. Так и стояли два Ивашовых, тесно прижавшись друг к другу, окружённые безмолвными людьми. Очнувшаяся толпа ринулась к Павлу. Возбуждённые, орущие бабы обступили его со всех сторон.

– Моего не видел?

– Про моего не слышал?

– А с моим... Паша?!

Плачущая и сияющая Настя кинулась к Павлу и бесильно опустилась на замытый в песок обрубок дерева. И как-то чисто по-детски, беспомощно:

– Ой, бабы, меня же ноги не держат!

Чуть в стороне тихо стояла Акулина, Павлова мать. Её старческие губы шептали с укором:

– Осподи, старик, не дожил ты до своего счастья!

Она молитвенно прижала руки к груди и жадно следила за каждым движением сына, разглядывала каждую морщинку, отпечатанную на его лице суровым временем. Старалась быть незаметной, чтобы не помешать встрече сына с невесткой и внуком. Чистые, прозрачные слёзы быстро и легко катились по дряблым старческим щекам. Оправившаяся Настя соскочила с земли и тоже кинулась к Павлу. Слепая, даже жестокая в своём женском эгоизме, она стала отталкивать женщин.

– Бабы, отойдите, ведь без ноги мужик, уроните! Солдат испытывал мучительное чувство, глядя в ждущие полу-

безумные глаза. «Милые мои, да что же я вам скажу? – казалось, говорил его взгляд. – Разве я виноват, что пришёл один!»

У Павла затряслись губы. Всё, казалось, видел солдат, и ничем уже, думал, не пронять его загрубевшую и зачерствевшую душу. А встреча с односельчанами стала тяжелее самого смертного боя, похорон самого близкого фронтового друга. Сколько их перехоронил солдат... А тут? Чем он мог утешить женщин? Павел беспомощно оглядывался и увидел стоящего в стороне Ивана Грязева. Ещё не привыкший к протезу Павел неловко шагнул к нему.

И фронтовики обнялись.

А вечером деревня гуляла во дворе у Павла Федотовича Ивашова. Каждый нёс всё, что мог. Было много капусты, клюквы и хмельной браги. По случаю праздника дед Родион по просьбе Насти заколол ивашовскую овцу. Столы стояли прямо во дворе, в избу все не поместились, народу собралось много.

Уже наступила тихая июньская ночь. Прямо за воротами, через дорогу, вполне полая заря. Всё было обманчивым и размытым в этой белёсой мути. Прочерченная багровым светом зари тайга, казалось, пришла сюда, за огороды, посмотреть на веселящихся людей; а изгородь двора, растворяясь в неверном свете белой ночи, отступила, делая двор просторным и вместительным. Застолье собралось давно, все уже были навеселе. Дед Родион с всклокоченными волосами на правах старого друга семьи сидел рядом с Павлом. Он налил гранёный стакан браги, держа его в руке, попытался встать. Немного приподнявшись, дед качнулся и снова сел, расплёскивая брагу на штаны и рубаху.

– От ёк-макорёк, – проговорил он удивлённо, – скажи ты, шибат!

– Шибат! – передразнила бабка Пелагея, жена деда Родиона. – Молоко пить надоть, а ты туда же – продукт пор-

тишь, – говорила она, вытирая платком рубаху и штаны старика.

– Ну-ну, ладно, мать, мне сказать надоть.

Старик, ухватившись за столешницу двумя руками, с трудом встал.

– Давай, давай, дядя Родион, шандарахни, – проговорил Павел, придерживая старика одной рукой.

– А чё – и шандарахну! – хорохорился дед. Он повернулся к Павлу: – Вот ты, Пашка, хронтовик, Ванька тоже. – Старик качнулся в сторону Ивана Грязева. – А мы?

– И вы фронтовики, – ответил Павел.

– Вот то-то! – И Родион помахал заскорузлым пальцем. – И мы хронтовики. Все ноне хронтовики. Возьми твоего отца, моего дружка Федота Евстигнеевича, царство ему небесное. На ливе, мать её за ногу, потонул. Рази ж он в другое время пошёл бы в такую погоду сети проверять? – Старик помолчал и сам себе: – Нет, не пошёл бы. В газете так и прописано было: «Гвардеец тыла». Вот кто твой отец, Пашка, понял? – старик снова помолчал. – А возьми Марию Сухушину – на лесозаготовках бабу лесинной зашибло. – Старик опустил голову и почти трезвым голосом проговорил: – Выпьем за хронтовиков. Мёртвых помянем, а живым поклонимся! – он попытался поклониться и неловко ударился о стол. Его подхватил Павел.

– Садись, садись, дядя Родион, будет тебе!

– И-и-эх! – с тяжёлым вздохом проговорил старик и горестно махнул рукой.

Женщины выпили налитую бражку и сидели пригорюнившись. Затем Морька Зеверова с вызовом потрянула головой.

– Чё вы, бабы, на поминки пришли? Ить Победа же, солдата встречаем! – она повернулась, нашла глазами Кольку Ивашова, который вместе с ребятишками сидел на городьбе.

– Колька, бежи ко мне домой, тащи гармошку!

– Счас, тётка Мария! – с готовностью отозвался мальчишка, соскакивая с городьбы.

– Мария встала из-за стола.

– Плясать хочу! Давай, бабы, помогай! – и, расправив платок, накинутый на плечи, она, мелко перебирая ногами, плавно пошла по кругу. В это время прибежал Колька с гармошкой.

– Паша, – распевно проговорила Мария, – возьми гармошку, сыграй нам!

– Дак не могу, Морька, ты же знашь! – Павел смущённо улыбнулся.

– Ты, Паша, на басах подыгрывай, а голосами мы сами подпоём. Верно, Нюрка?

– Сыграй, Паша! – ластилась к мужу Настя, не спуская с него глаз.

На круг выскочила Нюрка, встала против Марии и задорно притопнула ногой.

Матаня мой, а я твоя,
Закрой полой – замёрзла я,
Замёрзла – не согреюся,
Люблю, но не надеюся.

Пела Анна высоким чистым голосом. Прислушиваясь к женским голосам, склонив голову к гармошке, так что волосы легли на её меха, подыгрывал на басах Павел.

Мария постояла, послушала и, отбивая чечётку, пошла по кругу. Затем остановилась и ответила другой частушкой:

Шла я бором – сидел ворон
На кудрявой на сосне,
Сероглазенький матаня
Часто снится мне во сне.

Постепенно в круг втягивались остальные. Вот уже мелькнула светлая коса учительницы, крепко ударила в землю крепкими пятками Женька Прохова. Её маленькая фигурка, точно пружина, упрямо моталась между пляшущими бабами. Всё убыстряя ритм, яростно хрипела басами гармошка.

Веселись, солдат. Плачь, солдат, всё равно никто не видит, благо, ночь. Играй за Николая Зеверова, пляши за Гришку Ноздрачёва, хоть и нет ноги. Возьми Морьку, чтоб хрустнули её косточки, закрой поцелуем рот Нюрке, чтоб не рвала душу своими частушками. Пройдись лебедем с лебёдушкой Проховой.

Не можешь? всё равно веселись, солдат, за всех, кого нет сегодня здесь. Или трахни гармонью об стол, чтоб рассыпались голоса под белые женские ноги.

Павел ничего не видел перед собой и, не стесняясь слёз, яростно рвал меха гармони.

Дед Родион, подняв хмельную голову от стола, долго смотрел на пляшущих и визжащих баб. Потом грохнул кулаком по столу:

– Рази ж это Победа!

Ухнула последний раз гармошка. Павел осторожно поставил её на край стола.

– Хватит, бабы, не могу больше! – Он тяжело встал и, опираясь на костыль, пошёл через двор. В наступившей тишине громко поскрипывал протез. Настя кинулась вслед за мужем. Он повернулся к ней и сурово сказал:

– Не надо, не ходи!

Настя растерянно остановилась. Бабка Акулина, сидящая за столом, не спускала глаз с сына. Она мелко крестилась, её губы что-то шептали. Тётка Наталья, бывший председатель артели, сидела рядом с Акулиной, вытирала глаза тыльной стороной ладошки и трубно сморкалась в большой белый платок.

Павел по привычке плотно закрыл за собой калитку и

медленно пошёл по деревенской улице, по-крестьянски отмечая прохудившиеся крыши домов и заваленные кое-где ограды. Вид у деревни был неприбранный, сиротский. Он остановился около дома Николая Зеверова. Из-под высокого крыльца вылез лохматый пёс. Собака подошла к Павлу и старательно обнюхала ноги. Солдат долго стоял около зеверовской калитки, о чём-то думая. Затем тяжело вздохнул:

– Здорово, Николай! Прими поклон от меня!

Павел слегка склонил голову, затем поднял её и заскрипел протезом через улицу к дому Григория Ноздрачёва.

– Здорово, Григорий! Прими и ты поклон от меня!

– Прости, коли что не так было!

Так и шёл солдат по деревне, здороваясь, прощаясь и прося прощения, не зная за что, у своих погибших дружков-односельчан, и незаметно подошёл к школе, которая стояла на высоком яру. Павел устало опустил на бревно, лежащее на краю яра, и вытянул в сторону протез. Внизу глухо шумела лива. Накатная волна нежно перебирала бурые наносы. Назревшим чирьем пламенел горизонт.

– Сколько же ты мужиков похоронила! – проговорил тихо Павел, оглядывая внимательно ливу. – Вот и отцовской могилы нет. – Около уха надоедливо зудил комар. Павел с досадой отмахнулся. В его памяти чётко возникло доброе бородатое лицо отца, его хитроватый взгляд и добродушные слова: «Не тот комар, Пашка, что днём пищит, а тот комар, что ночью зудит».

Точно отвечая отцу, Павел проговорил:

– Да, не тот... и тихо, задумчиво продолжил: – А лето, однако, тёплое будет, комар нынче рано поднялся.

Павел проснулся от яркого, бьющего прямо в глаза солнца. Он с недоумением осмотрелся.

«Где же я?» – пронеслось в голове, и с облегчением вздохнул, вспомнив, что наконец-то дома. Раскалывалась

голова, и солнце тысячью буравчиков сверлило её, усиливая и без того сильную боль. Павел слегка застонал и закрыл глаза, вспоминая вчерашний приезд и невесёлое застолье.

– Вот, язва, набрался, – тихо пробормотал он.

Услышав, что муж проснулся, подошла Настя, вытирая мокрые руки о фартук. Наспех заколотые с утра волосы рассыпались. Она привычно поправила их рукой, убирая со лба. Серые глаза её смеялись и плакали одновременно. Светлое в голубой горошек платье облегалo стройную фигуру.

Павел улыбнулся и радостно вздохнул. Как часто видел он её во сне – и в окопах, и в госпитале – именно такую, именно в этом платье, облитую с ног до головы солнечным светом. Он протянул руки, и Настя, медленно наклоняясь, припала к груди мужа. Он успел увидеть в вырезе платья ещё почти девическую острую грудь с большими тёмными сосками и розоватую нежную кожу. Павел крепко и молча прижал к себе податливое Настино тело... Настя лежала рядом, уткнувшись лицом в шею мужа, и сжимала его руками, точно боясь потерять и не веря своему счастью. По усталому лицу Павла бродила чуть заметная улыбка.

– Колька-то где? – тихо спросил Павел.

– А? Колька? – не поняла вначале Настя, и со смешком так же тихо проговорила: – Всё утро около тебя вертелся! Насилу послала траву жать корове. Уехал на веретья с мальчишками на обласке. – И, словно предугадывая второй вопрос мужа, сказала: – Маманя в огороде грядки полет.

– Голова, Настя, трещит.

Настя молчком жадно впилась губами в Павловы губы, затем отвалилась на спину, закинув руки за голову.

– Ох и нарожаю я тебе детишек, Павел Федотович! – и счастливо, тихо засмеялась. Затем, повернувшись, она снова припала к мужу, всё ещё не веря своему счастью, и легко

встала с постели. Стал подниматься и Павел, прилаживая протез, тот глухо и жутковато постукивал об пол. Настя с болью посмотрела на мужа. Заметив взгляд жены, Павел нахмурился и сердито проговорил:

– Ничё, Настя, руки, голова – целы, проживём!

– Да я разве чё, Паша! – смущённо проговорила Настя.

– Конечно, проживём... Кто бы знал, какая я щастливая, – протянула она нараспев, наливая стакан браги.

Павел выпил и, поморщившись, проговорил:

– Совсем отвык от браги!

– Да и привыкать, Паш, не надо, – подхватила Настя.

– Скажи, кака умная! – усмехнулся Павел и направился к выходу. Не торопясь прошёл, вышел на крыльцо и стал внимательно оглядывать двор с ещё не убранными столами.

Июньский день набирал силу. В палисадниках на кустах смородины и малины клейко зеленела молодая листва. Мохрилась отцветающая черёмуха, стыдливо пряча полубысыпанные соцветия в густые зелёные ветки. Далеко за огородами синела зубчатая таёжная стена. Павел глубоко и радостно вздохнул.

Услышав, что кто-то вышел на крыльцо, встала Акулина. Прикрыв глаза от яркого солнца ладошкой, посмотрела на крыльцо. Увидев сына, она засеменила к нему. Павел тоже быстро пошёл навстречу матери.

– Пашенька! – только и смогла проговорить старуха. Она прижалась к груди сына. Павел нежно гладил седые волосы матери и глухо говорил:

– Успокойся, мама, успокойся!

– Ни отца, Паша, ни братьев! – плакала и жаловалась Акулина...

Павла со вчерашнего дня беспокоила какая-то неясная, неосознанная мысль. Она будоражила его, не давая успокоиться. Солдат потерянно бродил по двору, поскрипывая протезом и сбивая подвернувшиеся лопухи костылём. Заглянул под навес. Там лежали заботливо заготовленная

дранка и аккуратный штабелёк брёвен и жердей. Павел тяжело вздохнул, вспоминая отца, и вышел со двора на деревенскую улицу. Облокотившись на штакетник палисадника, посмотрел на черёмуху: её полуобсыпавшиеся цветы вызывали у него какое-то раздражение. Он ударил костылём по черёмуховой ветке. Слабо вздрогнув, она, словно в знак благодарности, осыпала его белыми лепестками, обнажив кисти, в которых угадывалась новая зарождавшаяся жизнь. Павел долго смотрел на ветку, потом перевёл взгляд на деревенскую улицу и по-хозяйски придирчиво стал осматривать её двор за двором. Его поразили сиротский вид деревни.

– Да-а, матушка моя, обветшала ты за годы войны, обтрепалась!

Деревня и правда захудала. Подгнившие столбы калиток, наклонившиеся в разные стороны, кое-как закреплённые жерди в изгороди огородов, облезлые оконные наличники с выбитыми кое-где стёклами, крыши, посеревшие, щепастые от покоробленного дранья, словно чешуя заражённого глистом карася, вызывали у солдата такое же чувство неосознанной вины, как тогда, когда видел он стоящих у обочины ребятишек, одетых в тряпье, нередко встречавшихся на прифронтовых дорогах. Осознав это, восстала солдатская душа. Не мог он примириться с неприбранной, расхристанной деревней. Она была в его памяти совсем другой. Он вспоминал её на фронте всё время, и всегда она была красивой и желанной.

Павел ещё раз внимательно осмотрелся, уже прикидывая, что надо сделать.

– Работы-то, работы!.. – ужаснулся он.

Но – странно: этот внезапный вывод не огорчил, а, наоборот, вызвал радость; и зачесались руки у солдата, запросили топора. Он прямо до ломоты в зубах вдруг почувствовал, как хорошо налаженный топор мягко вгрызается в упругую смолистую древесину.

Павел протёр глаза рукой и старательно засмеялся.

– Тьфу, прямо напасть какая-то! – И затем уже спокойнее проговорил: – Наломашь ещё руки, Павел Федотович! – И уже как о решённом, продолжал самому себе: – Дядя Родион поможет, дед Афанасий... Бог не выдаст – свинья не съест!

Павел вошёл в ограду, заглянул под навес.

– Настя! – нетерпеливо позвал он. Настя вышла на крыльцо.

– Где тятин топор? – спросил он у жены, а сам глазами шарил по старенькому верстаку, где отец обычно держал свой инструмент. Топора там не было.

– Да в сенках он, – ответила Настя, – Колька чёй-то тесал. Чё ладить-то хочешь?

– А деревню хочу нарядить, чтоб как невеста была, – улыбнулся Павел. – Одну её в платье с голубым горошком. Навроде тебя!

– Каку деревню? Ты чё, свихнулся, чё ли? – не удержалась Настя. – Тебе же отдохнуть надо!

– Вот и отдохну с топором, – уже серьёзно проговорил Павел.

Настя замолчала, она знала мягкий, но неуступчивый характер свёкра, а Павел был в отца.

На Павла нашёл раж. Ему не терпелось прямо сейчас, в эту минуту, взяться за работу. С каким-то детским озорством он подошёл к калитке, снял её с петель и осторожно поставил в сторону. Надавил рукой на подгнивший столб, раскачав его; тот легко подался. Павел пригнулся, обхватив столб руками и, делая упор на здоровую ногу, потянул его из земли. Столб со скрипом, нехотя, пошёл вверх. Вытащив столб, Павел ликующе бросил его под ноги, точно выдернул всю гниль и всю жестокость прошедшего времени.

«Всем вдовам калитки поправлю, всем городьбу подравнию, чтоб как по линейке...» – всё более радуясь своему решению, думал солдат. Он уверенно пошёл под навес вы-

брать бревёшко для столба. У него уже не было свободной минуты.

С любовью уложил бревно на два деревянных обрубка и закрепил его железной скобой. Нагнувшись, постучал обухом топора по скобе, проверяя, хорошо ли держит. Распрямившись, недолго, недолго постоял, о чём-то глубоко задумавшись, машинально пробуя острое лезвие топора большим пальцем. Очнувшись, Павел примерился, подняв невысоко топор, затем резко ударил им по бревну. И вот уже из-под острого лезвия побежала послушная щепка, в нос ударило острым смолистым запахом. У Павла защемило глаза. Он врубил топор и медленно распрямился, вытирая набежавшую слезу. И только сейчас до него дошло, что кончилась наконец война. И пришла нелёгкая, но выстраданная бесконечно долгими днями и ночами мирная пора.

День Победы

Стоит сосна на угоре с засыхающей вершиной, цепляется побелевшими от старости корнями за сыпучий песок, и живут на ней только мощные узловатые сучья внизу кроны. Исушило безжалостное время вершину, пооббило ветрами кудрявые ветви, но есть ещё сила в них; кормят они и поддерживают жизнь в дряхлеющем стволе.

Поздний вечер. На кухне, глубоко задумавшись, сидит старик. Рядом с ним на чисто прибранном столе стоит распечатанная бутылка водки и три пустые стопки. Попыхивая паром из носика, посвистывает на подоконнике чайник. Шумит за окном ненастная весенняя ночь, постукивая редкими дождевыми каплями в оконное стекло. Старый фронтовик тяжело поднялся со стула и медленно подошёл к окну, отодвинул штору. На него, смутно отра-

жаясь в стекле, смотрел старик, черты лица которого терялись в полусвете и только ясно были видны блестящие глаза и отливающая серебром седина. Чуть дальше, за тёмной расплывчатой фигурой, дрожали на ветру голые тополя ветки.

Скрипнула дверь, на кухню неслышно вошла старушка. Она поставила на стол тарелку с солёными огурчиками и тихо проговорила:

– Отец, тебе ничё больше не надо?

Старик повернулся на голос, посмотрел на жену, на стол:

– Спасибо, мать, не надо! – Он улыбнулся виноватой улыбкой. – Иди, мать, отдыхай. Ты же знаешь, я всё одно не усну. Побывать мне надо сёдни одному с дружками... одних – вспомнить, других – помянуть...

Старушка посмотрела на своего мужа, хотела сказать, что костюм с орденами она почистила и выгладила, но ничего не сказала, а только покачала головой и тихо прикрыла за собой дверь.

Остался старый фронтовик один на один со своими мыслями и переживаниями...

Плывут перед глазами полузабытые, стёртые безжалостным временем лица; душные, палящие зноем, летние дни перемежались ненастными осенними и морозными зимними. Прибранная и ухоженная земля, покрытая лесами и полями, сменялась – разверзнутой, застывшей в мучительной агонии, искореженной снарядами и танковыми гусеницами. И не было уже для старого фронтовика ни тесных стен квартиры, ни груза прожитых лет...

Редкий сосновый лесок. Снег под соснами, вывернутый танковыми гусеницами и истоптанный тысячью солдатских сапог, смёрзся неровными серыми глыбами. Стояли сильные морозы, хоть и был всего-навсего конец ноября. Вымороженный до звона снег скрипел так, что слышно было за версту. Под кронами реденьких сосенок держал

оборону пехотный батальон, в расположении которого находился их взвод разведки.

Немец, наступавший на Москву, выдохся, и противоборствующие стороны, используя редкую фронтовую передышку, готовились к новым ожесточённым сражениям. Командир батальона особенно придирчиво следил за разведчиками, готовя их к переходам в ближние тылы противника, для сбора разведданных. Было организовано круглосуточное дежурство по наблюдению за передним краем противника, а в леске по приказу комбата оборудована учебно-тренировочная позиция. Появившись неожиданно в расположении взвода, комбат хриплым от простуды голосом пушил лейтенанта за то, что дежурный поздно заметил командира.

Вас, товарищ лейтенант, с таким часовым фрицы не только перешлёпают, как куропаток, а вместе с потрохами весь взвод к себе утащат. Кто так ведёт наблюдение? – язвительно хрипел комбат.

– Мы же на отдыхе, товарищ комбат! – оправдывался молоденький лейтенант.

Отставить разговоры! Разведчик не может, не имеет права просто так отдыхать. Если хочешь выжить сам и уберечь солдат, тренируйтесь, лейтенант! – учил комбат, и сразу же приказал: – Построить взвод в полном боевом!

– Взво-о-д, в полном боевом, – высоким от волнения голосом прокричал лейтенант, – в две шеренги становись!

– Через минуту солдаты замерли в строю, только пар, вырываясь изо рта тугими клубочками, выдавал их волнение. Маскхалаты, скрадывающие очертания человеческих фигур, делали их похожими на белые, засыпанные снегом, пни.

– Разойдись! – Команда покатилась, точно упругое колесо длинного пастушьего бича, развернувшись до конца, когда строй весь разбежался, она вдруг резко выстрелила: – В одну шеренгу становись!

Зашатавшись, точно молодые ёлочки на ветру, солдаты быстро выстроились в одну шеренгу и замерли. Командир стал медленно обходить строй, придирчиво оглядывая каждого солдата, и как-то обыденно, не по-уставному, командовал:

– А ну, ребята, попрыгайте на месте!

Солдаты дружно запрыгали. У каждого солдата что-нибудь брэнчало. Только у одного Ивана Грязева поскрипывал снег под ногами.

Комбат медленно шёл вдоль шеренги, лицо его искажала недовольная гримаса. Наконец он остановился против Ивана.

– Отставить!

Строй замер.

– Как фамилия?

– Рядовой Грязев, товарищ комбат!

– Откуда родом?

– Из Сибири, товарищ комбат! С Васюгана!

– Два шага вперёд! – командовал он Ивану.

Грязев шагнул вперёд и лихо развернулся лицом к строю. Лицо его было серьёзное, деловитое, но где-то глубоко в глазах пряталась лукавая смешинка. Недовольная гримаса исчезла с лица командира, и он с удовольствием рассматривал солдата. Иван был одет по-уставному, но с тем особенным щегольством, которое присуще от природы очень ловкому и очень бывалому человеку. Шапка его чуть-чуть сдвинута на затылок, из-под которой выглядывала чёрная прядь волос, телогрейка застёгнута на все пуговицы, но верхние полы её слегка отгибались, обнажая стройную мощную шею. Белый маскхалат, накинутый на плечи, спадал ровными симметричными складками, скрадывая подбористую фигуру солдата.

– Ну-ка, попрыгай, сибиряк! – попросил комбат. Иван запрыгал на месте. Никаких посторонних звуков, кроме визгливого поскрипывания снега, не было слышно.

– Учитесь, разведчики, у сибиряка, – обратился к строю командир.

– У нас по-другому нельзя! – усмехнулся Иван, переставая прыгать.

– Почему? – с невольным интересом спросил командир.

– Дак у нас на Васюгане, товарищ комбат, зыбко, под зыбуном глыбко, чуть в сторону шагнёшь – и поминай как звали... Опять же сохатого скрасть – тут уж не только подшуметь, но и одушить боишься. Я извиняюсь, приходилось и штаны до колен спускать и пихтовой лапкой натираться, да и под мышками тоже. Больно для зверя эти места духовитые! – складно частил Иван, лукаво улыбаясь.

– Ясно! – улыбнулся в ответ командир. – Становись в строй, сибиряк! – и пошёл неторопливо вдоль шеренги, заложив руки за спину, о чём-то глубоко задумавшись. Напускная строгость слетела с его лица, и стало видно, как смертельно устал этот человек. Справившись с минутной слабостью, он обратился к взводному.

– Что ж, продолжим занятия, лейтенант! – жёстко проговорил комбат. – Вам ставится задача: бесшумно снять часового с поста. Часовым стану я. – Вам ясна задача, товарищ командир?!

– Так точно, товарищ комбат! – приложив руку к ушанке, вытянулся в струнку молоденький мальчишка.

– Ну-ну! – улыбнулся комбат. – Раз ясно – выполняйте. – И командир не торопясь пошёл к сооружению, представлявшему не то огороженный склад, не то гараж, с натоптанной вдоль изгороди тропинкой.

Наступили ранние зимние сумерки. Редкие сосны с полуобсыпанной кухтой жались вокруг небольшой поляны, на которой стояло наспех сделанное сооружение, громко именуемое взводным учебным полигоном.

– Рядовой Хамитов, – скомандовал лейтенант стоящему на правом фланге шеренги высокому худощавому татарин-

ну, – снять часового с поста, действовать ножом, без всякого шума! Ясно!

– Так точно, товарищ лейтенант! Разрешите выполнять?

– Выполняйте!

Хамитов поддёрнул зачем-то штаны, затягивая ремень потуже, спрятал автомат под маскхалат и неловко побежал от сосны к сосне, стараясь незаметно выйти на край поляны. Его длинная фигура, скрытая маскхалатом, через двадцать-тридцать метров совершенно растворилась на белом фоне, только звонко поскрипывал под валенками снег, выдавая с головой разведчика.

– Эх! – простонал лейтенант. – Сейчас застучает!

Точно подтверждая слова лейтенанта, через некоторое время насмешливый голос постового:

– Хватит стараться! Считай – уже на небе!

Ещё человек пять-шесть пытались незаметно подползти к часовому, и всех неизменно останавливал простуженный голос комбата. Очередной обнаруженный солдат обиженно проговорил:

– Скрипит же снег, товарищ комбат! Как его снимешь?

– Как его снимешь! – услышалось в ответ. – Ты думаешь, я тебе погоду буду заказывать, когда в гости к фрицам пойдёшь? Зря думаешь; погодой я не командую, а разведданные нужны! – рубил отрывисто командир, подходя к солдатам. Он остановился перед строем и тяжело посмотрел на солдат:

– Что – вояки... ослабило! Где же ваша хваленая смекалка, разведчики? – с досадой проговорил комбат.

Из строя неожиданно вышел Иван Грязев:

– Разрешите мне, товарищ комбат!

– Сибиряк?! – с надеждой произнёс командир. – Что ж, попробуй!

Командир ходил вдоль забора по набитой тропинке, досадуя на сыпучий снег и внутренне сочувствуя разведчи-

кам. Тридцать шагов в одну сторону, тридцать – обратно...

Иван быстро снял с себя маскхалат, скинул вещмешок и, развязав его, стал в нём копать.

– Ну, Фроська, выручай! – бормотал Иван негромко, доставая из мешка большие, сшитые из собачьего меха рукавицы-мошнашки. – Жена сунула в последний момент, возьми, говорит, Ваня, – может, пригодятся! Вот и пригодились, – с лёгким смешком объяснял Иван окружившим его солдатам. Бросил мошнашки на снег, под ноги, увязал вещмешок и стал снимать валенки. Заботливо сунул голяшка в голяшку, чтобы не нахолодали.

– Подержи! – Он подал валенки стоящему рядом Хамитову. Натянул мошнашки на ноги и примотал их бечёвкой, которая всегда найдётся в кармане у хорошего солдата. Разогнулся, потоптался, и довольно крикнул: снег под ногами совсем не скрипел. Затем накинул на плечи маскхалат, весь подобрался, чуть подавшись вперёд, пристально вглядываясь в маячившую в вечерних сумерках фигуру человека. И стремительно, в два-три прыжка – исчез, как растворился в белесоватой мути наступившего вечера. Ни скрипа, ни шороха...

Разведчики с интересом наблюдали за поединком.

– Ну, этот завалит! – слышалась солдатская реплика.

– Ловок, сатана! – поддержал кто-то с завистью.

А вдалеке на тропинке маячила одинокая фигура часового, сопровождаемая приглушённым скрипом. Скрип... Скрип...

Вдруг фигура часового дёрнулась, слышалась глухая возня, и потом довольный голос комбата прохрипел:

– Нормально, сибиряк! Твоя взяла!

Старик стоял, опершись обеими руками о подоконник, в окно к нему заглядывала тёмная весенняя ночь. Он сосредоточенно смотрел в окно, по лицу его бродила улыбка. Ожившие воспоминания омолодили старого солдата; пле-

чи его расправились, словно свалился с них груз прожитых лет.

«Да-а, – подумал старик об Иване. – Такой о порог не запнётся, на ровном месте не поскользнётся!»

Он медленно подошёл к столу, взял распечатанную бутылку и разлил водку по стопкам. Присел на стул, посмотрел на стопки отсутствующим взглядом, поднял свою и слегка чокнулся со стопкой, стоящей напротив.

– Давай выпьем, Иван, за победу! – Старик выпил водку, взял из тарелки огурчик и тут же забыл про него. – Раз уж нам с тобой судьба улыбнулась, выжили в этом пекле. Разве верили мы... – Старик посмотрел на противоположный край стола, где должен был сидеть воображаемый собеседник: – Да не-е-т, Иван! – тут же возразил сам себе старик. – Верили... каждый солдат верил, да только вера многих подвела... возьми хоть наш взвод... помнишь? – Старик тряхнул головой, удивлённо посмотрел на огурчик в своей руке, положил его назад в тарелку: – Да и ты помнишь – разве можно такое забыть! – Он снова глубоко задумался; черты лица его разгладились, взгляд, обращённый внутрь себя, посветлел. Старый солдат так ясно почувствовал кислую жару землянки, что невольно качнулся вперёд, словно хотел протянуть руку, проверить своё ощущение.

...Гудит железная печка, распространяя вокруг тепло. На нарах, сколоченных на скорую руку, отдыхает взвод. Около печки сидит на корточках Грязев Иван, открыв дверку топки, он обгоревшей палкой ворошит сырые поленья. В буржуйке слабо потрескивают дрова; маслянисто-красные языки пламени, подведённые на концах муаровой каймой, пробиваются сквозь обгоревшие поленья. Багровые сполохи мечутся на плащ-палатке, закрывшей входной проём в землянку, по суглинистым стенам, потемневшим от копоти.

Сидит старик в душной землянке, беседует со своими

товарищами. Снова он молодой в том суровом, невыносимо тяжёлом и далёком времени. В той среде фронтового братства, вернее, надёжнее которого не бывает. Проверено оно и скреплено кровью. Вслушивается в родные забываемые голоса...

– А чё, мужики, – слышится хриловатый голос Анвара Хамитова, – кончится весной война, или нет?

– Держи карман шире, кончится! – насмешливо возразил голос Кости, уроженца Москвы. Его так и звали, невысокого язвительного парня – Костя Москвич да Костя Москвич.

– Я не говорю, что в эту весну. Сначала немца надо отогнать от Москвы, а через год, поди, дойдём до Берлина. И обязательно – весной! – убеждённо проговорил Анвар. Солдат мечтательно закрыл глаза.

– Приеду я домой на Волгу: ох и люблю же я её, ребята! Ширина... пески... уйду куда-нибудь на берег, построю шалаш и буду жить там, один... неделю – нет, целый месяц. Буду спать, рыбу ловить и снова спать. Красота...

– Давай, давай, отсыпайся, – съязвил Костя. – Может, поправишься немного! – И с присущей ему безапелляционностью заявил:

– Нет, Анвар, Москва-река лучше! Что Волга – другой берег путём не разглядишь, а вот наша – она домашняя, уютная! А ещё лучше моё Замоскворечье. Кончится война, приедете ко мне в гости, и пойдём мы с вами рано утром на Красную площадь. На площади никого, тихо. Только купола блестят на солнце и бьют куранты. Постоим около памятника Пожарскому и Козьме Минину, затем пойдём ко мне во двор. Он травой весь зарос, липы цветут, и поставим посреди двора стол, сядем за него... – Костя смущённо улыбнулся и, словно оправдываясь, проговорил: – Правда, ребята, может, мой двор не хуже и не лучше других, а вот стоит перед глазами...

– У каждого, Костя, свой двор, своя река! – попыхивая

самокруткой в открытую дверку железной печки, поддержал разговор Иван Грязев. – Возьми мой Васюган: сколько горя он людям принёс, сколько слёз пролито по его берегам, а нет лучше этой реки для меня. А черёмухи, черёмухи!.. Как зацветёт весной, словно снег белый выпал на его берега...

Зашуршала палатка, откинулась пола, и с клубами белого морозного пара ввалился лейтенант. Солдаты без данной команды встали.

– Сидите, сидите! – смущённо проговорил командир взвода. Он протянул озябшие руки над раскалённой печкой.

– Товарищ лейтенант, скоро наступать будем? Чё комбат говорит?

Какое наступление, товарищ Хамитов! Я ничего не знаю! – ответил лейтенант.

– Да ну-у, товарищ командир, весь фронт знает, а вы не знаете!..

Это был для их взвода последний спокойный вечер. Через сутки отделение двумя группами ушло на разведку.

Старик посуровел и, обращаясь, к своему собеседнику, незримо присутствующему за столом, тихо проговорил:

– Да-а, Иван, если бы не ты... не сидеть бы мне за столом! Не было бы Сергея...

– Дед Сергей опустил седую голову и глубоко задумался.

Встретились на нейтральной полосе, перепаханной снарядами и заросшей редким кустарником. Посреди нейтралки стояла одинокая сосенка со срезанной снарядным осколком вершиной. Вершинка неловко лежала на боковых ветках дерева, удерживаемая тонкой полоской болони, и вызывала острое, почти физическое чувство боли.

– О-о! – Испуганно-приглушённое восклицание вырвалось у ошарашенного неожиданной встречей немца. И голос – осекся. Иван не раздумывая кинулся на фрица.

Немцев было шесть; в группе Грязева – четыре. Бились молча, страшно, остервенело. Точно стыдясь за людей, за их звериную жестокость, ночное небо было закрыто почти сплошной облачностью и только в редких просветах мерцали крупные яркие звёзды.

Забыли про ножи и оружие, дрались голыми руками, рвали друг друга зубами. Иван быстро прикончил своего противника и кинулся на помощь Хамитову, на которого навалились сразу два фрица. Сергея подмял здоровый немец, его руки, как клещи, сдавили ему горло. Немец прижал всем телом разведчика к земле; в нос ударило резким запахом пота и кислой овчины. Запах овчины взбесил и придал силы.

– Стерва, в нашем полушубке и меня же давишь! Тебе тепло надо, падлюка! Будет тебе тепло!

Старик даже сейчас, сидя за столом, напрягся так, что заныли мышцы на руках и ногах. Он вспомнил всё: как его душил немец, как запах родной кислой овчины придал ему силы и он, изловчившись, ударил коленом фрица в пах. Тот застонал и на мгновение разжал руки. И теперь уже Сергей навалился на немца. И тут обожгло правую сторону груди.

– «Нож!» – мелькнуло в голове, и резким кистевым ударом, как учил комбат, он ударил немца по руке. Отлетевший нож слабо звякнул о замёрзшую землю. Привстав на колено, крепко сцепленными в один кулак руками ударил противника по голове. Немец замычал и потерял сознание.

И только теперь, прижав рукой рану, Сергей почувствовал, как по правому боку и животу бегут горячие струйки крови.

Тяжело дыша, подошёл Иван и опустился на лежащего немца. Снял с себя шапку и ей же стал вытирать пот с лица.

– Наши все живы! Немцев под сосенкой и положили! Тоже, видать, гады, на неё ориентировались! – возбуждённо, ещё не остывший после схватки, шептал Иван. – Тебя чё, зацепило?

– В бок ножом саданул, сволочуга!

Вдруг тонко, по-пороссячи, завизжал очнувшийся немец. Они с напарником навалились на фрица; Иван рукой пытался зажать ему рот, но немец вертел головой и продолжал визжать тонко, пронзительно. Его визг, казалось, рвал темноту в клочья.

Передний край высветился разноцветными ракетами. Застрекотали пулемёты, зашикали, зашелестели в воздухе мины. Иван, яростно матерясь, ударил ручкой финки немца по голове. Тот, хрюкнув, сразу замолчал. В запале он поднял руку, чтобы ударить второй раз.

– Тише, дура, убьёшь языка! – предостерег товарища Сергей.

Их подбросило от близкого разрыва мины. Мины ложились густо, а они лежали на немце, прикрывая его собственными телами. Так же внезапно, как начался, так и окончился миномётный обстрел. Ещё немного для острастки потукали пулемёты, затем замолкли и они. Наступила неестественная, какая бывает только на фронте после обстрела, тишина.

– Связать падлюку, пока не очухался! – проговорил тихо Иван. Он перевернул немца на живот и, заломив руки за спину, скрутил их верёвкой. Немец застонал, и Иван, сорвав с шеи шарф, заткнул ему рот.

– Так спокойнее будет, – удовлетворённо проговорил Иван и повернул голову к сосне: что-то ребят не слышать, пойду посмотрю!

– Иди! – болезненно сморщился Сергей.

Иван исчез в темноте. Раненый едва сдерживал стон. Правая сторона груди и рука отяжелели. Было трудно дышать. Каждый вдох отдавался в груди острой горячей болью.

...Они лежали около свежеразвороченной воронки. Анвар неловко запрокинул голову и в его широко открытых глазах отражалась яркой точкой звезда. По другую сто-

рону воронки лицом вниз уткнулся Костя. Половина тела его в белом халате лежала на снегу, а вторая – на чёрной, свежевывороченной земле, отчего фигура разведчика казалась неестественно короткой... точно обрубок.

Иван расстегнул полушубок и припал ухом к груди Анвара. Сердце не билось. Он мягким движением прикрыл глаза Анвару, надвинув на них шапку, и подполз к Косте. Осторожно перевернул тело товарища; сердце билось редко, неровными толчками. Ощупав тело и найдя ранение, он достал пакет и быстро перевязал товарища. Когда Иван вернулся к Сергею, тот лежал на немце без сознания. Он прямо поверх гимнастёрки перевязал друга, туго обмотав грудь бинтами.

В течение оставшейся ночи Иван вытащил немецкого языка и ещё три раза ползал на нейтралку, вытаскивая по очереди тяжело раненых Костю и Сергея, и совсем уже утром вынес погибшего Анвара.

Старый солдат поднял голову и, обращаясь к своему воображаемому собеседнику, проникновенно заговорил:

– Пораскидало нас после госпиталя. Где только ни волевал, а в свою часть так и не попал. – Старик на минутку умолк и, собравшись с мыслями, продолжал дальше. – С Костей мы, Иван, в одном госпитале лежали. Умер Костя на моих глазах... Легко умер – без сознания был. – Дед Сергей судорожно вздохнул и как-то болезненно улыбнулся: – Такая нам с тобой выпала судьба; ты Анвара похоронил без меня, а я без тебя с Костей простился! Я вообще заметил, Иван... возьми хоть меня; сколько людей перевидал в военное время, а первые фронтовые друзья, наверное, как первая любовь, не забываются...

Старик умолк и потянулся за бутылкой; наполнил до краёв свою стопку:

– Выпьем, Иван. Помянем ребят!

Дед Сергей посмотрел на третью стопку, наполненную

до краёв, сиротливо стоящую в сторонке. Взгляд его затуманился, судорожно передёрнув кадыком, он выпил горькую... Сморщившись, дед Сергей помотал головой, закусил хрустящим огурчиком и как-то по-детски беспомощно улыбнулся:

– Да-а, Иван! Постарел Сергей, постарел! Чуть что – и глаза на мокром месте... А помнишь, мечтали: вот кончится, уж тогда заживём и за себя, и за тех, кому не придётся дожить до победы. Вот и зажили... жизнь прожили и ничего не видели. Что уж про жизнь говорить, даже с тобой ни разу не виделись, а в одной области живём! Все дела какие-то, дела мешали. – Дед Сергей возмущённо прихлопнул ладонью по столешнице. – А если подумать ладом – какие дела? так – неурядь одна, мелкота да маята... Помоложе были, разве думали, куда время уходит. Жизнь, казалось, длинная, конца ей не будет! Ан нет... близко локоть, да не укусишь!

Память ты, память стариковская... длинна и извилиста, точно таёжная речка. Бьёшься в заламах, обдираешь бока на мелких ребристых перекатах, то вдруг разливаешься широкими и глубокими омутами. Весело течёшь по звонким, пронизанным солнечным светом сосновым борам – тогда светлеют глаза старика и разглаживаются глубокие морщины на лице; то упрямо продираешься через тёмные, дремучие урманы, и тогда никнет седая голова, туманятся глаза от тяжких дум...

– Чё жалишься? Жизнь прожил – краснеть не пришлось! Детей с матерью вырастили, – одёрнул себя старик. – Внук уже, Серёжка, в армию служить пошёл! – Старик вспомнил, как на проводах обнял его крепкий парнишка, а дед только заглядывал в родные серые глаза и ничего не мог сказать: все слова застряли в горле.

Чем пристальней дед Сергей вглядывается в смутный образ внука, тем сильнее у него в груди нарастает смутная глухая тревога... Вдруг где-то в глубоких пластах памяти

одинок и сухо прозвучал пистолетный выстрел. Образ внука растаял, а вместо него возникла другая картина. И не хотел бы старый солдат её вспоминать, а вспомнил... Стояло знойное кубанское лето. Воздух был пропитан удушливо-сладковатым фронтовым смрадом. Несколько недель их батальон стоял в обороне. Солдаты отдыхали, используя фронтовое затишье. Обустроились, только ночью и днём выставлялись усиленные пулемётами секреты. Ночи южные, тёмные; стрельба редкая – для остроты. Солдаты, да и офицеры успокоились, за что и были жестоко наказаны.

В одну из таких ночей, под самое утро, и произошло в их взводе несчастье.

Немецкая разведка прямо мастерски выкрала секрет вместе со станковым пулемётом. Командира взвода, молоденького лейтенанта, взяли под стражу. Трибунал на фронте работает споро. На следующее утро построили полк, поставили лейтенанта около свежевырытой ямы; военный прокурор зачитал обвинение, командир полка вынес приговор; комендант подошёл к лейтенанту и сорвал с него погоны.

Молодой парнишка в распущенной без ремня гимнастёрке, с которой были сорваны погоны, смотрел на строй растерянно-непонимающими глазами. От этого ещё совсем детского взгляда солдатам стало жутко. Они опустили глаза.

Старик похолодел. На него оттуда, издалека, смотрел уже не лейтенант, а родной внук Серёжка. Он ясно видел, как к нему подошёл комендант, взял за плечо и повернул его лицом к яме. Опушенные плечи, непокорный торчащий вихор на затылке, пистолетный выстрел – и всё кончено...

Вспыхнувшая в сознании старика картина была настолько реальна и страшна своим бездушием, что он застонал, схватившись за грудь; на глаза у него навернулись

слёзы. Дед Сергей тяжело поднялся со стула и медленно подошёл к окну. Смахнув заскорузлой ладонью скупую слезинку со щеки, он мучительно прошептал:

– Господи, сосунок совсем – первогодок! Время-то какое настало, кто бы мог подумать... – Он крепко вцепился в подоконник, так что побелели пальцы. – Неужели придётся им хлебнуть нашего горя? Неужели наших мук недостаточно?

В окно к старику заглядывала глухая весенняя ночь, но в чуть-чуть засеревшем сумраке уже угадывалось зарождение нового дня. Дня Победы!

По стеклу редко бухали крупные дождевые капли...

Вениамин Колыхалов

Из книги «В снегах глубоких»

Сосновый бор за Тихеевкой околдован декабрьской стужей. Хвоя в изморози, топорщится, словно деревья облеплены несметным числом окоченелых ежей. Морозный туман с жидкими, сизыми дымами висит над бором тонконитной сетью.

В такое средизимье идёт по всему Понарымью военный лесоповал. Самый строгий, безоговорочный план – древесина для оборонных заводов. Конечно, спросится за пилочник, телеграфник, судострой, спальник, карандашник, рудничную стойку, но главная боль в голове – за сосны и кедры без изъяна. Певучим камертоном должна гудеть каждая авиасосна от обушного удара лесорубовского топора.

К любому плотбищу, катищу на берегах сплавных рек тянутся из урманов дороги-ледянки, снежно-поливные пути для вывозки спелой древесины. Стоический русский лес вновь призван на войну и для тыла. Идёт его косовица по Пельсе и Вадыльге. По Тыму и Васюгану. По Кети и Парабели. Не перечесть все реки, боры, гривы нарымских хвойников. Стоят оцепенелые многовёрстные тайги, готовые отправить дюжих сородичей на заклание.

Сплавщики-нарымцы торопятся произвести зимой обоновку рек: протянуть длинные сцепки охранных брёвен на опасных участках молевого сплава. Захочет текущая с водой древесина свильнуть в старые русла, заводи, ручьи, разлитые озёра – не удастся: боны отвергнут её, пошлют по маршруту сплава.

В колхозах ещё не везде завершена молотьба хлеба – силы брошены на молотьбу леса. Мелькают топоры обрубщиц сучков. Хрустят под самокатными пимами сухие шишки, рассыпают в утоптаный снег семена. Выживите, взойдите, кедры, сосны, пушистыми комочками! Порадуйте молодью обессиленный лес. Встаньте весной в безбольные родины природы, осчастливьте солнце и северную землю.

Не заморозить человека от пули, дерево от пилы. Тыловое Понарымье озвучилось чирканьем лучковых и широкополотных пил, хряским падением стылых стволов, перебранкой топоров.

Ещё потемну пустели таёжные рабочие бараки, занесённые по окна тугими сумётами. Бревенчатые стены с клочками пазового моха, сплошные нары, сделанные из тонкомерного леса-жердняка, обмазанные глиной небелёные печи совсем недавно слышали затяжные храпы, простудный кашель, оброненные спросонья несвязные слова, невольные глухие звуки, зародившиеся в спёртых животах и выпущенные в барачную тьму неизвестно кем. Из духоты лесорубовского жилища перешагивали за дверной порог в морозную свежесть таёжного утра. Сдерживали дыхание, не сразу запуская в себя колкий воздух.

Опустел барак за Тихеевкой. С нар свешиваются залосненные ватные одеяла. Под потолком на жёрдочках-вешалах сушатся сменные портянки, шерстяные крупной вязки носки. У дверного проёма висят на гвоздях покоробленные уздечки, рваные, прожжённые у костров телогрейки, переносной фонарь «летучая мышь» с надколотым стеклом. У печки горка сухих дров и скрюченная береста для растопки. Воздух до густоты пропитан пылью, вонью, портяночным и махорочным духом.

Осталась в бараке одна живая душа – Фросюшка Подайте Ниточку. Сидит на нарах, обхватив руками ватную подушку. Тупо смотрит на тусклый фонарь. Крысы, стере-

гущие время ухода лесоповальщиков, смело и нахально выкатываются из половых прогрызов. Полоумка убирает барак, топит печь, терпеливо сносит издѣвки и шлепки по костистому задку. Кто-нибудь из мужиков, ущербных телом и потому не взятых на фронт, прикрепит к подолу Фросюшки обломок сучка и зубоскальничает на нарах, обнажая грязные никотиновые зубы. Ходит Фросюшка с сучком, не замечает его.

Лень сползть с нар на холодный пол. В руках полоумки ватная подушка превращается в малютку. Баюкает дитя, тянет заунывную колыбельщину – ааа-ыыы-ууу-ооо. Вата в подушке слежалась, сбилась в полушар. Фросюшка Подайте Ниточку положила комковину на сгиб левой руки, гладит головку ребёночка. У печки зашевелилась береста, поползла. Женщина оборвала мычание, положила подушку. Крыса напомнила о барачных делах. Надо хватать голик, подметать грязный, щербатый пол в окурках, плевках, опилках, вытряхнутых из валенок при разувании. Ждѣт охолодевшая печка. Снег у крыльца. Обула на босу ногу великоватые серые катанки. Толкнула обмѣрзшую неподатливую дверь: открыла вход морозу.

Она любила проветривать барак. Заворожѣнно смотрела на шустрые клубы текучего морозного воздуха, заполняющего под нары, в углы, на женскую половину многолюдного жилища, разгороженного широкой холстиной. Материя проткнута сучками, гвоздями. Еѣ проколупали пальцами для тайного подгляда, обозрения чужих спален.

За дверью в долгом карауле стояла декабрьская тьма.

Солнцу долго выбираться из хвойных теснин. Высоты осыпаны звѣздным, рассыпным инеем. Ополовиненная луна поспешила оставить ледяную арену, скатиться по куполам за Пельсу.

Недавний буран завалил тропу в сосняки. Лесоповальщики, раскряжѣвщики, сучкожоги, возчики брёвен, смотрители за дорогой-ледянкой упорно уминали пимами

рыхлый снег, тропили к деляне новопуток. В лабиринте стволов потерянно кружились бледные пятна фонарей. Желтоватыми лунными зайчиками прыгали они по сторонам, тонули в глубокой смутной тьме. Упрётся фонарный свет в правую откосину ночи, отскочит испуганно. Попытается пробить брешь слева – те же непробойные напластования застойной черноты.

Первым уминает снег подошвами подшитых пимов бригадир-стахановец Яков Запрудин. Правый пустой рукав телогрейки засунут за верёвочную опояску. Рука, отсечённая в госпитале выше локтя, ещё помнит памятью оставленной культи жилистую кисть, мёртвый сжим пальцев. Изрубцованный, зауженный скальпелем хирурга сине-красный остаток руки постоянно ноет, мёрзнет и в ватном тепле. Грубо помеченный войной мужик натягивает на культю шерстяной носок, перехватывает поверху ремешком.

Однокрылый вожак ведёт потемну длинную стаю не на отдых: перелёт военных дней длителен. Давно взлетела война бомбовыми разрывами, снарядами, осколками мин. Забыли бойцы об отдыхе. Бесконечно тянутся изнуряющие бои: одних уводят в землю, других выводят в поля сражений. Живые вновь прячутся по окопам, землянкам, определяются на постой в церквах, школах, полуразрушенных сёлах.

Выбили Якова Запрудина из кона войны. Поставили на кон тыла. И с одним крылом высоко взлетел.

В звонкий бор отрядили рабочую силу два колхоза.

Влились сюда и староверцы.

В одну из ночей пал коренной снег. Соседняя с Тихеевкой деревня Большие Броды по твёрдому зимопутью отправила в сосновый бор длинный обоз. Везли картошку, укутанную соломой. Мешки с горохом, турнепсом, овсом. Чернел на соломе крутым сажным пузом трёхведёрный артельный котёл. Бригадир Запрудин-старший наказал

сыну Захару проверить наличие упряжи, верёвок, пил, топоров. Захватили напильники, дратву, вар, гвозди кузнечнойковки, мыло, подковы. Растянутый обоз, шагающие и сидящие на санях артельцы могли сойти за партизанский отряд. Пробирался он не в тыл врага: у отряда были иные тылы, устрашающие фашистов. Стойкий труд нарымцев разбивал их планы, изматывал на фронтах, приостанавливая наступления, заставлял пятиться и терять дивизии.

Большие Броды – деревня, открытая ветрам и васюганскому заречью. Запрудины были нужны колхозу, деревне, нарымской земле, как нужен всходам на полях тёплый дождик-сеянец.

Подрезала война Яшу Запрудина. Лес без остатка забирает его силу. Пилит одной рукой сосну – зубы в крепкий притиск: весь в испарине. Мелькает лучок, исходит дерево предсмертным стоном.

Скоро тропа вольётся в дорогу-леянку. Близок путь до лесосек, если идти шаговито. Яков торопится, улавливая за спиной пыхтение и вздохи. Вздрагивает фонарь в руке: она, надолго пленённая лучковой пилой, и на воле не отступает от рывкового движения к себе, от себя. Во сне лучок тоже задаёт руке привычный урок: пальцы теребят лоскутное одеяло, локоть катается по нему. Даже вынужденная бездельница-культа старается подмогнуть напарнице, на которую свалилась двойная тягота лесоповала.

Открыты миру Большие Броды. Зато Тихеевка упрятана в тайге. Отшатнулась от Пельсы, и от этого шага в сторону покривилась изгородями, скворечниками, воротными столбами. Скрипят дровни по новоснежью, оставляют на тихеевской дороге-саннице росчерки полозьев. На первых дровнях две громоздкие фигуры в тулупах. Надтреснутый поддужный колокольчик плещет на тёмные снега нечёткий звон.

Тихеевцы посылают на лесоповал дюжину женщин, пять мужиков, забракованных военкомиссией, несколько

рослых юнцов и старичка Аггея. Про себя он говорит: «Я ещё у тех германцев был во плену, которые походом на нас ходили. Они навреждение мне сделали: опоили чем-то. Обменяли нас голова на голову. Возвернулся на Алтай, страшусь с жинкой в постель ложиться. В кальсонах стыдоба, не мужская вещь... Чего поганцы во плену утворили – до сих пор не пойму...».

Аггей балагур и складный матерщинник.

Не дремлет под дугой гремок, но вгоняет в дрёму тихеевских бабонек.

Вчера были солдатками, сегодня в горьких вдовиц обернулись. Прилетит казённая бумажка-не промашка, рученьки опалит, сердце сдавит. Ходят такие потерянные вдовы с глазами навывкат, напоминают Фросюшку-полоумку. Валяются из рук вилы, ухваты, лучины. Выскальзывают подойники и кринки. Молчит-молчит молодая вдовица, копит боль да и выльет её страшным взвоём:

«Гооспооди, неведомо что творишь на земле. Неужели мы нелюди – обмерки какие? Оторвали силом, во глушь окунули... мужиикоов фрицы побиилии...»

Отревут своё – дальше живут.

Ежедневный хлебный паёк заставляет мозолить руки. Поднимутся на ладонях красные волны, опадут, превратятся в тёмные пятна. Жуй и жуй пилами неподатливую древесину, если хочешь пожевать податливый, тающий во рту хлебушко.

Что нависло над дорогой-санницей: полуночь, полуутро? Сделает ли зимнее солнышко световой полив тайги или оставит на вечное съедение колючей тьме?

Тихеевские сани остановились у истока ледянки. Поддужный колокольчик остывал от запойного звона.

– Бабоньки, встряхайсь! – отвопил из-под тулупного грузного воротника Аггей. – Слышите – Большие Броды тюкают. Забарабают все хлебные пайки – зубы на полати придётся нам забросить.

– Скоро ноги отбросим, – проворчала плечистая вдова Валерия, держа перед собой обрывок газеты для козьей ножки. – Аггеюшка, дай табачку.

– Твой поспит в кисете? Шалишь, кума. Мы тоже знаем, почём нынче грош.

Из тайги высачивался запах кострового дыма. Меж стволов замелькали суетливые огоньки: начали кострить подборщицы сучков. Запалили сушняк и пока не давили огонь тяжестью мёрзлой хвои, не выжимали из горящих куч вороха тяжёлого, едучего дыма. Сучкожоги зажигали первый – досолнечный – свет для вальщиков. Свет больших костров был нужен огребщикам околоствольного снега, сучкорубам, всем трудармейцам, урезавшим темноту ради двухчасовой прибавки тяжёлого тылового времени.

С треском выстреливали из костров пропитанные огнём угли. Трассирующими пулями делали красные росчерки, с шипением прожигали рыхлый снег. Костры разрядили таёжную темь, до срока погасили над бором зябкие звёзды.

Запрудин беглым проницательным оглядом находил самые пригодные, самые подходящие сосны под высокую марку – для обороны. Дотоле молчаливый, ждущий трудного часа сосновый бор теперь тоже оборонял отчую землю: из неё возрос, её усыплял хвойным шумом. Редели золотые колонны. Долго стояли они, набирались стойкости, цедили сладкие земные соки.

Бригадир оглядывал могутные стволы, высокую раскидистую крону. Деревья кричали наперебой: бери меня, меня, меня. Мы будем шуметь в пропеллерах. Самолётными крыльями обопрёмся на воздух... меня, меня.

Для верности и окончательного выбора Яков стучал обухом топора по стройному стволу сосны. Листовым золотом срывалась лёгкая кора, кружилась над глубоким снегом. От обушного удара дерево тонко звенело. Валь-

щик чутким слухом улавливал нежную сосновую мелодию и приступал к ошкуривке ствола: освободишь его от нижнего толстого слоя коры – значит, меньше серы, смолы набьётся в зубья лучковой пилы. И высоту пня определить легче. Лесообъездчик следит строго: пни должны оставаться ровные, невысокие.

Захар успел откидать снег от ствола. Взял топор из отцовской руки. Неподатливая кора примёрзла, пришлось стёсывать вместе со щепой. Дерево роняло лёгкие комья. Они решетили подкронные снега, впитывающие блики густеющих огней.

Бригадирский лучок насторожённо ждёт жаркой минуты. Скоро он надолго распрощается с покоем. Зубастое тонкое полотно лучка напоминает кружевную тесёмку, туго натянутую между плоских берёзовых стоячков. Прочная верёвка, скрученная в жгут деревянной закруткой, производит нужную натяжку полотна на раме. Если подсчитать все годовые кольца деревьев, сваленных бригадирской пилой, получатся многие миллионы древолет. Виток – годок. Пила за прогонку разжуёт и выплюнет с опилками несколько годовых колец. Разбежались по бору бесчисленные пни. Летом пузырятся смолой, залепают кольчатый срез: корни по вековому инстинкту берут земные подати смолами и соками. Поднимать бы их по стволам до каждой хвоинки, да подрезаны все жилы. Пням достаются последние ласки и сладости земли.

Насупленное молчание отца передаётся сыну. Пришёл с войны, оставил там руку. Принёс в волосах досрочную седину, обменял красивое лицо на ошрамленный лик: на нём осталась непогашенной извечная дума жизни.

Яков снимает рукавицу-шубинку, засовывает за опояску. Теперь рука, взявшая лучок, всецело переходит на внутреннее тепло. Его в достаточном количестве произведёт потное тело. Даже кулья взмокреет в укромном месте под колючей шерстью. Махал ли Запрудин топором, делая под-

руб сосны перед пилением, таскал ли взад-вперёд лучок, оседающий в глубь ствола – постоянным видением возникала перед глазами правая, когда-то живая рука, низведённая войной до багрового обрубка. Он видел бывшую руку веснушчатой, шерстистой, с крупным родимым пятном возле вспученной вены. На запястье жила сильно пульсировала от скрытого бега крови. Пальцы несуществующей теперь руки тоже были перед глазами – с порезами ножей и стамесок, уколами гвоздей и шильев, с синими трещиноватыми ногтями, по которым разбежались белые пятнышки. Захарка любил считать белячки, верил: они сулят обновки. Проходили месяцы, обновок не появлялось. Отец напяливал всё ту же грубую суконную рубаху, подшитую на локтях, влезал в залосненные штаны. Обувал вечные чирки, собранные по голяшкам в гармошку.

Нехватка правой – главной рабочей руки – особенно сказывалась в первые месяцы. Шевелился машинально обрубок в пустом рукаве, искал и не находил применения. Запоздало спохватывалась осиротелая рука, брала рубанок, вожжи, деревянную ложку, веник в бане. Ей, только ей перепадало теперь всяческое поделье. В её ведение переходило всё тело солдата, списанного войной в деревню. Не хватало второй ладошки похлопать на колхозной сходке. Яков не хотел подкачать и тут: стучал рукой о лавку или по колену. Война насильно сделала его левшой. Левой голосовал на собраниях. Левой поднимал стакан с бражкой.

Сын подпиливал лучком сосну рядом. Он никак не мог угнаться за отцом, хотя из трёх учтённых тылом запрудинских рук Захару принадлежали обе-две. Вальщики знали, куда повалить вершинами авиасосны – к костру. Обрубщицам меньше беготни – огонь рядом.

Запрудины проливали на лесосеке пот, истекали им, таким же солким, как кровь. Труд войны и труд тыла выжимали влагу разного цвета, но для цвета победы годилась любая.

Тихеевцы запалили костры по левую сторону дороги-ледянки. Дед Аггей нёс широкополотную пилу на правом плече – ходила волной тонкая сталь, качался за спиной берёзовый, отполированный рукавицами колышек-ручка. Напарница по валке, не сумевшая подстрелить у деда табачок, шагала молча след в след.

– Ку-у-ма-а?

– Чё тебе?

– Воспой расцыганскую песню – порушь тоску.

Заглох бы ты... пожалел махры на закрутку.

– Не пожалел. Кури, дура, меньше. Задыхаешься – пилу еле-еле таскаешь. Была ты ниткой двупрядной, истёрлась раньше времени.

– Тут изотрёшься. Мужика там чиркнули. Пила здесь меня чиркнет – доконает. Бор за горло сдавил.

– Не тебя одну давит. По моим летам на печи лежать надо да вьюги по пальцам считать.

– Поматерись, дед, облегчи душеньку. Песенный у тебя маток.

– Нельзя, кума, сегодня Боженьку по-рыцарски помянуть – воскресенье.

– Верно. Забыла совсем. Кубатура проклятая память отшибла.

Огребли снег у сосны. Без ошкуртки низа ствола дали пиле полную разгонку. Вчера Аггей развёл её позубно: один ровный рядок идёт влево, другой вправо. Плоский ромбический напильник давно каждый зубок изучил. Остро наточил: любая вершинка за ноготь хватается. Посмотришь при ясном свете в междузубье, поворачивая пилу положим брюшком на себя – пробежит перед глазами сияющая узенькая дорожка. Тянется она серебряной колеёй. Такая пила за один чирк пускает под ноги пышный опилковый ус. В сторону Аггея свисает ус длинный. В сторону кумы покороче, поскуднее. Дед тянет к себе прогонистую пилу с силой. Возвращая её напарнице, мог бы полностью рас-

слабить руки, но они напористо толкают ручку, а значит, и полотно к задышливой куме. Она подняла со дна души ещё не все слёзы по убитому мужу. Глубок колодец горя, многослёзен. Крепитесь, русские вдовы. Истекая слезами, не иссякайте телесной и духовной силой. Кто поручится на горестной земле, что миновала ваша самая тяжкая доля?! Материнские сердца никогда не впадут в забытьё по убитым сынам и мужьям. Слезами и кровью омываются женские сердца... Бессрочная доля у русской женщины. Нескончаем плач Ярославны.

Толстая сосна под пилой – кубатуристая. Вскидывает Аггей глаза, поправляет облезлую шапчонку. Даже не с овчинку кажется небо, начинающее слабо светлеть, – с кисет. Скоро рухнет колонна, ветвистая крона оставит брешь в небесах. Носятся по снегам красные тени костров, выхватывают из темноты крутые бока кедров, бросают отсветы на ровные стволы берёз: они кажутся порождением снегов, их недвижимым смерчем, скрученным во время вьюги и оставленным среди хвойной немоты игольчатых деревьев.

Отовсюду слышатся крики – ээй, берегиись... паадаит... Сомнётся стволом, густой кроной морозная тишь, колыхнётся по лесосекам короткое хрустальное эхо. И снова чирканье пил, ржание тягловых коней, постук топоров, несвязный говор сучкожогов. И опять пугливое – берегиись... ээй... паадаит...

Воскресное утро медленно воскресает на ледяных куполах. Скоро неуверенный рассвет проредит мелкие звёзды. Оставит стойкие, броские: недолго посияют последним светом и эти зрачки небес.

Поодаль от тихеевских и большебродских артельцев ведут валку староверы с верховья Пельсы. Живут они в бараке вместе с колхозниками из Больших Бродов. Из артельного котла не едят. Артельной посудой не пользуются. Чашки, ложки, кружки хранят в закрываемом сундуке.

Туда прячут и съестные припасы. Крупой, жирами, хлебом ведаёт криворотый сухонький Остах Куцейкин. Нижняя губа у него сдвинута вправо, будто моляка-двуперстник вздумал однажды кого-то передразнить да так и остался с перекошенным ртом. Кривоту губ скрывают отчасти редкие усы. Мужичонка светел волосами и бородой: чистый слепок с Серебряного старца.

Куцейкиных три братана – Остах, Орефий и Онуфрий. Ходит предание, что их скитский прадед никогда не называл господ бога с тугой буквы. Величал его светло и прокатно – с о: Осподи Боже. Посему всю куцейкинскую родо-ву наделяли именами осподними. Остаха оставили в тылу по причине шибкой костлявости тела. Разделся на военкомиссии – одни мощи. Капитан стыдливо отвёл глаза, кивнул на горку старой одежки: «Прикройся, прикройся скорее...». Оделся, сокрыл тело, замученное постами, и остался под бронею.

Орефий и Онуфрий тоже постились по уставному староверческому численнику, но были могутными, рослыми: такие и рогатиной медведя осадят. Остах-заморыш рядышком с голыми братанами выглядел сморчком возле крепеньких боровиков. Капитан из призывной комиссии подал Орефию красномедный пятак екатерининского времени: «Продави монету – вот так».

Орефий посмотрел брезгливо на три слитых пальца. Отвернулся, прокатил по груди из стороны в сторону опрятную бородень. Ненавистную с малолетства щепоть не хотелось даже видеть. Не соберёт он пальцы воединым сдвигом, не покажет силушку на старинном пятаке.

На щуплом капитане мешковато висел новый китель, на пуговицах броско сияли начищенные звёзды. В одну из них Орефий упёрся бычьим взглядом, напряжинул широкие скулы – даже борода дёрнулась. Он видел перед собой звезду-разлучницу. Остаху повезло – отвертелся от фронта. Он с Онуфрием загремит. Вон прыщавый солдатик

борзо пером скрипит – втискивает их души в бумагу... Орефий шагнул к капитану, подsunул под нижнюю пуговицу кителя указательный палец и даванул большим сияющую звезду. Пуговица сплющилась. Недоуменный капитан расширил глаза, потрогал измятую звезду.

«Ты что, христомолец, наделал? Д-да за такие штучки... В штрафбат захотел?» Спокойный староверец поддёрнул кальсоны, пошарил взглядом иконы по углам. В простенке висела единственная икона – застеклённый в рамке портрет Сталина. Орефий помолился не ему – распаханному сейфу.

«Не убий– глаголят уста твои, Господи... распятые скоро будем... всем гвозди откованы и кресты излажены...»

Военный взвизгнул.

«Ты мне тут церкву не строй! Мы купола-то давно сшибли...»

Орефий шептал сейфу молитву – братаны чертили в воздухе раскольничьи кресты.

Онуфрия и Орефия обезбородили. Волосы остригли бобриком. Бобров с верховья Пельсы ждала в скором будущем вагонная теплушка, чтобы проглотить на томском перроне и выплюнуть перед Москвой. Каждый отстук колёс будет урезать торную дороженьку на запад.

Вялый Остах Куцейкин топтался возле сваленной со сны, подбираясь с топором к частым сучкам. Кажется, целую вечность не выпускает он из рук скользкое топорщице. Тыкаются в лицо ломкие иглы. Набивается в бороду крошево коры. От сучков, припаянных к стволу, отскакивают при обрубке литые кусочки древесины. С пулевой скоростью хлещут по щекам, глазам, лбу.

По вёснам выпадают росы: первая – ледовая, вторая – медовая. На Остаха пала зимняя, самая зловредная роса. Потом пала, пропитала рубаху-нательницу, подклад шапки.

Летит сосна, торопится отдать земле смертный поклон.

Куцейкину легко шагнуть под неё и тоже навек раскляняться с немилостивой нарымской землёй. Невмоготу вставать в доутренний срок, раскалывать сон ранним пробуждением. Ненавистен Остаху протабаченный барак, матерковая галдень людского гурта, согнанного под тесовую крышу.

Плетутся по дороге-ледянке измотанные клячи, сопящие быки, приученные к ругани и кнутам. Плетётся каждое утро на лесосеку староверский гурток: кашляет, сопит, лопочет на ходу молитвы, прочищает глотку и ноздри от барачного чада.

Раздавил Орефий звезду на капитанском кителе, но судьбинушку разве раздавишь? Прощался с хилым Остахом в тугой обхват загребистых рук, обдал ухо горячим шёпотом: «Всё равно, братец, винтовку расколю об колено и на Пельсу сбегу...».

Остаху топор об колено не расколоть. Никуда не сбегать. Попробовал разок симульнуть: впихнул в задний проход кусочек поваренной соли – нагнал высокие телесные градусы. За окнами барака мороз жмёт под сорок. Под мышкой у староверца термометр жару показывает.

Запрудин в военном госпитале вдоволь насмотрелся на хитрые штучки-дрючки. Ефрейтор-пехотинец, косенький ехидный мужичок, не давал срастаться под гипсом костям ноги. Их расшевелил в бою минный осколок, теперь нарочно расшевеливал раненый: отдалял повторную отправку на фронт. Скуластый, остроглазый татарин с Крымского полуострова, легко раненный в брюшную полость, тоже вводил в обман госпитальных врачей. Открошил в своей деревне кусочки соли от камня-лизунца, возил в вещмешке. Сероватые валуны, лежащие на пастбищах, возле водопойных колод, служат лакомством для коней, овец, рогатого скота. Послужили они лакомством и для солдата автоматной роты. Его кровать в госпитале стояла неподалёку от запрудинской. Подсмотрел Яков: обкатывал тата-

рин во рту белый комочек. Безрукий фронтовик догадался сразу: за крепкими зубами солдата мелькал не сахар. Он часто сплёвывал в утку густую слюну.

Перед выпиской автоматчика из госпиталя врачи долго не могли согнать с него высокую температуру. Утомлённый бессонницей хирург проверил тумбочку, нашёл под растрёпанным Кораном кругляши соли. Пехотинца и автоматчика судил военный трибунал.

Из госпиталя Яков рвался на фронт. Горько мучился от сознания, что изуродованное тело будто отделилось от его души, норовит домой, в васюганскую деревеньку. Хотелось воевать, мстить за Родину, народ, за жуткую телесную боль и немощь, причинённые вражьиим металлом.

Нарымец Запрудин поднимался в атаку рывком. Всегда бежал немного впереди растянутой рваной цепи одноротников. Яростно выкатывал из себя крепнущее уррраа, сливал клич в бурлящую волну бойцовских глоток. Где-то в гремющей и орущей цепи бежал политрук – взвинченный, чернокудрый полтавец. Вперёд, вперёд! Ни шагу назад!.. Остались за спиной насиженные окопы. За Волоколамском тоже наша земля, но считай, что её сейчас нет. Считай, что эта, испятнанная бегущими фигурами частица средне-русской равнины – последнее пристанище врага. Матушка-Москва не простит поражения, позора отступления.

Качаются сверкающие штыки, режут спрессованный воздух узкого перешейка перед фашистской пехотой. Пули навевают бойцам последний, беспробудный сон. Судьба распоряжается жарким боем: иных укладывает на временную лёжку, иным готовит деревянные кресты, над другими замелькали красные кресты медсанбатовских спасительниц.

В госпитале Запрудин невольно прокручивал в голове убийственно правдивую хронику пережитых событий. Война-война, зачем ты так рано выбила из седла храброго наездника?! Зачем убрала из-под ног стремяна, опута-

ла госпитальными тугими бинтами? Комковатый ватный матрас в пятнах крови, йода и марганцовки, тощая ватная подушка, застиранные простыни, прикроватная шаткая тумбочка вгоняли Запрудина в долгую зелёную тоску. В многолюдной палате стучали костыли и глазастые доминошные костяшки. Сыпались анекдоты, имена целованных и невинных девчонок, эпизоды боёв и житейские случаи. Пробовали едко шутить: подсчитывали – сколько на восемнадцать гвардейцев приходится теперь рук и ног. Недостача была крупной, ведь крупной была навязанная фашистами война.

После фронта Якова злили и раздражали симулянты, отлынивающие от тыловых трудов. Он заподозрил Остаха Куцейкина, догадался о воспалении его хитрости. Поутру староверец заторопился на улицу по нужде. Яков завёл криворотого моляку за уборную, приказал оправиться на снег:

«Выбрасывай из ж... соль!»

Сучкоруб захопал глазами, закрестился.

«Задницу перекрести, чтоб соль не глотала... Выкладывай! Буду день караулить, пока она комок не выплюнет. У нас в госпитале был такой шустряк, под трибунал угодил».

Куцейкин бухнулся в ноги стахановцу. Обхватив тощими пальцами чёрный пим, заскулил по-щенячьи.

«Бородатый хитрец! По военному времени мы тебя за тыловое дезертирство карать будем...»

Нет, не расколоть Остаху о худое колено почти костяное топорище. Бригадир поклялся смолчать о симулянстве. Куцейкин взвалил на себя тяжёлый молебный крест обещания махать топором до последнего изнеможения....

Иизэй, боойсяя... паадааиит...

Из каждого лесного закутка вылетали грозные, предупредительные окрики. Это сам могучий нарымский урман обычно кричал врагу:

– Беррегиись! Упаду я, лягу стволами и кроной. Не вста-

нешь с русской земли ты. Ляжешь погаными костями... Бооисяя!..

Много сосен в бору. Много в Понарымье урманов. Везде ползут по ледовым и снежным дорогам скрипучие сани и подсанки. На них промороженные до самого первого годового кольца ровные брёвна. Куда покатятся кольца? В цеха военных заводов. На пилорамы, где режут шпалу, брус, тёс, плахи. Всё равно будет отсечена врагу башка на плахе войны.

Пойдут брёвна на телеграфные столбы: по ним придёт счастливая весть о нашей победе. Древесина пойдёт на шахтную крепь, подопрёт угольные пласты в забоях. Сейчас вся страна превращена в один опасный забой, и надо его подпирать трудом: плечами, руками, спиной. Люди сибирского тыла – надёжная, необрушная крепь Родины. Не раздавить, не расщепить её врагам.

...Беррегиись! Паадаиит!..

Запрудины подпиливали лучками сосны и тьму: она оседала, рушилась на глубокие снега. Всё ниже опускались пласты скупого рассвета, неудержимо скатывались со скользких куполов.

Осветлялись небеса – ужимались огни костров. Теряли над тьмою недолгую власть, отдавали её новой солнечной силе.

Телогрейку Яков давно снял, укрепил на пояснице тонкой опояской. При нагибе мороз холодит спину, стежёнка не даёт ему полной воли. Серая нательная рубаша мокра от пота. Мокреть просачивается через вторую, байковую одежку: спина покрывается махристым куржаком.

Немее левая рука, спаянная с лучком. Даже культа упрела, издёргалась на подсобляющем плече.

Неугомонный лучок закручивает опилковые усы во круг ствола.

– Сыноок, отдохни.

– Не устаал.

Захару приятно слышать отцовское жалеющее словцо – отдохни. Оно вливает свежую силу, бодрит и подгоняет лучок.

Кочанной капустой хрустит под пимами снег, усеянный корой, хвоей и опилками. Взамен статных авиасосен остаются низкие стандартные пни, напоминающие о вековой стойкой жизни деревьев.

Тихеевские артельцы медленнее рушат стволы. Аггей с кумой пятую сосну не опрокинули – напарница стала выдыхаться. Дёргает пилу вяло, рывками.

– Курица! Тяни ровнее! – строжится Аггей.

– В воскресенье Бог дал рукам покой.

– Война отменила всевышнее распоряжение. Тяни-тяни шибче. Не зря план и паёк одной буквой накрепко связаны – сапожным ножом не разрежешь.

– Умаялась я, Аггеюшка. Ослобони на перекур.

– У тебя табак силу ворует. Курево дыхалку перекрывает.

– Ослобони.

– Уроним – отдохнёшь. Я лучком попилю.

– Не устал, чё ли?

– Костлявый я – пружинистый.

Рухнула головушкой к костру очередная кубатурная сосна.

Вдова Валерия сидела на пне, распускала толстую самокрутку на пряди дыма. Курила в глубокую затяжку. Хмельно кружилась голова. Сошли с мест, закачались деревья. Неподалёку дед Аггей в рубахе-беспояске, в отвислых ватных штанах водил лучком-смычком по сосне. В ушах Валерии, опьянённой куревом, слышалась давно забытая мелодия мелькнувшей юности. Полегла луговыми цветами. Оплавилась утренней парной росой. Уплыла по быстрому течению времени ромашковыми венками. Костяные гребешки обломали зубья о густые чёрные волосы, проредили их. Набежные годы дохнули на пряди ранней изморозью.

Тятя Панкратий – мужик цыганских кровей – послед-

ний раз густо смазал колёса кочующей кибитки и навсегда оставил табор. Под Бийском наладил крепкое хозяйство. Всего было вдоволь – хлеба, масла, овса для коней, сливок и гнутых пряников. Обезжирили Панкратия, самого согнули пряником. И в Тихеевке не распрямился, не согнал с глаз плотной пелены. Под завихрение массового артельства загребла метучая метла не одного мужичка-середнячка. Покатился истёртой подковой и тятя красавицы Валерии.

В Тихеевке прыщавый, развязный конвойник не давал проходу кулацкой дочери. Стыдила служаку словами, секла взглядом, била по рукам. Стройная, с плавной покатиной бёдер молодайка ловко выскальзывала из хватких рук. Посмеивалась в лицо парню: «Ты, бриллиантовый мой, при погонах, при ремне. Вот и ходи опогоненный – не опогоненный».

«Уступи!» – слышалась вослед устрашающая мольба. Красавица ехидно крутила возле подола смачную фигу.

В субботний пасмурный вечер конвойник подкараулил у поскотины девушку, намотал на кулак пышные, волнистые волосы. Дохнув сивушной вонью, просипел: «Не явишься через час за артельную баню – навечно в тайге сгною...».

Валерия страшилась посвящать отца в тайну своих мук. Буйным был Панкратий. Не раз истязал жену, дочь. Разгонял табор топором и оглоблей. В Тихеевке ходил сумрачный, со стиснутыми зубами. Зло сверкал воронёной сталью глаз. Правая рука с растопыренными пальцами постоянно маячила над голенищем старого хромого сапога: была готова в любой миг выхватить оттуда цыганский отточенный нож.

Расшатал служака корни волос. Ныла от боли голова Валерии. Не собиралась говорить отцу, да неожиданно в сенях бухнула про долгую обиду.

За артельной баней рос густой боярышник. Панкратий пришёл сюда на свидание вместо дочери. Приготовил из

боярки пышный веник: выбирал прутья с частыми крупными шипами. Похаживал скорыми шагами возле стены боярышника, в нетерпении взмахивал на полный вылет руки шипастым веничком.

Конвойник поздно заметил Панкратия. Почувствовав недоброе, повернул за бревенчатую стену. Парильщик догнал его, стал исхлёстывать веник о голову, о холёное ненавистное тело трухнувшего парня. Шипы полосовали лицо, острыми шильями впивались в уши, плечи, спину.

«Хорроша банька?.. Поддать парку?!»

На четыре безгрешных слова кузнец выплёскивал дюжину грешных – матерных, смачных.

Сейчас конвойным оказался мужичок-середнячок, напрасно стронутый с алтайской земли. Он гнал прыщавого парня по деревенской улице сквозь строй новых избёнок. Каждая подхлёстывала усмешным взглядом удивлённых окон.

Месяца два назад рассерженный Панкратий выпалил при конвоирах: «Мы – середняки. Почему нас носом в лобухань ткнули? Почему шибанули оглоблей по рукам? Всё отбили. Душа чахнуть стала, руки сохнуть...».

«Выкинь труху из башки! – прыщавый поправил широкий ремень. – Давно кулацкий душок выпускаешь...»

Душок припомнили. Вернее, не забыли тайное свидание за баней. Кузнеца доставили под стражей в большое обское село. При закрытых дверях опозоренный конвойник наотмашь охаживал бунтаря валенком, бросив туда пестик от ступки. Второй служивец держал Панкратия за руки, прямил чёрную, кучерявую голову, ухватив за густую шевелюру. Опричники преуспели в деле расправы над непокорными. Набили руку, запаслись секретами. Один из них применяли сейчас. Знали: гири, пестики, мраморные пресс-папье, опущенные в пимы, не оставляют следов при битье. Мокрое тело тоже. Никакой литой кулак не оставит отпечатка на лице кулака, любого репрессировца, если

бить через книгу, кипу бумаг. Пусть сотрясаются мозги и внутренности, смещаются печёнки-селезёнки, главное – нет на теле печатей безнаказанной расправы.

Курит Валерия на пне, разгоняет усталость тела, чёрные тучи вдовьих дум. Скоро огонь истлелой закрутки подберётся к пухлым губам, не потерявшим алости и жара. Вспоминает женщина горькое быльё жизни. За избиение в комендатуре тятя отплатил злым бичом. Бил конвойника принародно: он извивался от острых ужалов. Хлестая, кузнец швырял в толпу яростные слова:

– Вот так... всегда... учите ггадов!.. Разнузданные своевольники!..

Гудящий бич расставлял точки после спянных, вылетающих из оскорблённого сердца слов.

Конвойник выхватил наган, пальнул по ногам разъярённого мужика. Пуля угодила в каблук сапога, скрикошетила в траву.

На сей раз Панкратия взяли надолго. Не вернулся к октябрьскому празднику. Прошёл Новый год. Подходили майские деньки... Колхоз потерял отличного кузнеца, семья – надёжного кормильца.

Жена, дочь, её муж – свадьбу сыграли незадолго до печальной развязки с отцом – наводили по властям справки. Писали во многие казённые дома, ниоткуда не получая ответа. Изматывала неизвестность. У кого узнать? Кому пожаловаться?..

Окурок обжёт губы. Валерия выплюнула его, приложила горсть снега. Дед Аггей с воловьим упрямством лучковал сосну. Маячил залосненными толстыми штанами.

«Пили-пили, жилистый-пружинистый, – шептала кума. – Мне паёк тоже нужен, да чёрт с ним – на картошке, на жмыхе перебыюсь...»

Перестала шептать. Дальнейшие слова попрыгали в голову, разбежались по извилинам, перешли в мысли:

«Мужа убили – пришла казённая бумага-подтвердилов-

ка. Война, а всё ясно: какая беда, какая жратва. В тылу тятя пропал без вести – ни до кого не докричишься. Это как называется? Сплошная подлость...»

И снова выкатились из головы слова, отлились в шёпот: «Пили-пили, Аггеюшка... пайком со мной поделишься... ты добрый дед...».

Валерия отплевалась в снег, тихонько потянула из души песню про чистое полечко, которое породило ракитов куст. Под ним лежит молодой солдат – весь израненный, весь истрелянный. Вдова видит мужа-солдата, его верного коня: он шершавым языком виновато лижет поверженного седока. Надо поторопиться, передать верному другу-коню последние слова наказа:

...Забег, мой конь, в самый крайний дом.

Передай, мой конь, мамоньке поклон.

А жене скажи: я женат на другой.

Что жена у меня – гробовая доска.

Оженила меня пуля быстрая,

Обвенчала меня сабля вострая.

Мать – сырая земля,

А отец у меня – деревянный крест...

Слабым речитативом закончила Валерия грустную песню. Встала со свежего пня. Скоро у ног вальщика замаячит новый срез. Между пнями топорщится над снегом сбережённая сосновая молодь: молча принимает природа родины у тайги. Пеленает хвоей, листьями. Потеплее закутывает в снега. Вальщики, сучкорубы, огребщики проявляют осмотрительность, жалеют бережённый богом и бором молоднячок. Родичи стоят вокруг могучие: от них поднимаются крепенькие игластые мальцы.

– Куумаа! Беррегиись!

– Эггей!

Обдало напарницу холодным ветром от матёрой кроны. Посыпался на неё мелкий дробленый снежок.

– Не устал, дед?
– Чему уставать – жилы с костями срослись.
– Силён!
– Похвальба молодцу даром пройдёт. Похвальба старику – лишний годок на веку прибавит.

Потрогал пальцами горячее полотно лучковой пилы.

– Жаркая валка. Трение до чего сталь доводит – словно в горне побывала. Вот тут трещинка наметилась. Жаль: скоро полотно порвётся. Эх, Панкратия твоего нет – он полотно паял на зависть пыльщикам. В новом месте лучок лопнет, на спайке – хрен...

– Не трави, дед, душу. Сейчас горевала, об отце думала.

– Да-а, ни за что ни про что сгинул человек. Война мертвит, и в тылу лихота. Крепчай духом, милая. Нам его раньше времени выпускать нельзя. Пусть фашист его наперёд испустит. Ещё отдохнёшь или вместе подёргаем?

– Пойдём, отдохнула чуток.

Аггей лихо обнял куму за талию, охотно потискал через стежёнку два взлобка. Взревел на бор, переиначив строчку в известной песне:

Отец мой был природный пахаарь.

Й-я уу негоо природный хахааль...

Вдова не оттолкнула ищущую руку...

Надпись на могиле солдата

Принёс я жизнь Отчизне в дань

В свинцовую страду.

Но скажет мне Россия: «Встань!» –

Воскресну, в бой пойду.

И так же буду бить врагов,

Чтоб их с земли стереть.

За Родину свою готов
Хоть дважды умереть.

Штрафники

Поля распаханы войной.
Они без нас осиротели.
Такой идёт от боя зной —
Тельняшка плавится на теле.

Две роты выбиты на треть
В свинцовой жуткой круговерти.
Никто не хочет усмотреть
Границу неразлучной смерти.

Невдалеке пехотный брат
Шальным осколком изувечен.
В крошечный ад летит штрафбат:
Он для истории не вечен.

На рану наложил ковыль.
Не дорожу судьбой бесследной.
За нашу лагерную былъ
Заплатим кровью предпобедной...

Ты не плачь, Ярославна

Роковая атака
Нас на запад вела.
Вопрошаем из мрака:
– Чья земля обняла?

– Русь обняла, солдаты.
Победа – ваш венец.

Храню координаты
Расплавленных сердец.

Отбивали высотку –
Сталинградский рубеж,
Чтоб военную сводку
Скрасить светом надежд.

Обнаглели осколки:
Мстил за смелость фугас.
Пусть история полки
Припасёт и для нас.

Защищали мы славно
Каждый подступ к судьбе.
Ты не плачь, Ярославна,
Слёз не хватит тебе.

Назовут поимённо
Наше мужество вслух.
Мы вливали в знамёна
Несгибаемый дух.

Рассказ гвардейца

Я видел на фронте
Пехоты летучесть.
Сражались солдаты
За русскую участь.
Пусть нас выбивали,
Как бабки из кона,
Мы бились с врагами
С отвагой исконной.
За Волгой в окопе

Сказал я: «Ребята,
Пора подошла
Отомстить за комбата!
За сёла сожжённые,
Рощи и нивы.
Коль головы сложим,
Оплачут нас ивы...».
И дымные ветры
Допеть не успели –
«Уррра!» закричали.
Штыки заблестели.
И враг захлебнулся
От ярой атаки...
Сейчас там на поле
Склоняются маки.
Погибших друзей
Назову поимённо.
В честь них преклонила
Отчизна знамёна.

Память

Идут-бредут смиренно дни за днями.
У времени не будет седины...
Деревни, как солдатскими ремнями,
Затянуты дорогами войны,
А на дорогах круглые воронки,
Как дыры на изношенных ремнях.
Контуженная яблоня в сторонке
И пепел битв на почерневших пнях,
Орудий неразборчивые речи,
Поля жестокой огненной страды,
Средь пепелищ тоскующие печи,
Вдруг вставшие фрагментами беды.

Четыре года видели мы сами
И маету простуженных колёс,
И избы с помутневшими глазами
И с горечью невыплаканных слёз,
И оттого желанная победа
В судьбе России – красная строка.
Она давно отмежевала беды,
Прославила Отчизну на века.

Рождённая в повозке

Скрипели старые телеги,
По втулки погружаясь в грязь.
По хлябям, вдавливая следи,
Беда над Родиной неслась.
Не потеряв в победу веры,
Сельчане шли четыре дня.
По сторонам трепали ветры
Куделю дыма и огня.
Внезапно с головной повозки
Под детский плач, тележный скрип,
Как стон надломленной берёзки,
Предродовой раздался крик.
Неся судьбу свою веками,
Инстинктом всё постигнув вмиг,
Всплеснули женщины руками
И сразу ринулись на крик.
Священнодействовали стоя
С тяжёлой думой о вдовстве,
И что-то было неземное
В их непонятном колдовстве.
Трясло телегу, как по кочкам...
Писала Дарья мужу днём:
«Вчера у нас родилась дочка,

Давай Надеждой назовём...».
И это имя оправдало
Надежду всех людей страны,
Хотя пройти пришлось немало
Нам перепутьями войны.

* * *

Сегодня снег искрист и колок.
Над баней седенький дымок.
Сюда выпаривать осколок
Придёт знакомый мой дедок.

Я кипятком ошпарю камни –
Огонь пройдётся по нутру.
И после ловкими руками
Ипату спину разотру...

Я на полке Ипата парю,
Сам от жары едва терплю.
Мне дед кричит: «Спасибо, паря,
Хлещи, чтоб вышибло соплю.

Осколок страгивай с прикола,
Гони его в обратный марш.
Недавно спрашивала школа:
Как выйдет, нам в музей отдашь?

Металл немецкий мне не жалко.
Хошь на помойку, хошь и вам...».
Ипат мне говорит: «Не жарко».
Я говорю: «Ещё поддам».

...Он умер не на поле брани,
Скончался через месяц в бане.

Блестит стернёй его щетина.
А рядом данная страной
Медаль «За взятие Берлина»
Лежит уменьшенной луной.

Золотая свадьба

Говорил он когда-то дивчине,
Углядев её в светлом окне:
Ты красивой была при лучине,
А при солнце прекрасней вдвойне.
Поженились... Сыны подрастали...
Вот и внучек седьмой родился...
Вот и свадьба шумит золотая
И гуляет Берёзовка вся.
На груди у Егора медали:
На войне и в работе был крут.
Их под Брестом, на Одере дали
И в колхозе за пахарский труд.
Пляшет дед, как заправский мужчина,
Удивляя энергией всех.
– Эй, Ариша, зажги-ка лучину,
Как в старинушку...
Топот и смех.
Дедов внук – избалованный Борька
Тоже ладит с припляскою в круг.
Кто-то крикнул пронзительно:
«Горько!»,
Электричество выключил вдруг.
Но по-прежнему пели медали,
Светлый звон их летел в потолок.
До утра в неизвестные дали
Всё скакал над избою конёк.

Вечный огонь

Под шатром нескончаемой сини
У живого огня я стою.
Потому и не пала Россия,
Что сыны её пали в бою.
Полыхает суровое пламя,
Обелиск не уходит с поста.
Может, это не пламя, а знамя
Вдруг свои разомкнуло уста.
Мне понятна геройская сила,
И понятен язык для меня.
Это Родина нас научила
Правде века
и правде огня.

Тамара Калёнова

Тыловой город

из романа «Университетская роща»

1

Карповский переулок, скромный по своим размерам и вдлинь, и вширь, в морозное январское утро выглядел нежилым. Ещё не вынимались железные полосы и не отпахивались ставни. Многие не открывались давно: снеговые колпачки на штырях-засовах нетронуты. Люди берегли тепло.

Лидия Палладиевна Сергиевская, учёный-ботаник, заведующая Гербарием Томского университета, возвращалась с совещания, на которое были приглашены медики, учёные, аптечные работники, хозяйственные и партийные организаторы. Обсуждался один вопрос: выпуск продукции для фронта. Бывший йодный заводик с химлабораторией стал очень важным объектом – наравне с производством боеприпасов. На предприятии, выпускавшее скромную продукцию в виде мазей, пластырей и жидких экстрактов, была возложена задача вырабатывать наркозный эфир, висмуты, молочный сахар, медикаменты в ампулах, пантокрин, ксероформ, перевязочные материалы... Остро стоял вопрос о сырье. Где, какими силами брать необходимое количество лекарственных растений, плодов шиповника, рябины, черёмухи, смородины, пихтового масла?..

– Обратиться к населению, – предложила Лидия Палладиевна.

– Может, и к знахаркам? – задал кто-то неумный вопрос.

– И к ним тоже. У меня есть адреса, – ответила она. – Сейчас не время решать, чьё самолюбие пострадает. Надо спасать раненых.

Собрание поддержало только часть её предложения – обратиться к населению: сдавать дикорастущие. «Народную» медицину решили не беспокоить. Дальше разговор перешёл на другую, тоже острую тему: о производственных площадях. Заводу передано здание паточной фабрики, а также оборудование московских заводов имени Карпова, Семашко, алкалоидного и «Акрихина». Ожидалось прибытие фабрики перевязочных материалов имени 8 Марта. Завод реконструировался с колёс. Строили сами заводчане. Стройматериалы изыскивали на месте.

Лидия Палладиевна ушла с совещания недовольная собой: вылезла со знахарками...

Выйдя на проспект, заметила, что и здесь много не отворенных ставен, а высокие окна, обрамлённые старинной деревянной резьбой, завешаны стёгаными одеялами. Холодно.

За спиной коротко гуднул паровоз. Лидия Палладиевна сошла в сторону. Она всё ещё не могла привыкнуть, что по центру города проложен рельсовый путь – для прямой связи вокзала с оборонными предприятиями. А их в Томске за минувшее лето и осень появилось свыше тридцати.

Недостроенный томский «Сибэлектромотор» принял прославленную ленинградскую «Электросилу», московский электромоторный и ярославский электромеханический. Бывший томский «Металлист» размещал у себя ленинградскую «Пневматику», конотопский «Красный металлист» и харьковский завод маркшейдерских инструментов. В старых солдатских казармах уже начали работу московские предприятия «Фрезер» и Первый подшипниковый завод. В старинном здании у Базарной площади разместился московский резино-технический завод

«Красный богатырь». А железнодорожные составы всё прибывают...

Безостановочно шли и эшелоны с ранеными.

За короткий срок население Томска увеличилось вдвое. Не считая заводов, сюда прибыли пятнадцать учреждений, шестнадцать институтов и учебных заведений, детского дома, госпитали, смоленский пионерский лагерь и почти пятьдесят тысяч жителей из оккупированных фашистами территорий. Казалось, город не выдержит и разорвётся, словно паровой котёл, в котором беспрерывно поднимается давление. Но он выдержал. И продолжал выдерживать. Только изменил свой облик. Погружены во тьму дома и улицы. Суровы лица горожан. Захваченные врасплох сибирской зимой, эвакуированные кутались кто во что горазд, иной раз вместо валенок натягивая на ноги рукава промасленных ватников или бушлатов. Старожилы одеты немногим лучше. Стёганая одежда и стёганая обувь заменили меховую и валяную. Всё, что поновей, отправлялось на фронт. Всё для фронта. Всё для Победы.

Война всегда обрушивается на плечи народа внезапно. И тут главное – не растеряться слишком, упереться и встать.

Особенно тяжело было осенью. Станция забита составами с эвакуированным оборудованием. Его нужно разгружать. Срочно. Немедленно. Сверхсрочно! А нечем. Весь транспорт, даже лошади, ушли на фронт. Остались только руки. И город подставил их под многотонную тяжесть станков. Придумали «ковры-самолёты» – железные листы, на которых волокли станки по грязи и мокрому снегу.

Впрягалась в эти ковры-самолёты и ботаник Сергиевская, когда звали на разгрузку университет. Запомнила их скрежет и визг, и «свободный полёт».

Теперь вот новая, точнее, старая беда: холод. Холод мешал думать, жить, отвлекал на себя и без того не богатырские силы. В борьбе с ним приходилось двигаться

по городу перебежками, отогреваясь в подъездах домов, учреждений, в немногочисленных магазинах. От частых растираний кожа на лице стала шероховатой, жёсткой, словно солдатское сукно. Колени теряли чувствительность, сколько ни стучи по ним кулаками.

От Карповского Сергиевская двигалась такими перебежками. Миновала почтамт, преодолев соблазн зайти туда и погреться. Добежала до электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. (Он пока что обитал в собственном здании; остальные вузы уже перекочевали в подсобные помещения, отдав свои площади оборонным предприятиям.)

В вестибюле было немногим теплее, чем на улице, но хотя бы не дул ветер. Лидия Палладиевна потёрла колени. Ждала, когда начнёт покалывать... Чтобы не терять времени даром, стала изучать свежие плакаты «Окна ТАСС».

«В Сибири зимы люты, не теряй же ни минуты!» – о заготовке дров.

«Он тащит всё: часы, подушки, ботинки, даже детские игрушки» – о мародёрстве фашистов на занимаемых территориях.

Рисунки выразительные, напряжённо-злые. Изломанные линии, много чёрного цвета. В Томске уже привыкли к этим плакатам в витринах магазинов, в учреждениях. В Москве «Окна ТАСС» начали выходить с 22 июня 1941 года. Автором первого «Окна...» стал Михаил Михайлович Черемных, уроженец Томска.

«Интересно, а кто автор наших «Окон...»? – подумала Лидия Палладиевна. – Ага, Щеглов... Тот самый? Но ведь он давно покинул Томск и уехал в Харьков... Ах, да. Харьков... Стало быть, война вернула художника в Томск».

С новым, почти родственным чувством она вглядывалась в плакаты. Фашист с курицей подмышкой вызывал гадливость, наш солдат-богатырь – гордость. Молодец Щеглов. Хорошо рисует, правильно. Нас бьют – а мы креп-

чаем! Только так. Русского солдата, считал Бисмарк, мало убить – надо ещё и повалить. Вот именно.

Лидия Палладиевна ещё раз взглянула на работы Щеглова. Рисунки сделали своё дело: она согрелась. Более того, в ней поднялось какое-то злое веселье: нас бьют, а мы крепчаем! Оттянула на себя тяжёлую дверь и окунулась в улицу, словно в прорубь.

У входа в Университетскую рощу пришлось остановиться: из ворот выходила рабочая студенческая колонна: «Даёшь котлован!». Солдатская выправка, слаженный шаг, взмах правой рукой... Только вместо винтовок на плечах лопаты, лезвием вверх. «Лопастые снаряды, – шутят студенты. – Героический струмент!»

А что, и правда, героический.

Возле библиотеки колонна затопталась на месте. Сверху, от Индустриального института, спускалась такая же колонна студентов, с такими же «лопастыми снарядами».

Представители двух старейших сибирских вузов шумно поприветствовали друг друга. Колонны потекли дальше. Ушанки, ватники, штаны-стёганки. Не разберёшь, где юноши, где девушки. Впрочем, девушек явное большинство.

От колонны отстал какой-то очкарик и перед входом в Научную библиотеку что-то быстро начертил варежкой на снегу. Потом, довольный, побежал догонять своих.

«Если учёбе мешает любовь, к чёрту такую учёбу!» – прочитала Лидия Палладиевна. Улыбнулась. Гекзаметр? Удивительно. Студенческий юмор непредсказуем и, кажется, неистребим.

В хорошем состоянии духа она вошла в библиотеку. На короткое время припала к «грелочке». Железная печка, которую в западном Зауралье звали буржуйкой, а сибиряки ласково именовали грелочкой, старательно рассылала слабое тепло, не в силах растопить ледяные наросты над входом и по углам.

И всё-таки это была печка. Грелочка.

В библиотеке горел свет. Бесшумно и деликатно ходили с книгами библиотечные служители, за столами сидели профессора и преподаватели, редкие группы студентов. Умственная жизнь продолжалась вопреки всем невзгодам, холоду и тесноте. Главный корпус университета занял цех электролампового завода. Точнее, двух заводов – Московского электролампового и Запрудненского стекольного. Там теперь день и ночь вязко ухают прессы, тянут свою вечнорабочую песнь станки, рождаются самолётные лампы. А библиотека стала теперь главным корпусом.

Какое-то время университет был вообще на грани закрытия. Лаборатории свёрнуты, лучшие помещения отданы под госпитали и военные предприятия. Лекции читать негде. Ночами студенты работали на заводах, в речном порту, на вокзалах. Валили сосны в Тимирязевском леспромхозе, волокли дрова с заречной стороны по льду Томи. Сдавали кровь для раненых. Стипендии отменены ещё в сороковом году – в Фонд обороны. Студенческий паёк – 400 граммов хлеба. Как учиться? Какими силами?

Колебнулась было и дирекция: не закрыть ли университет, хотя бы на время? Студенчество и преподаватели воспротивились: нельзя закрывать! при Колчаке выстояли, не закрывались, и сейчас выстоим!

Лидия Палладиевна открыла ключом дверь. Не раздеваясь, окинула взглядом свои владения. Коробки с гербарием на месте. Книги на месте. Портрет Учителя, профессора Крылова, на шкафу.

Темновато. Сквозь замороженные с обеих сторон окна дневной свет едва-едва брезжит: нет у него сил преодолеть ледяные бастионы.

С надеждой и привычным опасением Лидия Палладиевна тронула выключатель и с облегчением вздохнула, когда над столом затеплилась лампочка.

– Отлично, – сказала вслух и стала готовиться к работе.

Свет в квартиры давали по списку. В первую очередь профессорам и заведующим кафедрами. Лидия Палладиевна в этот список не входила, домой не спешила, старалась как можно полнее использовать те часы, когда электроосвещение подавалось в библиотеку.

Она сняла пальто и набросила его на плечи: работать «в рукавах» очень неудобно. Из ящика стола достала «спецодежду» – шерстяные перчатки без пальчиков (чтобы чувствовать карандаш). Разложенные на столе бумаги молчаливо напомнили о той мысли, которая была прервана вчерашним внезапным отключением электричества. Вот эта мысль. На болотах томской земли растёт несколько видов рода *Sphagnum*. Из них сфагнум средний – наиболее хрупок, имеет длинные побеги, большие головки от беловатого до красного и бордового цвета. Другие мхи – более мелкие, но густо покрытые листочками по бурому или коричневому, или зеленоватому стеблю; их особенно много по окраинам верховых болот...

Лидия Палладиевна подышала на пальцы и продолжила: «Все эти мхи обладают высокой всасывающей способностью и могут использоваться как перевязочный материал, даже в хирургии, при лечении гнойных ран. Особенно мох торфяной, белый. Следует различать: 1 сорт (как перевязочный материал) – стебель более 20 см; 2 сорт – 10–20 см; 3 сорт – 7–10 см. Сбор с мая по сентябрь. Производить сбор железными граблями с зубьями или вилами с загнутыми рожками. Сушка – прямо на болоте, или на суходолах, стеллажах, козлах. Прессовать вручную, в кипы...».

Слова ложились отрывисто, словно в приказ. Лидия Палладиевна не особенно заботилась о стиле, об отделке фразы. Главное – смысл. Главное – точно и просто. Памятку сборщикам распечатать типографским способом, а если не удастся – размножить обычным переписыванием.

Она стремилась быть краткой и полезной. Мох – это очень важно.

Но также важно рассказать, как собирать спорынью. Из неё готовятся препараты для свёртывания крови. А ещё очень-очень нужны витаминоносители: шиповник, черемша, рябина, смородина, земляника, брусника. Но с ними проще. Сибирское население давно умеет их заготавливать. А вот о ликоподии (споры плауна) придётся рассказать подробнее...

Погрузившись в работу, она перестала замечать холод, забыла о времени, о том, что за окном Васильев месяц, хозяйин-январь. Она была вся там, в красном лете. В сухом океане – в степи. Или в тайге, на болоте. В глубине зелёного мира.

Зелёный цвет – от слияния синего с жёлтым. Поэтому лиственная одежда – древесная, огородная, полевая, водяная – бывает ярче, мутнее, голубее, желтее... По цвету можно определить качество растения, его здоровье, полезность. Как, какими словами передать незнакомым людям, которые выйдут с Памяткой в поле, свои наблюдения, знания, свой опыт, – чтобы они успешно и тщательно совершили своё очень важное дело?

Трудное это дело: уложить на бумаге слова, да не замертво, а чтоб в точку, в боевой порядок. Чтобы и они били по врагу. Что нам полезно, то противнику во вред. И шиповник с брусникой могут службу сослужить, раненого быстрее на ноги поставить. Стало быть, и они солдаты...

В дверь постучали.

– Да! Да! – отрывисто и сердито отозвалась Лидия Палладиевна. Нахмурилась. Не любила, когда мешали.

Но вошёл человек, которому она всегда была рада, и лицо её разгладилось.

– Воюем? – бодро спросил профессор Токин, протягивая для рукопожатия широкую рабочую ладонь.

Где уж нам, тыловикам. Так, по мелочи...

– Не скажите, – возразил Токин. – Вижу, Памятка уже готова. Быстро! Сверх всякого срока.

Лидии Палладиевне приятна его похвала, но вида не показывает: брови сдвинуты, губы поджаты.

Борис Петрович, не обращая внимания на её настроение, принялся жадно читать Памятку. Прекрасная «есенинская» шевелюра, в которой уже заметны серебряные нити, мешает ему, закрывая половину лица. Токин машинально всаживает в неё пятерню, отодвигает. Широкоплечий, широкоскулый и большеглазый, он весь заряжен какой-то загадочной энергией, жизнелюбием и упорством. Нет, право же, в нём действительно много есенинского. Не одна лишь шевелюра.

Лидия Палладиевна подумала о том, что не случайно именно Токин стал во главе томского Комитета учёных, созданного 3 июля 1941 года. И в постановлении, принятом на собрании научных работников, слышится его голос:

«Общее собрание научных работников города Томска приветствует образование Государственного Комитета Обороны. Томские учёные считают себя мобилизованными и готовыми выполнить любое задание нашего правительства и нашей партии в Великой Отечественной войне против коварного врага – представителя грубого варваризма, разрушителей культуры и поработителей свободы человеческой мысли. Мы знаем, что для достижения победы над врагом потребуется немало жертв, но мы готовы вместе с многонациональным 200-миллионным советским народом на любое самопожертвование. Вся страна должна быть военным лагерем. Сейчас настало время, когда учёные мобилизуют все области естествознания и техники на обслуживание непосредственно нужд войны.

Мы полностью согласны с обращением Академии наук СССР к учёным всех стран и даём красноармейскую клятву в том, что мы направим все наши мысли, все наши знания, всю нашу волю и силы на то, чтобы вместе со всем моно-

литным народом победить врага и полностью его уничтожить».

Это была действительно красноармейская клятва, и Сергиевская дала её вместе со всеми. В её глазах Токин был командиром, а она – солдатом.

Дочитав Памятку, Борис Петрович поднял глаза:

– Неплохо, – задумчиво сказал. – Неплохо... – потом, спохватившись: – Что же вы стоите? Или я ваше место занял?

Лидия Палладиевна придвинула табуретку к столу. Села.

– Знаете, чего не хватает в вашей работе? – спросил Токин.

– Знаю. Я допишу... Кора ивы, корни кровохлёбки, калина, берёзовые и сосновые почки, черёмуха, ромашка, сушеница болотная. А также корни аира и одуванчика.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Токин. – Это вы не пропустите! Но я о другом...

Лицо его приняло виновато-просительное выражение, которое появлялось, когда он вынужден был пользоваться данной ему властью и вторгаться в чужую работу.

– Давайте вставим в конце Памятки пункт о премировании за сборы. А? Чтобы люди работали ещё активнее. С настроением. А? Особо отличившихся будем награждать. Соль, кондитерские товары, керосин, спички, табак, мыло хозяйственное, топоры, вилы, грабли, хлопчатобумажный лоскут, школьно-письменные принадлежности, лопаты, замки и пилы.

И что – всё это писать?!

– Непременно. Всё. Такие товары у нас, хоть немного, но есть. Будем награждать.

Но...

– Вы хотите сказать, какое это имеет отношение к ботанике? Имеет, дорогая Лидия Палладиевна. Имеет. Сейчас всё имеет отношение ко всему. Понимаете?

Не совсем.

– Всё равно, я прошу вас, пишите. Не сомневайтесь. Этот пункт – правильный!

Лидия Палладиевна принялась покорно дописывать: соль, мыло, топоры, пилы... Она не знала, что Токин только что выдержал бой, доказывая в Комитете, что людей, самоотверженно и тяжело трудящихся на оборону, нужно не только контролировать и словесно хвалить, но и поощрять материально. «Мы так развратим патриотически настроенных людей!» – возражали ему. «Нет, развратить можно красивой ложью и обманом, – спорил Токин. – Куском хозяйственного мыла невозможно испортить душу. А вот радость от материального вознаграждения способна согреть эту самую душу, поддержать её в лишениях». Токин победил. И спешил закрепить победу.

– Записали? подытожил первую часть разговора Борис Петрович. – Хорошо. Идём дальше.

Вынул из кармана пиджака белый конверт и протянул его Сергиевской:

– Это вам.

– Что это?

– Карточки на военный паёк, – с гордостью пояснил он. Мне?!

– Да, вам. Ботанику, чья работа имеет оборонное значение.

Лидия Палладиевна недоверчиво покачала головой: «За что ж такая честь?».

– За ваши Опорные индикаторные гербарии, которые вы сотнями изготавливаете по ночам. Это не моя придумка. Так решил Комитет.

Сергиевская смешалась, умолкла.

Токин отвёл взгляд. Он понимал душевное состояние маленькой скромной женщины, которая часто называла себя «солдатом науки» и, видимо, впервые осознала, что метафора стала явью.

С первых дней войны лесные ресурсы были включены в сферу внимания Комитета Обороны страны. Раз в неделю из Сибири, в том числе из Томска, лично Сталину докладывали о заготовке спецассортимента – сырья для винтовочных лож и переборок подводных лодок, авиационную сосну, лыжи... (За годы войны Томск поставит винтовочных лож на 270 дивизий). Тысячи заготовителей работали в тайге по Опорным индикаторным гербариям, составленным Сергиевской, как по картам, выполняя военные заказы.

К лесу выставлялись повышенные претензии. На авиасосне должно быть определённое количество слоёв на сантиметр, ограниченное число сучьев, без малейшего признака гнили. Под стать ей требовалась берёза для ружейной болванки. Берёза в годы войны вообще повела себя героически. Из неё стали готовить сверхпрочную фанеру (пропитка бакелитовой смолой под большим давлением). Она шла на броню для самолётов и заменяла металл. А в подшипниках выдерживала такую скорость и нагрузку, что и металлу не снилось. Заменяла бакаут, железное дерево с островов Тихого океана; из брусков, спрессованных под давлением, изготавливали текстильные челноки... И чтобы деревья – ни-ни в воду! Никакого сплава! Только посуху. Как младенцев – на руках...

Кроме военных заказов, сортная древесина шла на рудничные стойки, спальник, пиловочник... Переоборудованные грузовики, газогенераторы «питались» чурочками. Даже корпуса небольших авиабомб начали делать из картона, прессованного с опилками. Вozами добывались лекарственные растения. Словом, лес тоже оказался военнообязанным.

А Лидия Палладиевна по-прежнему считала свою работу сугубо мирной. Понятно её волнение.

Токин вздохнул.

– Хорошо тут у вас, – сказал неопределённо. – От вашей

лампочки у меня даже затылок перегрелся. Как старый мотор.

Улыбнулись. Лидии Палладиевне тоже нравилось тепло крохотной лампочки, когда грела об неё руки.

– Ну, что на совещании? – вернулся к деловому разговору председатель томского Комитета учёных. – Что решили?

Сергиевская доложила. Не хватает сердечных средств, кровоостанавливающих, тонизирующих, ранозаживляющих, болеутоляющих.

– Знаю, знаю, – тревожно сказал Токин. – Надо работать.

– Надо.

– А вы знаете, – вдруг оживился он, – мои-то фитонциды пошли! Да, да! Моя жена Агнесса Григорьевна и профессор Торопцев использовали натуральные фитонциды для лечения гнойных ран после ампутации голени и бедра. Натёрли лук в кашицу, собрали в стеклянный сосуд – и к ране на восемь-десять минут... Опаряли. Результат поразительный. Раны стали закрываться. А Татьяна Даниловна Янович из чеснока получила сативин и успешно лечит у детей дизентерию...

– Поздравляю, – сказала Лидия Палладиевна. – Я всегда верила в вашу теорию.

– Спасибо, друг мой, – растроганно ответил Токин. – Я помню. И веру вашу цену высоко...

Они вновь замолчали, невольно вспоминая довоенное время, когда Токина, открывателя фитонцидов, осмеивали в околонучных кругах.

– А фитонциды – пойдут, – убеждённо сказала Сергиевская. – Чего ж им не пойти? Нужны дополнительные исследования и только. Летучими веществами растения испокон веков защищали себя. Почему бы им не прийти на помощь человеку? В воздухе кедрового и молодого соснового леса почти нет микробов, он стерилен. Эвкалипт по-русски означает «хороший воздух». В Австралии эти

деревья зовут «деревьями жизни». Не случайно в древности так популярны были окуривания.

– Да, да, – подхватил Токин, – Совершенно верно! Я сейчас заканчиваю книгу «Бактерициды растительного происхождения». О фитонцидах. Но мне нужна ваша помощь. Во-первых, я попрошу прочесть рукопись. Так сказать, окинуть критическим взором. Ну а если отыщутся примеры взаимодействия в растительном мире, те, о которых я не осведомлён, буду признателен...

– Непременно, – кивнула Лидия Палладиевна. – Я пересмотрю свои архивы.

Токин взглянул на часы, удивился:

– Ого! А дел-то ещё сколько...

Они прошли в коридорчик, выходивший на узкую лестницу. Борис Петрович вдруг остановился:

Да, что же я не спросил, как ваша научная работа?

– Научная? – удивилась Сергиевская. – Никак. Ушла в прикладную.

– ?

Заканчиваю дикорастущие съедобные.

– Понимаю. И всё-таки, – он дотронулся до её плеча, – мы не имеем права забывать о фундаментальной науке. Не имеем. В науке скидок на войну не будет.

Сергиевская ничего не ответила. Она не знала, что сказать... Что нет сил, не хватает тепла и света? что сон давно превратился в короткое беспамятство, отнимающее короткий отдых? Но это он и сам знает. В науке скидок на войну не будет. Это верно. Но отвечать на этот тезис надо не словами, а действием.

Они спустились по узкой лесенке. Попрощались у двери, обитой оцинкованным железом.

Странная дверь. Всегда заперта на ключ. Таинственная. Непонятная.

– Борис Петрович, а что это за помещение?

– Какое?

– Вот это. Нельзя ли его приспособить под нужды Гербария? И дверь несгораемая...

– Ах, это... Нет, Лидия Палладиевна, э т о – никак нельзя. Придётся вам потерпеть до лучших времён, – он вдруг озорно, по-мальчишески подмигнул ей и понизил голос: – А здесь т-с-с! Военная тайна. Ясно?

– Ясно, – буркнула Сергиевская. – Разыгрываете.

– Ни в коем разе. Чтоб меня фитонциды съели, – поклялся он. – Военная тайна. Точно.

Рассмеялся и, махнув на прощанье широченной рукой, исчез за выступом стены.

3

Наутро Лидия Палладиевна с трудом поднялась с постели. Жар. Слабость. Ноги не держат. Простудилась?

За окном валил непомерно крупный снег. Даже и не снег будто, а куски довоенной белой-белой ваты. Их медленное движение вызывало головокружение. Сергиевская закрыла глаза.

Болела она редко. К медикам никогда не обращалась, справлялась сама. Вот и сейчас привычно подумала: мать – и-мачеха, душица, мята...

Оторвалась от подоконника и заставила себя идти в кухню. «Ничего, – бодрилась, разжигая в печи приготовленную с вечера горючую сушь, бересту, сосновую дра – ночку и клочок обёрточной бумаги. – Ничего, ребятки помогут...»

«Ребятками» она звала травы.

Огонь бойко принялся за дело. Печь ожила, задышала. Лидия Палладиевна очистила большую луковицу, пожевала без соли и хлеба, как яблоко. Горький и пряный корень (луковица и есть корень, а не плод, как думают многие) прочистил сознание. Отвар душицы и мать-и-мачехи

прекратил стеснение в груди. (Липу решено оставить на потом, на сон грядущий.)

– Так-то вот, – неведомо кому сказала Лидия Паллади-евна. – Не свалите.

Застелила кровать суконным одеялом, преодолевая большое желание приклониться к подушке. Походила по комнате. Потом умылась холодной водой, оделась и села к столу.

Есть не хотелось. Работать – тоже. Но если от пищи она могла отказаться (она вообще ела только тогда, когда испытывала чувство голода), то разложенная на столе рукопись и заготовленные к ней «писарские припасы» (полевые заметки, наброски, разнообразная выпись) молчаливо требовали её участия. Эту свою работу – «Дикорастущие съедобные растения» – она не могла отодвинуть на другой срок. Не имела права.

Война – не только взрывы, разрушения и насильственная гибель, это ещё и голод. Смерть медленная и мучительная. С давних времён в блокированных неприятелем городах и посёлках люди вспоминали о крапиве, сныти, одуванчике... И дикие «ребятки» выручали людей.

Вот такое напоминание и хотела создать Сергиевская. Именно так: напоминание. О народном опыте, о борьбе человека за жизнь, о зелёном космосе, малознаемом и слабо изученном, но всегда готовом прийти человеку на помощь.

Крапива, лебеда, одуванчик...

Конечно же, лебеда вспоминается привычнее всего. Не то беда, что во ржи лебеда, а то беды, что ни ржи, ни лебеды! Сеяли рожь, а косим лебеду... Белая марь, гусятинная лапка, дикий шпинат, николаева трава, божий-быт, мучнистый сорняк, только на вид слабый и легко истребляемый, – огородная лебеда испокон веков мозолит людям глаза. Одно из главных десяти сорных растений мира, она живёт повсюду. На грядках, в поле, при дороге, на пустошах, в оврагах, на засоленных и истощённых почвах. От

мари нигде нет спасения, всюду найдёт. Семёна её (на каждом кустике до 70 тысяч!) прорастают не сразу. В этом её природная хитрость: оживать постепенно. Прополет земляпашец свою нивку – тут как тут молодая лебеда! Прополет ещё раз – глядь, а она снова как ни в чём ни бывало красуется, невзрачные соцветия в небо таращит. Культурный хозяин снова повыдёргивает серо-голубо-зелёные водянистые стебли – устоит и на сей раз.

Никогда лебеда не относилась к кухонным овощам – и всегда её употребляли в пищу. Такое вот растение.

Сергиевская перечитала написанное и осталась недовольна: много лишнего. Нужно проще и яснее: как выглядит растение? когда собирать? как применять? Всё остальное оставить для научных или популярных статей, на будущее. Какое дело голодному человеку до того, что марь и лебеда – не есть одно и то же, а даже суть разные, не родственные растения? что в стране произрастает более тридцати видов мари и всего несколько – лебеды. Главное – как выявить съедобный вид?

Она сократила текст, оставив одну страницу. «В пищу идёт обычно марь белая – *Chenopodium album*. Отличить её легко: у неё прямой блестящий стебель, высотой до метра, листья яйцевидно-ромбические, с тупыми зубчиками, с белым мучнистым налётом. Цветки мелкие, зелёные, собраны в клубочки, а затем в метельчатые соцветия. Но использовать листья мари в пищу можно лишь до цветения, когда они ещё сочные, без горечи.

Лебеда раскидистая: листья одноцветные, без мучнистого налёта, нижние – зубчатые, с ушками, а верхние – цельнокрайние, без зубчиков. И марь белая, и лебеда раскидистая богаты аскорбиновой кислотой и применяются как заправка к супам, а также в качестве салатов...»

Молчаливый дружественный мир зелёных растений обступил её. Она даже ощутила его лечебную прохладу, мятный привкус бархатистых листочков, сладковатый

сок тоненьких и упругих дудочек-стеблей. Борщевик, гравилат, девясил, донник, дудник, заячья капуста, ирга, календула, камыш, клевер, коровяк, лопух, Melissa, осот полевой, подорожник, полынь, пырей ползучий, сныть, стрелолист, тростник, черемша, чертополох, ярутка... Она писала о них по алфавиту, коротко, но обстоятельно, стараясь не упустить ничего, рассказать обо всех вкусовых и полезных качествах. А за кромкой листа оставалось ещё море трав и кустарников, которые могли бы поддержать человека в трудный для него час.

Сосновый сок, молодая заболонь, сладкая и пахучая; её можно пить просто так. Сосновая мезга – молодая исподняя кора, ещё не затвердевшая, вместе с грубой заболонью сушится, мелется и подмешивается в муку: в голодные годы еда. Об этом хорошо ведомо и в Сибири, и в Смоленске.

Молодые корни рогоза – тоже в муку. Лучше, конечно, во ржаную.

Одуванчик-раздуванчик. Ну о нём подробнее... Всяк его знает, все видели, да мало кто понимает его пользу из-за горечи. А её просто-напросто нужно у-да-лить! Выдержать в холодной подсоленной воде всего 30 минут – и горечи как не бывало! Измельчить. Если есть петрушка, зелёный лук, соединить, заправить растительным маслом (если есть) – и салат готов. Хорошо бы притрусить его укропом, да уж когда как: найдётся ли сам укроп, великий огородный овощ, древнейшее лекарственное растение, снимающее давление и головную боль...

У берегов рек, болот и прудов растёт ещё одно замечательное растение, которое мало кто замечает. Стрелолист обыкновенный. Его листья действительно похожи на стрелы, торчащие из воды. Подводные листья напоминают ленты. Стебель с соцветием трёхгранный. Цветы белые, чуть голубо-сиреневатые. Расположены по три цветка в виде мутовки.

Но не в ботанических красотах дело. В Северной Америке стрелолист называют «белым картофелем индейцев». В Китае он культивируется как овощ. Во Франции из него готовят ресторанное блюдо. И только в России он пребывает в забвении, в почти нетронutom виде.

А жаль. Клубни стрелолиста, точнее, корневище и висящие на нём, словно орехи, клубни богаче картошки-матушки. Крахмалистые, вкусные, питательные, они могли бы стать при нужде главной опорной пищей. Надо только обратить свой взгляд на этого водяного скромника. Поверить в него.

Позабыв о своём намерении не вдаваться в рецепты, Лидия Палладиевна увлеклась и исписала несколько листов – только об одном стрелолисте.

«В духовке или в золе костра испечь клубни стрелолиста, посолить и есть. Как печёную картошку, очистив от кожуры.

Клубни сварить, очистить от кожуры, растолочь со стаканом молока – вот вам и каша. Хоть для ребёнка, хоть для взрослого.

Вымытые клубни стрелолиста нарезать ломтиками, высушить на солнце, досушить в русской печи и размолоть: вот вам отменная мука для любой выпечки!»

...Она оторвалась от работы ближе к вечеру. Чувство голода сбило мысли, остановило торопливое перо. Рассказать хотелось многое: о травяных чаях, о грибах и ягодах, но силы покинули её. Она уронила на скрещённые руки голову и оцепенела в неудобной болезненной позе. Не двигаться. Не думать. Не страдать. Ничего не желать.

Погасла печь: не найдя себе пищи, огонь слабо побился-побился да и упрятался в ничто. Стало холоднее.

Преодолевая странное полуобморочное состояние, Лидия Палладиевна подняла голову, надела пальто, взяла рукопись «Дикорастущих...» и ушла из дома – к людям.

В библиотеке шла своя жизнь. В вестибюле копились посылки для фронта. В библиографическом отделе продолжался сбор средств на постройку самолёта «Томский университет». В отделе периодики студенты вычерчивали карту с обозначением фронтов и наступательных ударов Красной Армии. Против двух синих стрелок (враг) рисовали семь-девять наших, красных. Количество армий у нас было больше, чем у фашистов. Наступательных ударов меньше. Надсадные шли бои.

Чем ещё помочь вам, дорогие бойцы, чтобы вы устояли, сломали остриё этих зловещих синих стрел?!

Лидия Палладиевна поднялась на третий этаж, в Гербарий. Сердце стучало в ушах, как приглушённый барабан. Может, из-за этого, а скорее всего, по рассеянности, она не услышала приветствия:

– Лидия Палладиевна, здравствуйте, а мы здесь!

Из-за гербарных шкафов выглядывали профессора Вершинин и Ревердатто, в последнее время ставшие «неразлучниками».

– А мы кое-что придумали...

Сергиевская была посвящена в их придумки. Ботаник Ревердатто и фармаколог Вершинин, подключив терапевта Яблокова, усиленно искали лекарства из местного сырья. Их прежде всего интересовали сердечно-сосудистые, болеутоляющие, кровоостанавливающие и ранозаживляющие.

Лучшего трио и представить себе невозможно: Вершинин, Ревердатто, Яблоков.

Патриарх сибирской фармакологии Николай Васильевич Вершинин обладал огромными познаниями в своей области. Ещё в 1935 году он получил образцы синтетической камфары, а уже в 1936-м страна отказалась от ввоза дорогостоящей японской камфары и перешла на отече-

ственную, сибирскую. Николай Васильевич обладал необыкновенным чутьём угадывать, «пойдёт или не пойдёт» растение как лекарство.

Виктор Владимирович Ревердатто – отличный ресурсовед, знающий, где быстрее, доступнее, экономичнее взять сырьё.

Дмитрий Дмитриевич Яблоков – превосходный клиницист, врач милостью Божией. С ним испытывать новое лекарство – горя не знать. Осторожен, терпелив, сто раз отмерит, один раз отрежет, во всём сомневается, но и риска не боится, ответственности.

Сергиевская верила, что эта троица обязательно добьётся успеха. Такие головы, да не смогут?! Как умела, помогала им. Радовалась, когда выпадала возможность быть полезной в архинужном деле.

Сейчас в Гербарии их двое. У Яблокова в госпитале запарка: прибыл новый эшелон с ранеными.

– Ну и в чём дело? – она подсела к дуэту.

– Всё в том же, в шляпе, – Ревердатто снял очки и потёр уставшие глаза. – Нас интересует синюха, а где её коробка, найти не можем. А Эльпас, заведующая Гербарием, шастает неизвестно где...

– И желтушник, – добавил Вершинин. – Из Африки и с Мадагаскара перестал поступать строфант.

– Понятно, – кивнула Сергиевская, не обращая внимание на «шастает неизвестно где». Эльпас – это она. Л.П.С. Лидия Палладиевна Сергиевская. Так они её прозвали; и пусть. – Это вы правильно. Желтушник личность занятная.

Она нашла всё, что им требовалось. Книги, определители, дореволюционные труды Ботанического общества, записи Порфирия Никитича Крылова, не вошедшие в его статьи, сообщения травников, знахарей. Кто знает, может быть, случайно оброненная фраза, полузабытый факт натолкнут исследователей на полезную мысль? Ничем пренебрегать нельзя, ничем.

– Спасибо, Лидия Палладиевна, – поблагодарил Вершинин и как-то очень мило развёл руками: извините, дескать, надоедаем, но – надо...

Этот жест заставил сердце Сергиевской знакомо притихнуть – так напомнил дорогого Учителя, Порфирия Никитича Крылова.

Они вообще очень похожи, Крылов и Вершинин. При всей несхожести внешней. Порфирия Никитича красавцем не назовёшь, хотя он был по-своему привлекателен. Николаю же Васильевичу природа отпустила сполна: мужественное чистое лицо, выразительные глаза, прекрасные и почти не седые волосы, густую, чуть кудрявую бороду, переходящую в изящные бакенбарды и усы. Высокая сухощавая фигура. Сильные руки труженика. Пытливый ум и природная скромность. Словом, Вершинин был на удивление обаятельным человеком, и в свои семьдесят пять лет – красивым. Наверное, он чувствовал это и, как действительно скромный человек, отгораживался от щедрот природы застенчивой, как бы виноватой улыбкой: извините, мол, что так получилось... Улыбка красила его ещё больше.

А похожесть с Крыловым состояла в чём-то ином, не внешнем. Они оба были оттуда, из старой гвардии первых профессоров, первых сибирских учёных. Николай Васильевич, правда, помоложе. Но он тоже из первых. Учился вместе с Кулябко (это он, впервые в мире, оживил человеческое сердце), профессорствовал вместе с Мышем, Рузским, Березнеговским... Из Томска по своей воле не отлучался. Только войны сбивали его с мирного шага. В годы русско-японской войны был на фронте, заведовал госпиталем на полторы тысячи коек. В 1914 – тоже на фронте, в качестве консультанта по токсикологии боевых отравляющих веществ. В то время у него вышла важная работа: «Отравление удушливыми газами». В России практически не было таких специалистов, а Германия коварно стала

применять химическое оружие. Фармаколог с природным дарованием, Вершинин всю свою жизнь делал то, что от него ждало Отечество.

В сознании Лидии Палладиевны ещё со студенческих лет, когда она слушала его лекции на Высших женских курсах, давно устоялся его образ: рыцарь, без лат и шлема, благородный рыцарь. Он и фармакологию преподавал, как отстаивал поле битвы за народное счастье. Он не просто ориентировался в океане лекарственных форм и препаратов, не только слыл эрудитом – непревзойдённый лоцман, он всегда правил к родному берегу. Не щадя сил работал над заменой зарубежных препаратов отечественными.

С первых дней войны убеждал (и убедил!) медиков, что «сибирский бальзам», обработанная пихтовая живица, не хуже перуанского снадобья, превосходно заживляет огнестрельные раны. Да, масляно-бальзамическая мазь академика Вишневого в сочетании с новокаиновой блокадой – отличное средство. Но всегда ли оно под рукой? А пихтовая живица – вот она, лечи, облегчай участь страдальцев-солдат. Не жалуйся на нехватку медикаментов, лечи.

Очень любят его студенты.

...да, – сказал Вершинин, – и пустырник тоже.

– Что, что? – переспросила Сергиевская. Задумалась и пропустила, видимо, что-то важное.

– Пустырник, – подтвердил Ревердатто. – Сначала синюха, а потом пустырник. На черта нам привозная валериана, когда есть сибирский пустырник?

– Блестящая идея, – одобрила Лидия Палладиевна. – Поддерживаю.

Она уже знала об опытах в лаборатории фармакологии по замене валерианы пустырником. Конечно, вековая слава кошачьего корня крепка: непревзойдённое снадобье, входит во многие сложные препараты: нашатырно-вале-

риановую и эфирно-валериановую настойки, в кардиовален, капли Зеленина... Но ведь и пустырник, особенно его сибирский вид, не промах. Тем более – валютные средства не надо тратить. Сибирь-аптека снабдит.

Вспомнив об «особой» папке, порылась в ящиках стола, нашла и протянула её Вершинину. Николай Васильевич надел очки и принялся всматриваться в листочки, исписанные мелким ясным почерком Сергиевской. (Каждый листок помечен: противогнилостные, заживление ран, против цинги, туберкулёза, витамины, ревматизм, сердце, желудок, «от нутра»...)

Многие растения, естественно, ему были знакомы. Над некоторыми он призадумывался. Кое-что встретил с удивлением и даже одобрительным восклицанием.

– Золотая папочка, – уважительно сказал он, переворачивая последний листок.

– Зелёная, – усмехнулась Лидия Палладиевна, тронутая, однако, его похвалой.

– Как минимум, докторская диссертация, – Николай Васильевич ласково погладил затрёпанную обложку. – А?

Сергиевская нахмурилась, ушла в себя, запечаталась. Не переносила она разговоров о диссертациях применительно к себе. Другие пусть защищаются, пусть пишут учёные труды ради степени. Всё это не для неё. Она и звания кандидата биологических наук не искала. Но в 1938 году Ленинградский университет присвоил ей эту учёную степень без защиты диссертации. «Мы признаём в Вас, уважаемая Лидия Палладиевна, авторитет среди ботаников», – было написано в поздравительной телеграмме из города на Неве. Она была счастлива: столица Ботаники признала её работу. Чего ещё желать?

Вершинин и Ревердатто ушли не скоро: «дикие ребята» быстро не отпускают.

Кончалась зима, долгая и немилосердная. Но именно в эту зиму был перейдён перевал напряжения и страдания народного. Люди об этом ещё не знали, не чувствовали и не догадывались. Но он был перейдён. Впереди было ещё много трудностей, великих испытаний. Впереди было возмездное движение на Берлин, утраты и победы... Но главное: народ устоял, урало-сибирская земля стала военно-промышленной платформой, люди не разобщились, не бросились, объятые страхом, в разные стороны, а напротив, сошлись в неразбивную сплотку, в единую силу.

Из этой зимы «тихий город» Томск выходил долго и трудно, подобно тому, как человек возвращается в жизнь после тяжёлой и продолжительной болезни. Сожжены для обогрева почти все заборы, лавочки, сараюшки. Померзли сотни деревьев, особенно одинары (одиноко стоявшие в трубах, на улицах, где постоянно шла студёная тяга с Томи). Месяцами не отворялись ставни, народ не устраивал гуляний в Городском саду и в Лагерях, не расчищались места на Ушайке для катания на коньках, не строились снежные городки для ребячьих забав. Много чего стало не так, как до войны. И всё-таки эти перемены – внешние. Внутренние были куда серьёзнее.

Глубоко не столичный город, надолго укрепившийся в звании студенческого и научного, Томск неожиданно ощутил себя промышленным центром. Это чувство было совершенно новым и непривычным, оно тревожило, возбуждало и вызывало гордость. На многие годы заводские дела стали самыми главными среди всех важных. За всю свою историю томский рабочий класс впервые осознал себя по-настоящему могучим классом, а не прослойкой, социальным вкраплением. Всё в эти годы было подчинено промышленности – и дела, и мысли, и чувства. Всё лучшее отдано ей, её отраслям – машиностроению,

электро-химической, стекольной, оптической; производству боеприпасов... Перестроились и довоенные фабрики. Мирная «карандашка» поставляла для фронта аккумуляторный шпон, «спичка» – зажигательную смесь, которой наполнялись бутылки для битвы с танками, кондитерская готовила концентраты. Колпашевский рыбный завод, породнившись с эвакуированным из Керчи, перешёл на выпуск консервов. Заречный Тимирязевский леспромхоз научился гнуть лыжи, сколачивал волокуши для пулемётов, для вывозки раненых. Артель «Кожмех» ремонтировала полушубки. Окровавленные, изодранные в клочья, посеченные пулями и осколками мин, проколотые штыками, прожжённые огнём и кислотами... Их привозили вагонами.

– Слезами отмываем те полушубочки, горем нашим отшаркиваем, ненавистью к фашистам сострачиваем... – плакали девочки-кожмеховки.

Горели по ночам костры. Люди долбили мёрзлую землю, таскали шпалы, укладывали рельсы. Укрепляли старый мост через Ушайку. Списанные локомотивы стояли на заводских дворах, давая пар для обогрева и на технологические нужды. Город стал походить на громадное чумазое депо. Паровозные сигналы вперемешку с заводскими гудками озвучивали немые сцены томского быта.

Каков он был? Чем была примечательна обыденная жизнь горожан? Что сказать... Она соответствовала времени. Была схожей для тысяч и тысяч сибиряков. Всюду властвовал всесибирский быт. А про тех, кто не попал в эти тысячи тысяч, история и не вспомнит. Сладко есть и мягко спать в лихую годину – значило помогать лютному врагу, покусившемуся на Отечество. Чего скрывать, находились и такие «помощники», да не о них речь – о людях.

Подростки и женщины у заводских станков. Самое почётное звание победителей в соревновании: «фронтальная бригада». Нескончаемый сбор денежных средств, вещей

и продовольствия. На моторостроительном заводе «Электросила» (позже «Сибмотор») Вера Апраксина принесла семейную реликвию – алмазные серьги. Мастера те алмазы вынули и зачеканили в резцы. Цех, чуть было не остановленный из-за отсутствия алмазных резцов, продолжил работу. Студенты, преподаватели, учёные собирали средства на постройку боевых самолётов «Советский вузовец», на эскадрилью «За Родину». Колхозники засевали сверхплановый «гектар обороны». По вечерам и ночам женщины и девушки шили ватные брюки и телогрейки, вязали носки и варежки. Летом пионеры получали совсем не детское задание: вырастить по двести корней табака для фронтовиков...

Много примет военного времени. Много. Столовые превратились в сплошь вегетарианские. В них по-особому чистили картошку (вырезали «глазки» на посадку). Перед горожанами поставлена боевая задача: посадить на каждую семью по четыре сотки картофеля и овощей. Море картофельное должно быть создано. Море!

И вот пришла весна...

Все свободные места заняты под огороды. Даже в Городском саду посадили картошку.

Университетская роща тоже не избежала общей участи. Всё, что можно было перекопать, перекопано. Тёмно-зелёные ряды «сибирского фрукта», извиваясь меж деревьями и вдоль дорожек, незабываемо изменили старинный парк.

«Ничего, – думала Лидия Палладиевна, окучивая крепенькие картофельные кусты, – ничего-о... Мы ещё засадим цветами... Мы ещё увидим поляны с ландышами».

Поляны с ландышами появились не скоро. Белладонна, шалфей, наперстянка, валериана... Эти поляны – да, были.

До войны здесь была окраина. Зброшенные пустыри, заболоченные низины да несколько деревянных домов, уткнувшихся ставнями прямо в землю. 10 мая 1943 года уединение этого уголка были нарушено. В этот день в Томске началось строительство новой электростанции.

ГРЭС-2 строили всем миром.

Единственная в городе теплоэлектроцентраль, ТЭЦ-1, не справлялась с нуждами энергоёмких оборонных заводов. Эвакуированная в начале войны Гомельская электростанция поправить дело не смогла. Город оставался во тьме.

И вновь – долбили мёрзлую землю, носилками отсыпали грунт, рыли котлован, возводили стены.

И всё-таки поставить стены, залить бетонное основание, прорыть траншейные подступы – это оказалось не самым сложным. Почти невероятным делом было получить оборудование.

Шла невиданная по масштабам и жестокости сражений война. На земле, в воздухе, на море. И вот в таких условиях было закуплено в Англии оборудование для Томской станции: один турбогенератор К-12 «Метро-Виккерс» и два котла «Интернешнл Комбастшен» со слоевым сжиганием топлива. Они двинулись по ленд-лизу через Мурманск, Архангельск, Владивосток. Продвижение длилось мучительно долго, несколько месяцев, сопрягаясь с большой опасностью. И вот наконец весной 1945 года оборудование прибыло в Томск.

Горожане высыпали на улицы встречать грузовые платформы с дорогими «путешественниками».

– А котёл-то, котёл как исчиркан пулями!

– Говорят, троих моряков убило, пока везли...

– Три души за электрический свет...

Рабочая разнарядка для университета выпала на 9 мая.

ГРЭС-2 готовилась к пуску первой очереди, и необходимо было помочь в подсобных работах.

Лидия Палладиевна оделась потеплее, проложила старыми газетами издававшие виды резиновые сапоги. Она привыкла к внеплановым выходам на станцию и готовилась, как к знакомому делу.

Вышла из дому. Сыпал мелкий холодный дождик. Туч не было. Сплошная серая пелена, будто намокшая рябина, обложила город со всех сторон.

«Ну и погода, – подумала Лидия Палладиевна, отворачивая лицо от бокового ветра. – Видать, нет для Сибири иной. Только эта и осталась».

Достичь ГРЭС-2 можно минут за сорок. Городского транспорта почти никакого. Правда, в последнее время начали хождение грузовики с выкидным трапом-подножкой, но ждать их приходилось довольно долго. Придётся идти пешком.

Город ещё спал. Серые, тёмные, с потёками стены. Прогнувшиеся латаные-перелатанные крыши. Давно не беленые деревянные кружева. Дряхлые тротуары, в которых сохранилось по одной, две доски. И только резные коньки, фантастические драконы и рыбо-девы на крышах старинных теремов упрямо выгибали в невзрачное небо свои мокрые спины.

Лидия Палладиевна запрокинула голову, любуясь их упорством. Этот дом на Красноармейской, бывшей Солдатской улице, похожий на крепостцу, заступил на тротуар башней, сложенной из лиственницы. Сходство с крепостцей усиливали окна-бойницы.

– Стоишь? – с непонятным волнением спросила она, лаская взглядом старинный сруб. – Ишь ты, каков... – бросила взгляд повыше, на драконов, и, повеселевшая, пошла дальше.

«Нет, неправда, что для Сибири не будет иной погоды, – думала она, преодолевая заполненные грязью низинки. – Не такая это земля, чтобы хиреть и киснуть! Она ещё

вздохнёт и проснётся. И на её площадях забьют выложенные мрамором фонтаны...».

Но до мраморных фонтанов было ещё далеко.

Зато чувствовалось близкое окончание войны. По газетам, по радиосводкам, по слухам и разговорам. Победа не за горами. Она рядом. Вот-вот прогремит её меднотрубный голос... И всё изменится, станет радостным...

В это утро Сергиевская преодолела свой путь за полчаса. Пришла в числе первых, и ей досталась почётная работа: прибирать в турбинном зале.

Здесь было сухо и тепло. Запах битого кирпича заглушался дыханием свежeweыбеленных стен. Несколько мужчин колдовали вокруг турбины. Они походили на тёмных окуней, выныривающих то там, то здесь вокруг железной машины. Сходство с окунями добавляли красные от бессонницы глаза, тощие фигуры и алые повязки на руках спецовок.

Вскоре на подмогу к Сергиевской подросли три девушки, студентки с историко-филологического факультета. Открылся этот сугубо мирный факультет, о котором сибиряки мечтали ещё до революции, в «сороковые – роковые» годы, и это казалось добрым знаком.

За военное время университет подготовил немало нужных для фронта профессий: рентгено – и физико-техники, путевые дефектоскописты, геологи, математики, биологи... Освоил новые предметы. На мехмате – баллистика, теория стрельбы, артиллерийские приборы и управление артиллерийским огнём, на географическом – военная география и аэрофотосъёмка, на биофаке – промысловая ихтиология... Историки и филологи тоже не остались в стороне. Здесь преподавалась методика и организация политико-просветительной работы в Красной Армии, история международных отношений. А главное – на высоком уровне читались лекции по вечным предметам: русский язык, литература, история Отечества...

Юные филологини, напарницы Сергиевской по борьбе с мусором, не обращая внимания на её молчаливую сосредоточенность, болтали о своём. О лекциях академика (из эвакуированных) Александра Ивановича Белецкого, который «ну просто захватывающе даёт русскую литературу!», читали стихи:

Моё поколение –
это зубы сожми и работай.
Моё поколение –
это пулю прими и рухни...

Эти девочки, эти воробьи с прозрачно-синими руками, уже ощущали себя поколением. «Пулю прими и рухни...» – это они и о себе так понимали.

С материнской заботливостью Лидия Палладиевна отбирала у них обрезки тяжёлых труб, старалась быстрее вернуться, чтобы захватить совковую лопату, а им оставить мётлы. Но девчужки сердились, норовили опередить её. Работа неслась вскачь.

Увлечённые жарким трудом, они не заметили, как в цехе произошли изменения. Явились какие-то люди, толпились группами. На лицах напряжённое ожидание, то и дело улыбки... Парнишка в рабочей спецовке тянул откуда-то сверху радиопровод. Фибровая тарелка громкоговорителя, словно чёрная мексиканская шляпа-сомбреро, болталась у него за спиной.

- Тише вы!
- Ти-хо...
- Сейчас будет...
- Внимание!!

Лидия Палладиевна заворожённо уставилась на чёрную тарелку; общее волнение передалось и ей.

– Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём экстренное сообщение. Вчера, 8 мая, в Бер-

лине подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии...

– Ур-ра! – взорвалось вокруг. – Победа!!!

– Господи, неужели...

– С Победой!!

Люди обнимались, кричали, поздравляли друг друга, смеялись и плакали одновременно. Кто-то шлёпал по плечам Сергиевскую. Она пожимала кому-то руки. Девчонки – филологи запели «Огонёк»...

И в этот момент всеобщего ликования вдруг задышала, задрожала турбина. Случайно, или так было задумано, но именно в это время ожило её рабочее тело – пар. Он ударил в лопатки турбины, и ротор пришёл в движение.

Люди с алыми повязками, похожие на тёмных окуней, размазывая по лицу пот и грязь, смотрели на дело рук своих, как на чудо. По их лицам было видно, что они не верят собственным глазам. Один из них, пожилой, с пепельной, словно зола, головой, уткнулся лицом в замазученные обтирочные концы и плакал.

Таким и запомнился Лидии Палладиевне День Победы – святым и скорбным рабочим праздником, с запахом свежeweбеленных стен и зольным привкусом на губах. Победа не снег, сама на голову не упадёт, – говорили сибиряки и старались изо всех сил.

Остальное – как во сне. В университетской роще полно молодёжи. Гармонь. «С берёз, неслышен, невесом слетает жёлтый лист...»

Обхватив друг друга за плечи, за талии, на хвойной подстилке под кедрами вальсировали девушки. Парней немного. Стоят поодаль, курят, танцевать не рвутся: не успели выучиться.

«Ничего, хлопцы, – мысленно подбодрила их Сергиевская. – Это дело поправимое. Будет мир, будут и песни. Уцелеет музыка, найдутся к ней и танцоры...»

На душе у неё необыкновенно – и сладко, и горько враз.

Шестидесятилетние кедры, ссутулив тяжёлые ветви, сверху вниз глядели на это разыгравшееся не по погоде веселье, на девушек в телогрейках, на парней, на женщину в резиновых сапогах, прислонившуюся плечом к корявому стволу, по лицу которой струились влажные полосы – то ли дождь, то ли слёзы. Казалось, деревья что-то понимали, силились понять...

Многоствольный даурский кустарник, гнавший свои деревянистые стебли прямо от земли, наступавший на жизненное пространство кедровой семьи, понимать ничего не хотел. Вытягивал вперёд голые прутья, топорщил колючки и норовил придержать за подол развеселившихся девчонок. Озоровал, как всегда, шалопай.

В этот день пробудилась старая черёмуха возле анатомки. Ощувив подобие тепла, она заторопилась, погнала к спящим почкам живительный сок. Скорей, скорей... Не терять ни минуты из тех, что отпущены природой.

Черёмуха знала, что нынешняя весна будет ранней.

* * *

Переселяясь с Гербарием на своё довоенное место, в главный университетский корпус, Лидия Палладиевна наконец узнала «военную тайну» Научной библиотеки ТГУ.

В двух её комнатах, с окнами, забранными решётками и глухими ставнями, с дверями, обретшими противопожарный вид, хранились бесценные сокровища: рукописи и реликвии архивов и музеев Пушкина, Льва Толстого, Горького и Есенина.

В августе 1941-го, в обстановке большой секретности, «во исполнение ответственного правительственного задания», в Томск начали прибывать ящики из Ясной Поляны. К ноябрю первая комната – толстовская – была забита до отказа. Во второй разместили фонды Пушкина и Горького, а также рукописи Есенина.

Вот что находилось за той таинственной дверью, береглось, и сбережено было. Понятны стали и строгая секретность, ночные дежурства, и старые зипуны и шляпы, вывешенные для просушки во внутреннем дворике и тоже охраняемые.

После Победы опустели эти комнаты. Святые для русского человека реликвии вернулись туда, откуда были вывезены из-под огня и бомбёжки. Но противопожарные двери целы до сих пор. Они напоминают о том, что было, что прошло, но не исчезло, ибо история всегда рядом, в живой памяти людей.

Владимир Шкаликов

Первый

Жил на свете бездарный мальчик. Не было у него ни в чём никакого таланта.

Посмотрите на его друзей.

Митя лучше всех в классе ездит на велосипеде. И без рук, и спиной вперёд, и монетку на ходу с земли поднимает.

Евгеша – первый мастер по дереву. Хоть ложку, хоть скульптуру – было бы из чего.

Надя – самая красивая.

Игнат – точно будет изобретателем. В математике и в шахматах не имеет равных, любое устройство соберёт, разберёт и усовершенствует.

Толя хоть и в очках, зато круглый отличник.

Оля – дерётся лучше всех и самая добрая.

Антон – самый сильный. Кого угодно подбросит над головой и не уронит.

Гришка – снайпер.

Гошка – художественный чтец. Он так прочёл со сцены поэму «Беглец», что вся школа зовёт его Гаруном.

Алик – боли не боится. Хоть огонь, хоть иголка – ему одинаково нипочём.

Ульянка – никогда не устаёт. Она в походе трое суток не спала, все свидетели.

Мефодий – вышивает гладью такие картины, что не всякий художник нарисует.

И так далее! И тому подобное! Каждый-каждый хоть в чём-нибудь да лучше всех, и его за это уважают. Так у людей испокон века: имеешь какой-то дар, не ленишься, развиваешь – и вот у тебя уже талант...

У Максима способностей не было НИКАКИХ. Ни к чему. Ни в чём. Понятно?

Пока был совсем маленький, это его не удручало. Даже не беспокоило. Но чем старше становился, тем больше понимал свою неудачу.

С кем дружит самая красивая Надя? С Гошкой, потому что ей нравятся красивые слова.

С кем дружит драчливая и справедливая Оля? С умным Игнатом, потому что его надо защищать, о нём надо заботиться.

С кем дружит самый сильный, Антон? С Евгешей, потому что Евгеша научит мастерству.

И так далее, и так далее.

С Максимом они все тоже дружат, но не так. У них просто общая компания. А внутри любой компании есть ещё особая дружба. Вот такой-то у Максима и нет. Он всем помогает, он у всех на побегушках, за это к нему хорошо относятся, за это его и держат рядом. Такой человек в любой компании нужен. В хорошей его не обижают, в плохой над ним издеваются. А ему всегда – каково? Настоящего-то уважения нет. У всех между собой какие-то дела, даже тайны, а тобой просто помыкают. И тайнами, конечно, не делятся. И никто не спросит: «Максим, как ты думаешь?..». А всё из-за того, что ты ни в чём не лучший.

Стал Максим тосковать, когда подросток. Но компании своей держался: одному ещё хуже.

Драчливая Оля его жалела и, когда нужно, защищала, потому что к самозащите у Максима способностей не было, а обидеть такого норовят многие.

Оля при этом говорила:

– Ты, Макса, не вешай нос. Твоё от тебя не уйдёт.

«А что моё? – думал Максим. – Может, ничего моего и на свете нет?»

Он говорил об этом Оле. Она успокаивала:

– Зря так думаешь. У всех есть, значит, и у тебя найдётся.

Ты только рук не опускай, не сдавайся. Ты ищи и старайся.

А Максим и так старался.

Он вычитал в книге слова знаменитого человека: «Если быть, так быть первым». Этим словам он решил следовать всю жизнь. И начал искать, в чём же ему можно стать первым.

Игнат – умный от природы. Первым среди умных Максиму не стать.

Антон – сильный от природы. Как Максим ни тренируйся – никаких надежд.

Чтобы лучше Мити ездить на велосипеде, надо иметь велосипед, а Максиму не покупают: боятся, не убился бы.

Алик боли не боится – это тоже природное. Максим попробовал терпеть, но понял, что Алика он не перетерпит. Да и ни к чему.

Евгешу в мастерстве тоже не превзойдёшь – у него папа краснодеревщик, а мама – скульптор. Талант от рождения.

Про очкарика Толю говорить не приходится и думать не стоит.

С Мефодием тягаться неохота, потому что не мужское это дело – вышивка гладью.

Ульянка? Максим пробовал никогда не уставать, это было бы замечательно во всех отношениях, но очень скоро заболела голова, и он сам не заметил, как заснул.

Превзойти Гошку в художественном чтении Максим пытался, но опять подвели природные данные: ни голоса, ни солидности.

Оставалось либо научиться стрелять лучше Гришки, либо лучше Оли драться. Но состязаться с девчонкой в боксе Максиму было неудобно, и он пошёл в стрелковую секцию.

Когда Максим заканчивал школу, он стрелял почти так же, как его друг Григорий. Но всегда немного ему уступал. Не хватало, наверно, таланта, потому что терпенья и старанья было в избытке.

Оля его подбадривала:

– На следующих соревнованиях стрельнешь лучше Гришки.

Вместо следующих соревнований Максим оказался в окопе.

Соревноваться ему пришлось с пилотом «мессершмитта», и его винтовка оказалась точнее всех пулемётов фашиста – самолёт врезался в землю.

В тот же день Максим остался прикрывать отход своего батальона. Он остановил столько автоматчиков, сколько было при нём патронов. Последнюю из четырёх своих гранат он израсходовал на себя и на тех фашистов, которые пытались взять его в плен.

Бездарный мальчик Максим первым из своего класса пал смертью героя, защищая Отечество.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Раньше ящик висел на столбе у калитки. Старая калитка вела во двор. А во дворе хмуро темнел старый дом. Жили в доме старик со старухой. Ждали внука с войны. А внук всё воевал, всё не ехал. Только письма писал. Вот из-за него ящик и повесили. Кроме внука писать-то старикам было некому. Их сын и жена их сына погибли ещё на прошлой войне.

Письма с войны приходили по-разному. Бывало, неделями почтальон носил одни газеты. А бывало, опускал в ящик сразу два-три письма. Известное дело – с войны доставлять почту не так уж легко. Но старики, наверно, этого не понимали: они заглядывали в ящик по несколько раз в день.

Газеты они читали внимательно, только там об их внуке ничего не было. Часто называли там взятые города, отличные полки. Попадались имена солдат и офицеров. Но

имя своего внука старики и не ожидали увидеть в газетах: работа у него была секретная.

Из-за этой секретности писал им внук не о своей работе, а о разных смешных случаях из солдатской жизни.

«Враги совсем не умеют стрелять, – писал внук. – В меня, например, за два года ни разу не попали. А когда мы идём вперёд, они разбегаются во все стороны».

«Два дня назад, – писал он в другом письме, – один наш совсем неопытный солдат нашёл вражескую мину. Он думал, что это простая болванка, и стал заколачивать миной гвоздь. И мина не взорвалась, потому что была изготовлена в конце месяца».

Старики читали эту чепуху и не смеялись, потому что из газет они знали, как стреляют враги и какие у них мины. Но они радовались тому, что внук пишет, – значит, живой.

Старый почтовый ящик шептался с газетами и письмами и, разумеется, знал все новости. Но он, конечно, никому ничего не рассказывал – ни воробьям, которые садились на калитку, ни кошке, которая охотилась на воробьёв, ни собаке, которая лаяла на кошку и уважала почтальона. Ящик знал, что такое почтовая тайна, и вообще любил порядок. Однажды, например, когда его забыли запереть, он до тех пор хлопал дверцей на ветру, пока хозяева не исправили ошибку.

Настало время сносить старые дома, и старик со старухой получили квартиру в первом этаже большого каменного дома. Ящик был совершенно горд, когда его, наравне с кошкой и собакой, перевезли в новое жилище. И совсем не огорчился, когда собаку и кошку пустили внутрь, а его повесили на дверь снаружи. Такая служба, ничего не поделаешь.

Если подняться на несколько ступенек, то можно было увидеть множество новеньких, весело выкрашенных почтовых ящиков, на которых были написаны номера квартир. Но старики упростили нового почтальона опускать

газеты и письма в их старый ящик. Им казалось, что этот ящик должен приносить удачу их внуку: раз уж два года ничего не случилось, то не случится и теперь – враги промахнутся, мины не взорвутся.

Жизнь почтового ящика стала не такой интересной, как раньше. Правда, новости с войны улучшались, дело там шло к концу, однако не было весёлых воробьёв, не было ни солнца, ни дождя, не было ветра, чтобы похлопать дверцей, а кошка и собака больше не ссорились и, когда их выпускали погулять, у двери задерживаться не любили – сразу мчались на улицу. К тому же повадился хулиганить мальчишка с восьмого этажа. Он почему-то злился, что всем носят письма на лестничную площадку, а старикам – отдельно, в собственный ящик. И он придумал подлость: раздобыв спичку, чиркал ею о стену и бросал огонь в почтовый ящик. Это было крайне опасно: два раза газеты начинали тлеть, а однажды обуглился край конверта. Ящик сердился и всё время обдумывал план: как бы покрепче прищемить злодею пальцы.

И такой день наступил, хотя он и стал самым несчастным днём в жизни почтового ящика.

Хлопнула дверь подъезда, мелькнула в ярком свете фигура почтальона, опять наступил полумрак, но когда почтальон доставал из сумки тонкий казённый конверт без марки, ящик легко разглядел суровость его лица.

Тонкий конверт упал на дно ящика, а почтальон, который при каждом письме радостно звонил старикам в квартиру, на этот раз молча и быстро ушёл. Впрочем, в тот момент стариков не было дома

– Что случилось? – проскрипел ящик. – Дурная весть?

– Хуже не бывает, – ответил со вздохом конверт.

Внутри конверта было тихо. Дурные вести всегда молчаливы.

– Да-а-а, – проскрежетал ящик, – зря они понадеялись на мою удачу.

– Лучше бы мне потеряться, – конверт снова вздохнул. Ящику эти слова не понравились.

– Как же это, голубчик, понимать? – сказал он сурово. – Как вы могли даже подумать?.. Что бы там ни случилось, а попрошу не забывать: мы с вами на службе, и служба – превыше всего!

– Служба для вас выше сострадания? – простонал конверт.

– Увы, это так, – сухо сказал ящик. – И дело вовсе не в том, что я железный, а вы сделаны из живой древесины. Дело в дисциплине. Почтовое отправление должно быть отправлено и доставлено по назначению и в срок, а если возможно, то и раньше срока. И никаких потерь, никаких утрат! Потери и утраты – дело тех, кого мы называем отправителями и получателями. А наша служба, повторяю, – сохранность и доставка любой корреспонденции, какие бы сведения она ни содержала. Вы согласны, Дурная Весть?

Ответа не последовало. Внутри конверта сохранялась гробовая тишина.

– Что ж, – проскрипел ящик. – Молчание – знак согласия.

В эту минуту снова хлопнула дверь, и в подъезд влетел мальчишка с восьмого этажа. В руках он держал спички и тетрадный листок, свёрнутый жгутом. Быстро оглядевшись, хулиган чиркнул спичкой, поджёг свою бумажку и, оттянув пальцем дверцу ящика, сунул туда огонь.

– Н-н-ну! – лязгнул ящик. – Дер-р-ржись!

Он напрягся и прищемил мальчишке палец. Хулиган взвизгнул от боли и рванулся. Но ящик не отпускал. Вставленная в щель бумага хорошо разгорелась и прижгла палец.

Пусти! – завопил мальчишка.

– Хе-хе, – ответил ящик.

Мальчишка взвыл, отчаянно рванулся, ободрал палец до крови, но всё же освободился. В три прыжка он достиг лифта и, поскуливая, уехал к себе на восьмой этаж.

В ящике между тем бушевал огонь. Пока щель, благодаря пальцу, была широка, успел на сквозняке разгореться конверт, и спасенья Дурной Вести уже не было. Вот тут-то ящик и услышал её голос:

– Какое счастье! – вопила Дурная Весть. – Никому и никогда не выпадало такой радости! Славный, замечательный, великодушный мальчишка! Превосходный, чудесный, спасительный огонь! О, скорее, сильнее, смелее, дотла!..

– Что за глупости? – забормотал ящик. Ему было больно, на нём коробилась краска. – Что за нежности к этому паршивцу? А как же хозяйева?

Дурная Весть вопила, радовалась и не желала отвечать. Она была целиком занята собой. За неё ответил конверт.

– Глупое ты железо! Конверт задышался и уже не заботился о вежливости. – Тебе нас, живых, не понять... У людей горе...

– А служба? – возмутился ящик. – А долг? А дисциплина?

– Подождут, – прошептал конверт, догорая. – Им теперь не к спеху...

Отец

«Спокойной ночи».

Поздний вечер.

В окне – твой заострённый профиль.

Опять не спишь. Меняешь свечи.

И на бумаге сохнут строфы.

Ты электричество не включишь.

Тебе сподручнее при свечке.

Или у раскалённой печи.

Так вроде думается лучше.

«Что пишешь?». «Строго между нами, –

сказал ты раз вполне серьёзно. –
Приходится писать стихами,
поскольку не даётся проза».
Но и стихи тебе, смотрю я,
не очень-то, старик, даются.
Вон, по утрам сидишь, горяя,
и пепел стряхиваешь в блюдец.
«Что пишешь?» Раз, когда все спали,
ты мне сказал: «Хочу о лете...
Как в сорок первом наступали...
Как отступали в сорок третьем...»
«А в сорок первом... было разве?»
«Чтоб наступали?» «Да. Ведь летом...»
«Немного – да. Не бой, а праздник!
Да трудно рассказать об этом...
Как реактивные снаряды
над головой летят, ты видел?
Вот так и было. Дали гаду...
И гнали – в самом лучшем виде!»
«А что потом?» «Да не хватило
тогда «катюш», вот и бежали.
Да землю рыли, да лежали
в земле... Теперь – закоротило.
Вот дай винтовку, дай лопату –
и окопаюсь в лучшем виде...
Но чтоб стихи писать солдату...»
«Зачем же ты?..» «Да я в обиде:
всё о других рассказы слышу –
Бакланов, Бондарев, Нагибин...
А кто товарищей опишет –
моих, которые погибли?
Пишу. И – жгу! Глотаю слёзы.
И засыпаю с петухами...
Я снова перейду на прозу:
не получается стихами...»

Парад Победы

В колонну по три становись
и – шагом марш!
Кто в 21-м начал жизнь,
тот, значит, наш.
В колонну по три, на парад,
на братский пир!
И не являться без наград –
пусть видит мир!
В колонну по три – не впервой.
Равняй носки,
кто в 41-м под Москвой
ходил в штыки.
Смотрите, праздник на дворе!
Сомкнуть ряды,
кто сталинградской в ноябре
хлебнул воды.
Кто помнит Киевский котёл
и крымский ад,
кто видел, как горел Орёл, –
заполнить ряд!
Но тем не место среди нас –
покиньте строй, –
кто малодушно хоть бы раз
оставил бой,
кто, три секунды потеряв,
позднее встал,
когда уже передний ряд
косил металл...
И вот – парад. Идут войска,
примкнув штыки.
Но что так тихо? К ряду ряд
молчат полки.
Не слышно топота сапог.

Сердца молчат.
Из каждой сотни лишь у трёх
они стучат.
Парад героев и теней...
Как смерть, страшна,
Девятым Мая по стране
идёт война.
Колонна по три – от Курил
и до Балкан.
В ней все свои – по взводам, ротам
и полкам.
Мы не стареем и не мрём.
Наш строй – навек.
Нам всем по двадцать.
Не окончен наш разбег...
В колонну по три становись!

Посвящение ВВС (Сон)

Когда ты спал в машине после боя,
его навёл какой-то сукин друг.
И, очутившись где-то над тобою,
он распахнул широкий бомболюк.
Пять тонн тротила, обретя свободу,
взорвали сон и разметали тьму...
А он ушёл в густую ночь, как в воду.
Зенитки мимо били по нему.
Ты умирал без стога, как мужчина.
И лишь когда почувствовал конец,
то попросил: «Спасите ради сына.
Без рук, без ног – я всё-таки отец».
Хоть ты меня на ноги не поставил,
я сам пошёл. А после – полетел.

Но некого спросить, и не представить,
таков ли я, какого ты хотел.
Я не герой, не полиглот, не гений,
я с неба звёзд ни разу не хватал,
но никогда в сплетеньях параллелей,
в сетях меридианов не плутал.
Я знаю ночь. Я в ней – как рыба в море
плыву, кому – я знаю – на беду.
Клянусь, я встречу этот «юнкерс» вскоре
и вышибу из экипажа дух.
Он где-то здесь. По звёздам чёрной тенью
плывёт, как крест, с крестами на боках.
Сейчас придёт конец его везенью.
Ещё чуть-чуть, и он в моих руках.
Ну, вот и всё! Стрелок у них не меткий.
Я уклоняюсь от свинцовых трасс
и бью в упор, давлю на все гашетки...
Их стало меньше. Значит, больше – нас.

Сергей Заплавный

Четырежды воробей

Рассказ

Первым, кого Степан Матвеевич увидел в день своего рождения, был бесхвостый воробей. Он сидел на форточке, осматриваясь, потом спорхнул на пол и принялся выискивать там съедобный сор.

«Интересно, сколько лет живут воробьи?» – подумал Степан Матвеевич, затем вновь сомкнул веки и долго лежал так, без движения, пробуждаясь.

Пятьдесят три года – много это или мало?

В сорок четвёртом он сказал бы, не задумываясь, – много. Тогда его ранило у небольшого латвийского местечка Эргли. В первый и последний раз. Он упал вниз лицом на холодную болотистую землю и не почувствовал боли, только толчок под правую лопатку и непривычную пустоту в ушах. Боль пришла позже, когда он открыл глаза и увидел на обрызганной кровью траве лягушонка. В горле лягушонка что-то беззвучно двигалось, пузырилось. Наверное, страх. И тогда Степан Матвеевич понял, что тоже боится – боится умереть в двадцать лет.

Это чувство не было для него новым, просто к концу второго года фронтовой жизни оно потеряло болезненную поначалу остроту. Многие из тех, с кем вместе участвовал он в первых своих, самых трудных и памятных боях, остались в чёрных октябрьских снегах на Ржевском выступе. А он чудом уцелел – сначала повезло, а потом стал приходить опыт.

Провожая его на фронт, крепко состарившийся уже отец, выше других наград почитавший трудовой знак «Шахтёрская слава», наказывал: «Добросовестно воюй, Стёпа, умело. Без надобности вперёд не при. Старайся умом взять, где силой не можешь. Война долгая, на азарте её не проскочишь. Не посрами фамилии, сынок. У нас в роду так было – или всё, или ничего. Или грудь в орденах, или голова в кустах. Главное, с кустами не торопись, это всегда успеется».

Степан старался не торопиться.

– Ну и везучий ты, – удивлялись товарищи. – Сколько прошёл, и хоть бы одна царапина!

– До первого звонка всегда так, – согласно кивал Степан. – А там пойдёт-покатится, успевай только лови.

Говорил, а сам надеялся, что самое трудное позади, что теперь, когда так явственно замаячила Победа, с ним ничего плохого не случится.

Но первый звонок для него едва не прозвенел в Рудне, где Степан неожиданно встретил одноклассницу свою Валю Храмцову. И эта необычная встреча, и то, что случилось позже, слилось для него в одно целое, навсегда врезалось в память опьяняющей радостью и нестерпимой болью.

* * *

Степан не сразу признал в чумазой санинструкторше Храмцову, а признав, поразился. В школе её дразнили Жвакой – за то, что вечно что-нибудь жевала. Правда, на пользу ей это не шло, при любых обстоятельствах она оставалась тощей, жилистой, угловатой.

Было у Храмцовой и другое прозвище, ничуть не лучше первого, – Гологлазая. Это потому, что светленькие ресницы-невидимки совсем не затеняли огромные серые Валины глаза, поставленные чуть боком один к другому. На тонком веснушчатом лице со вздёрнутым носиком и не-

приметными губами они существовали словно бы сами по себе: то удивлялись, то спрашивали, то неизвестно отчего печалились. Их терпеливую внимательность трудно было выдержать, а забыть ещё трудней.

Никто в классе с Храмцовой не водился. Держалась она особняком, даже за партой сидела одна. Девчонки и те толком не знали, где живёт Гологлазая, кто у неё родители, отчего она такая неразговорчивая.

Степану тоже не очень ладно жилось в классе. Переросток, в школу пошёл поздно, год пропустил из-за семейных неурядиц.

Порой он ловил на себе Валин взгляд. Храмцова смотрела на него так, будто знала о нём такое, чего не знали другие. Но и тогда она умудрялась жевать.

Степану хотелось накричать на неё и тут же повиниться неизвестно за что, предложить дружбу. Только как с ней дружить, если в ней совсем нет того, что уже в седьмом классе стало заметно появляться в других девчонках.

Раньше других одноклассников Степан заметил эти перемены. Особенно в Тосе Зубенко.

Тося побаивалась его, и в то же время не упускала случая понасмешничать, проверить свою власть над ним. Степан молча сносил колкости, бродил по ночам под окнами зубенковского дома, иногда неумело навязывался в провожатые. Несколько раз он жестоко, по-взрослому, дрался из-за неё, но Зубенко об этом и знать не хотела: мало ли кто из-за неё дерётся и ещё драться будет.

Девятый класс Степан не закончил, пошёл работать. На шахту его по молодости лет не взяли, пришлось оформляться на завод. Много мест сменил Степан, прежде чем почувствовал в руках живое интересное дело. Отец одобрил: ну что ж, слесарь-инструментальщик, понятное дело, не шахтёр, но профессия тоже вполне уважаемая. Главное, чтобы работа была по душе и по настроению, а школу и вечерами закончить можно.

О Зубенко Степан постепенно стал забывать, она осталась где-то далеко, в беспокойных мальчишеских снах, к которым уже не было возврата.

В августе сорок первого года случайно узнал он, что его школьная симпатия окончила школу с отличием и уехала поступать в Томский университет. Это известие неприятно поразило его: как так можно? война началась, а она заявление не в военкомат несёт, как все, а в приёмную комиссию?!

И почему-то вспомнил о Вале Храмцовой. Интересно, а как она? Но о Жваке Гологлазой ему никто толком сказать не смог: то ли уехала куда-то с родителями из Кемерова, то ли где-то работает. Да и какая разница, в самом-то деле? Было бы о ком вспоминать!

– Было, – ответил тогда своим приятелям Степан. – Если уж и вспоминать кого, так сначала Вальку!

Он и сам не понимал, почему взвился. Может, почувствовал свою вину перед худой большеглазой девочкой, которая вдруг изучающе глянула на него из прошлых лет. Только теперь Степан уловил в этом взгляде терпеливую преданность и готовность ждать, не мешая, ничего не требуя, не торопя.

Первым желанием его было побежать, найти Храмцову, посмотреть, какая она стала, проверить свою догадку. Но он не побежал, не проверил. Как будто знал, что в сорок третьем они встретятся в Рудне.

* * *

Он сидел у дороги на холодном белом камне и ждал, пока старшина закончит свои дела в банно-прачечном хозяйстве. Старшина велел ждать, и Степан ждал.

День выдался пасмурный, с тягучим холодным ветром. Того и гляди припустит дождь: пыль из-под колёс не клубится, стелется.

Из-за поворота выкатилась повозка с ранеными. Лошадь тащила её медленно, заметно прихрамывая, вся в

репьях и нашлёпинах из грязи. Рядом с повозкой шла высокая женщина в телогрейке. Степан равнодушно скользнул по ней взглядом. Подошва правого сапога у неё загибалась с носка, шваркала по земле, вот-вот отвалится.

Подошва шваркала всё ближе и ближе, стучали по камням деревянные, без ободов, колёса, хромала лошадь.

Степан достал кисет и начал экономно сворачивать самокрутку.

Неожиданно стук прекратился, устало всхрапнула лошадь, застонал раненый. Степан повернулся к дороге и увидел прямо перед собой разбитые сапоги, потом худые синие руки, золотистую пуговку гимнастёрки под остреньким подбородком и, наконец, большие внимательные глаза, поставленные чуть боком один к другому.

Он поднимался навстречу этим глазам медленно, неуверенно. Потом вдруг понял, что ошибки быть не может, и рванулся вперёд:

– Жвака!

Она облегчённо улыбнулась, протянула ему руку – не то для пожатия, не то от волнения. Но Степан уже обнял её, притиснул к себе, словно обороняя от кого-то.

Валя прижалась к его шее холодными губами, спина её дрогнула, напряжилась, потом вдруг обмякла.

Они стояли молча, не в силах оторваться и посмотреть в лицо друг другу.

– Где мы? – забеспокоился на подводе кто-то из раненых.

– В Рудне, – ответил ему другой и, встретившись взглядом со Степаном, сочувственно полюбопытствовал: – Сеструху, что ли, встретил? Или невесту? Бывает...

Валя отстранилась от Степана, стряхнула набежавшие от волнения слёзы, размазала по лицу сохшийся кусочек грязи.

– Если можешь, проводи в медсанбат, – попросила она. – По дороге и поговорим.

– Да здесь уже рядом. Вон за той будкой... Айда, конечно.

Они зашагали молча, не разнимая рук. Степан всё принаравливался к хромающему шагу лошади, к глубоким выбоинам, к радости, внезапно охватившей его.

Валя изменилась мало – вот только ростом повыше стала да лицом помягче, повзрослей. На щеке тонкий, как шнурок, шрам. Губы широкие, красиво очерченные. Почему это раньше они казались Степану тонкими, неприметными? Очень даже приметные. И нос заострился, и шея вроде как вытянулась, и ресницы появились.

– А я знал, что мы встретимся, – наконец сказал Степан, и вдруг облегчённо засмеялся: – Так оно и вышло!

– И я знала.

Пока Валя сдавала раненых, Степан разыскал старшину. Тот, не дослушав до конца его сбивчивых объяснений, отрезал: «В 18-00 доложишься!».

Степан взглянул на часы: 13-42. Значит, впереди четыре часа... Вернее, всего четыре... Ну не обидно ли: когда не надо, время девать некуда, а тут оглянуться не успеешь... И побежал к медсанбату.

Валя ждала его. Сапог она подвязала бинтом, чтобы не хлябал, грязь с лица стёрла.

– Ну как? – спросила она с волнением.

– Всё в порядке. Идём, – переводя дух, кивнул Степан.

Рудню Степан не знал, а раз так, какая разница, куда двигаться. Главное, уйти от медсанбата, от людей, остаться вдвоём хоть на короткое время.

По узкой грязной улочке они вышли к небольшому озерку. Возле него стоял полуразрушенный дом из жёлтого кирпича. У дома сгорбленный старик укачивал в садовой коляске малыша. Малыш, по всей видимости, укачиваться не хотел, топорщил вверх пальчики, стараясь схватить склонявшийся над ним кончик бороды. Старик терпеливо улыбался, укладывал ручонки на место и опять заводил колыбельную.

Эта неожиданно мирная картина так поразила Степана и Валью, что они замерли. Всего три дня назад здесь шли тяжёлые бои, рвались снаряды, проламывали себе дорогу танки, а сегодня – покой и тишина, и этот старик с младенцем у спокойно-чистого озера.

Валя спустилась к воде, сбросила телогрейку, достала из сумки с красным крестом крошечный обмылок. Умывалась она неторопливо, с видимым удовольствием, словно позабыв о Степане.

А он жадно следил за её ловкими, чуть резкими движениями, подмечал, как длинны и красивы теперь её руки, как, приседая, она сводит колени, какой у неё детски трогательный затылок.

Наконец Валя привела себя в порядок и знобко поёжилась:

– Ой, замёрзла, сил нет. Так бы ещё ничего, да ветер сильный.

Степан подал ей телогрейку и невольно обнял её. Она доверчиво прижалась к нему, стараясь унять дрожь.

Начал накрапывать давно собиравшийся дождь.

Старик торопливо покатил коляску к разрушенному дому. Степан и Валя последовали за ним.

Дом оказался разбитым гораздо сильнее, чем казалось снаружи. В нём уцелело лишь два подвальных помещения. В одно из них спустился старик. Другое зияло выбитым оконцем.

– Это для нас, – сказал Степан. Костерок для уюта собрать, вот было бы дело... А что? – он вдруг вспомнил, что у крыльца валяются ящики из-под артиллерийских снарядов. – Погоди, я сейчас!

Он быстро перетащил ящики в комнату, раздёргал два из них на дощечки, сложил срубом, чтобы занялось лучше, и поджёг.

Валя радостно протянула руки к огню. Потом достала из сумки кусок сахара и четвертинку хлеба.

– А у меня ничего с собой нет, – виновато сказал Степан.
– Разве кипятку согреть? – и выскочил под дождь, на этот раз за измятой кастрюлей, о которую споткнулся, таская ящики.

Потом они сидели друг против друга, держась за руки, колени в колени. Огонь освещал их лица, наполняя ровным спокойным теплом.

– Я как увидела тебя там, на дороге, даже испугалась, – тихо говорила Валя. – Думаю, а может, привиделось... Четыре дня в Рудню выбирались. Трех в пути схоронила, натерпелась... Слава Богу, не привиделось.

– Ну что ты, что ты, – утешал её Степан. – Хорошо ведь всё...

– Подумала, спросишь, как воюю, из вежливости... И дальше, – не слушая его, продолжала Валя. – А ты обрадовался. Я сразу почувствовала, что обрадовался.

В классе-то мы чужие были. И учились вместе недолго. Такое быстро забывается. Но ты, смотри-ка, не забыл... Стёпушка... – Она впервые назвала его по имени, не обращаясь, а утверждая, с нежностью и волнением, словно привыкая к чему-то новому, заветному.

Не забыл.

– Когда ты на фронт с добровольцами уходил, я на станцию бегала. Тебя провожать. Только ты не видел... Очень много народу было. Я ведь о тебе всё знала... А тебе Тося Зубенко нравилась.

И не нравилась вовсе.

– Нравилась. Да ничего. Она многим ребятам нравилась. Я ей завидовала за это. Обидно, когда на тебя, как на пустое место, смотрят. Я ведь не виноватая, что родилась некрасивой.

– Ты красивая, – убеждённо сказал Степан, чувствуя, как передаётся ему её волнение.

– Правда? – внимательно посмотрела на него Валя. – Почему ты тогда не поцелуешь меня?

Степан задохнулся от неожиданности, замер.

Валя пересела к нему, прижалась к стене спиной. Он наклонился к ждущим губам. На миг его испугало, что Храм – цова настолько открыта и податлива.

Она ощутила это его замешательство и отстранилась. Большие серые глаза её смотрели строго, изучающе. Степан испугался, что они могут разгадать сомнения, неожиданно выплеснувшиеся из тёмной неизведанной глубины его души, и торопливо припал к ним губами.

Он почувствовал, как содрогается под его руками тело девушки, не то от озноба, не то от беззвучных рыданий, как она пытается привстать, как отталкивает его остренькими пальцами.

Да что же это такое? Ведь всего мгновенье назад им обоим было так хорошо, так радостно, так необычно друг с другом.

– Ну, Валя... – горячечно зашептал Степан ей в волосы, сбившиеся на ухо, – Ну чо ты... Ну дурак я, ну ладно... Сам не знаю, что со мной...

Затихнув, она слушала его шёпот, оттенки этого шёпота, его перебивчивый пульс, сокровенный смысл. Потом счастливо засмеялась и зашептала:

– А ты ласковый. Это хорошо...

Степан гладил её шею, тонкие руки, целовал бережно, жалеючи. Она тянулась к нему, нежно задерживала возле себя, как могла, отвечала на каждое прикосновение, на каждое движение.

Пол прогрелся от затухающего огня. Степан медленно, боясь спугнуть объединяющую их с Валею затаённость, придвинул ногой к огню артиллерийский ящик.

За стеной шуршал дождь. Иногда он забрызгивал через серый провал окна в комнату, и тогда угли недовольно шипели, постреливая.

Валя неотрывно смотрела на Степана, словно старалась понять, хорошо ли ему с ней. И он смотрел на неё, и это не отталкивало, напротив, ещё больше сближало их...

Потом они по очереди грызли сахар, обжигаясь, отхлёбывали кипяток из ржавой кастрюли и тихо смеялись от переполнявшей их радости и освобождения.

– Жвака, – пришло на память Степану давнее, – помнишь, ты всё жевала?

– Это я потолстеть хотела, чтобы тебе понравиться. Придумала, да?

– И ничего не придумала. Говорю, как было. Сам-то всё пыжился... Локти в стороны, ноги по земле тянешь, и обязательно рубашку до пупа, чтобы все видели твою тельняшку... Помнишь, как волосы отпустил, а папаня тебя наголо остриг? Пришёл в класс лысенький, ну сиротинка сиротинкой! Девчонки над тобой подшучивают. Я тогда ещё с ними поссорилась.

– Да они на тебя внимания не обращали!

– А я всё равно поссорилась. Думаешь, самолюбия нет?

Степан внимательно посмотрел на Валю, и только теперь осознал, что самолюбие у неё действительно большое. И всегда таким было.

– Расскажи о себе, – попросил он.

– Какое это имеет значение, Стёпушка? – задумчиво выговорила она. – Важно, что мы вместе, что встретились. Может, если бы не война, так всё и осталось бы... Как прежде...

– Перестань, ну... Чего это ты за упокой?

– И не за упокой вовсе... Я теперь самая счастливая. Ничего мне больше не надо, Стёпушка. Не хочется никуда от тебя уходить. Да ведь придётся. Доживём ли, встретимся ли – вот о чём я думаю... А ты тихий, хороший, просто удивительно. Как ребёнок. Только очень уж колючий. Небось, дней пять не брился?

Она мягко высвободила плечо из-под его щеки, переложила по-матерински голову Степана на согнутую руку, запоминаясь склонилась над ним. В уголках губ её замерли просветлённость и скорбь, глаза сделались тём-

ными, глубокими, на лоб упала короткая прядка выгоревших волос.

Такой и запомнил её Степан.

Вечером следующего дня он вновь пришёл к дому у озера, долго сидел возле чёрного выгоревшего в полу отверстия. Потом наведалься в подвал к старику, чтобы поговорить о чём-нибудь, – безразлично о чём. У старика были усталые, словно неживые, глаза. Ребёнок спал в углу на каких-то лохмотьях. Девочка. У неё не было никакого имени.

Когда-то старик преподавал французский язык в женской гимназии, позже работал в советской школе. Жена его погибла в первые дни оккупации. Вот здесь, у этого дома, молодой немец просто так, балуясь, выстрелил в женщину с ребёнком. Выстрелил и ушёл. Девочка плакала, и старик подобрал её, унёс в подвал.

Степан рассказал старику про Валю, про их неожиданную встречу. Старик слушал безучастно, только иногда кивал седой головой и утирал слезящиеся глаза.

Неожиданно над ними что-то лопнуло, разорвалось. Подвал наполнился грохотом, пылью, стены задрожали, начали рушиться. Рядом со Степаном обвалилась балка. Он отпрянул, прижался к стене. Пыль запорошила глаза, забила рот, нос. Стало трудно дышать. Уши заложило лязгом и уханьем. Сверху на Степана сыпалась земля. Он закрыл голову руками. Немного придя в себя, забеспокоился:

– Отец, ты живой?

Никто ему не ответил. Степан чиркнул спичкой. Старик стоял на коленях, прикрывая немым телом ребёнка. Девочка несильно плакала.

– Ничего, отец, что-нибудь придумаем, – сказал Степан. – Наверное, бомбу кинули. А ещё говорят, в одно место два раза подряд не падает.

Он то и дело чиркал спичками, ощупывая завал, и никак не мог найти отдушину, которую бы удалось расширить.

– Как девочка? – изредка спрашивал он. – Главное, выдержка. Ты, отец, многое пережил, потерпи ещё маленько.

Вместо ответа старик хрипло затянул колыбельную.

– Молодец, – похвалил Степан. – Так-то лучше...

Он нашёл железный прут и теперь орудовал им вместо лопаты.

Вскоре в ловушке не стало хватать воздуха, и Степан заработал лихорадочней. Он не думал о себе, он хотел только одного – облегчить страдания этих двух беспомощных существ.

Неожиданно в спёртое удушливое пространство начал просачиваться воздух.

– Ну вот! – обрадовался Степан и облизнул солёные губы. – Я ведь говорил... Полный порядок.

Он чиркнул последней спичкой.

Девочка лежала тихо, словно задремала. На лице её застыло недетское страдание. Рот замер в последнем крике. А старик всё шептал и шептал ей ласковые убаюкивающие слова...

И опять товарищи поразились:

– Ну, Степан, из такой передряги выкарабкался! И зачем ты в тот подвал полез?

Степан ничего не ответил, замкнулся в себе. Видать, потерял улыбку в Рудне. Только у Лубаны, уже в Латвии, очнулся в тот момент, когда командир полка, прикрепляя к его гимнастёрке четвертую награду за недавние бои – орден Отечественной войны третьей степени, пошутил:

– Да у тебя, сибиряк, и места живого нет!

– Ничего, – задиристо улыбнулся Степан. – Живое место найдём, было бы что вешать!

– Правильно понимаешь задачу. Сто лет проживёшь.

«Мне и половины хватило бы...», – хотел было ответить Степан.

От Лубаны до Эргли два дня ходу. Полк одолел это рас-

стояние за шесть суток. На седьмые Степана подстерёл в перелеске вражеский выстрел. И тогда он вспомнил предсказание про «первый звонок», Рудню и то, как воинственно держался, получая последнюю награду. Лучше бы смолчать, не дразнить судьбу, или договорить те слова, которые не успел досказать командиру.

* * *

Тугая горячая боль сковала тело, вдавила его в обманчиво тёплую землю. Степан ощутил ужас перед надвигающейся бездной.

Словно по команде, лягушонок сорвался с места и исчез, унося с собой безжизненную тишину. Лес наполнился приглушёнными свистами, шорохами, движением.

Ошибся немного отец, не учёл такой возможности: и грудь в орденах, и голова в кустах.

Бесконечно долго и мучительно Степан выползал из болотистой низинки, потом отдыхал, привалившись плечом к стволу расщеплённой снарядом берёзы. У ног тонко тенькнула пуля, потом другая, и он понял, что тот, кто в него стрелял, не ушёл, а затаился где-то поблизости.

Степан почувствовал, как в нём поднимается гнев, смывая недавнюю беспомощность. Ну это ещё посмотреть надо – кто кого! Это ещё проверить надо! Ишь, подонок, нет чтобы сойтись в открытом бою, исподтишка целится. Наверное, даже и не немец, а кто-нибудь из «лесных братьев». Немцев отсюда накануне выбили.

Он с трудом повернулся и выглянул из-за берёзы. Долго приглядывался к каждому кустику, к каждой ветке за поляной, аж глаза заслезились. Потом не увидел, а скорее почувствовал мгновенный отсвет сбоку. Такой отсвет могут дать очки, ствол ружья, оптический прицел, пуговица... Он повернулся, и только теперь заметил невдалеке прикрытый взгорком старый заброшенный сенокос. Ну, конечно, пули прилетели оттуда.

От напряжения Степана стошнило. Переждав, пока боль в теле немного уляжется, он подтянул к себе карабин и долго устраивал его в расщелине. Страх отпустил его, уступив место единственному желанию – отомстить. Несправедливо это – отбирая у человека жизнь, не отдавать при этом взамен свою.

Долго Степан не мог разглядеть на сеннике ничего, потом заметил шевеление, но удержал себя: нет... ещё нет... Временами он впадал в забытё. Очнувшись, сосал холодный ребристый камешек и снова ждал.

Он не поверил своим глазам, когда увидел своего врага возле сенника. Видимо, тот решил, что дуэли не будет, и теперь покидал своё убежище.

Как бы не так.

Степан затаил дыхание и плавно спустил курок. Заметил, как вдалеке сломалась серая фигурка, и с облегчением выругался.

В полевом госпитале, после операции, он услышал о себе: «Если и выживет, то исключительно на нервах». Усмехнулся. Какие там нервы? Страх, любовь, ненависть... Трава кажется выше, если её топтали, а после этого она поднялась как ни в чём не бывало.

С тех пор Степану ещё не раз пришлось подниматься, как смятой траве.

В сорок пятом, когда узнал, что Валя Храмцова погибла в Польше. В сорок седьмом, когда в один день не стало ни отца, ни матери. В сорок девятом, когда от воспаления лёгких умер первый сын Степана. В шестьдесят первом, когда не вернулась со смены его Настя, чем-то похожая на Валю Храмцову. Как потом выяснилось на следствии, строители небрежно уложили рельсовую дорогу, и башенный кран, на котором она работала, разорвав непрочную опору, рухнул на заготовленные впрок бетонные перекрытия. В ту пору Глаше минуло семь лет, а Мише три года.

* * *

Пятьдесят три года – много это или мало?

Не мало, пожалуй, но и не много. Смотря как считать. Глафира, по примеру матери, пошла работать на башенный кран. Говорит, мамка так хотела. Врёт, конечно. Пересилить себя решила, характер показать. Михаил десятилетку кончает. У обоих судьба ещё только завязывается, ничего определённого. Чтобы крепко на ноги стать, ох сколько всего перепробовать нужно.

Степан Матвеевич открыл глаза и удивился: бесхвостый воробей всё ещё сидел на полу.

Неожиданно Мишкиным голосом заорал усилитель:

– Внимание, внимание! Говорит радиоузел квартиры номер восемь. Сегодня у нас праздник: знатный слесарь человеческих душ Степан Матвеевич Кузнецов отмечает в кругу семьи своё пятидесятилетие. Он полон сил и желания переустроить мир. Первой половины жизни ему на это не хватило. Но в запасе у него вторая – лучшая.

Следом без паузы грянул гимн.

Степан Матвеевич давно привык, что вся квартира опутана радиопроводами, повсюду стоят переговорные устройства, промежуточные динамики, усилители. Всё это Миша сам собрал и смонтировал буквально из ничего: старый радиохлам, детали детских игрушек и хозяйственных приборов. Лишь лампы купил в магазине да проводку. Теперь можно разговаривать с любым членом семьи из любого уголка квартиры.

В комнату влетела Глафира. Тело у неё узкое, по – мальчишески гибкое, сбитое. Руки крепкие, мозолистые; даже духи не в силах отбить запах машинного масла.

– Это тебе, – она вложила ему в руки электробритву «Эра». – Праздник – на вечер. А сейчас побалуемся чайком. Ну-ка вставай, лежебока!

Миша принёс свой подарок: миниатюрный, со спичечную коробку, радиоприёмник, который собрал сам.

Степан Матвеевич щёлкнул включателем. Из радиоприёмника хлынула тихая утренняя мелодия.

Желаем тебе, папка, ещё пятьдесят лет прожить!

– Мне бы и половины хватило, – вспомнил вдруг свои далёкие слова Степан Матвеевич. – Только с одним условием... – он запнулся, помолчал и быстро закончил: – Чтобы вы у меня крепко на ноги встали. Чтобы всё у вас шло правильно, по-человечески. Иначе никак не соглашусь.

– Идёт! – кивнул Миша.

– Михаил, а ты, случаем, не знаешь, сколько живут эти... воробьи?

– Нет. А что – надо? Так я сейчас, мигом к соседям сбегаю. У них «Жизнь животных» имеется. Там всё от и до.

Через несколько минут он вернулся.

– Хотите верьте, хотите нет, а только больше половины всех птиц на Земле – это воробьиные, – возбуждённо доложил он. – У каждой своя биография. Ворон – тот шестьдесят и семьдесят лет живёт. Дрозд или жаворонок – двадцать. Ласточка – девять. Ну а домовый воробей – лет тринадцать, не больше. Конечно, если ему не мешать, мог бы и больше, но ведь это редко бывает.

– Значит, я уже четырежды воробей. Эх... – задумчиво сказал Степан Матвеевич. – Всех бы четырёх отдал, чтобы ласточки дольше жили... И воробьята.

Душа сражения

Очерк

«Любите подвиг»

Первый в Томске школьный музей боевой славы родился в декабре 1966 года. Это было непростое время. Приближалась двадцать пятая годовщина героической Сталинградской битвы, но имя Сталина уже исчезло из названий городов, посёлков, предприятий, улиц, парков, организаций, которые его прежде носили. Сталинград ещё в 1961 году стал Волгоградом. Если придерживаться формальной логики, то и название Сталинградской битвы следовало привести в соответствие с этим переименованием. Но историю не переименуешь.

Вот и решила учительница немецкого языка 34-й томской школы Людмила Демьяновна Дорохова отметить памятную дату, не обходя при этом имя и выдающиеся заслуги Верховного Главнокомандующего. Заручившись поддержкой директора школы Анны Алексеевны Петровой, ведущей историю в старших классах, она пригласила на урок мужества участников Сталинградской битвы – фронтового разведчика Владимира Николаевича Зоркальцева, военврача Веру Ивановну Малахову и связиста Николая Васильевича Зверева. Свой боевой путь они начинали в 284-й стрелковой дивизии, сформированной в Томске, – той самой, что вскоре после беспримерного сражения за Сталинград была преобразована в 79-ю Гвардейскую и дошла до Берлина в «звании» четырежды орденоносной Запорожской...

Гости и впрямь выглядели гвардейцами. Старшему – лет сорок пять, не больше. Лица ясные, выразительные,

речь меткая, образная. Движения несколько скованные, не всегда ловкие, – вероятно, от фронтовых ран и контузий, но это в глаза не бросалось. Глядя на них, трудно было представить, что 137 дней и ночей вместе с другими защитниками Сталинграда эти люди провели в непрерывных боях за ключевую позицию города-героя – Мамаев курган, что курган этот в те дни напоминал окутанный клубами дыма и пепла огнедышащий вулкан, но именно с его вершины уже зимой 1942 года они, а вместе с ними вся страна, явственно увидели поверженный Берлин и великую Победу.

Радуюсь контакту, возникшему между учениками и фронтовиками-сталинградцами, Людмила Демьяновна вспомнила наказ Максима Горького молодёжи:

– Любите подвиг, и вы совершите его! – затем пояснила: – Сегодня, ребята, вы узнали о подвиге Сталинграда от его непосредственных участников. Но это только начало. Давайте подумаем, как расширить и углубить наши знания.

– А тут и думать нечего, – подал голос Зоркальцев, – Мы... то есть томский совет ветеранов дивизии... не первый год собираем архивные документы, воспоминания, фотографии и другие материалы о боевом пути нашей дивизии. Подключайтесь, не пожалеете. Будет где вашу горячую энергию приложить.

– Как подключаться-то? – запереглядывались старшеклассники.

– Для начала – путём переписки. Через школы, через военкоматы, через родных и знакомых. Куда только война сибиряков не разбросала! По их нынешним адресам географию страны изучать можно. В том списке, что мы составили, уже около ста человек иногородних, да томичей больше двадцати, да десять однополчан из районов области. Я вам так скажу, комсомолята: ничто человеческую душу так не открывает, как письма. Тем более фронтовые.

– А дальше?

– Дальше видно будет. Вы, конечно, слышали, что в других городах создаются школьные музеи боевой славы? А Томск чем хуже? Главное – захотеть. Это и будет «любите подвиг»...

В классе воцарилась возбуждённая тишина. Оно и понятно: в пятнадцать-шестнадцать лет дух соревновательности особенно обострён.

– Спасибо за подсказку, – поблагодарила гостей Анна Алексеевна. – За приглашение к совместной поисковой работе – тоже. Мы подумаем. Правильно я говорю, ребята?

– Правильно! – раздался в ответ нестройные голоса.

– Ну тогда я вам стихи напоследок прочитаю, – Зоркальцев извлёк из нагрудного кармана вчетверо сложенный листок и, развернув его, пояснил: – Стихи не мои. Их фронтовой поэт Михаил Львов сложил. Правда, воевал он на другом фронте. Но словно про нас, – и, волнуясь, далеко не артистическим голосом прочитал:

Чтоб стать мужчиной – мало им родиться.

Чтоб стать железом – мало быть рудой.

Ты должен переплавиться. Разбиться.

И, как руда, пожертвовать собой...

Готовность к смерти – тоже ведь оружие.

И ты его однажды примени.

Мужчины умирают, если нужно,

И потому в веках живут они...

С того урока и началась дружба учеников 34-й школы с ветеранами 79-й Гвардейской дивизии. Шло время. Связи учеников и ветеранов крепили. Музей рос, обустроивался.

В 1969 году Анна Алексеевна Петрова сформировала поисковый отряд из старшеклассников, преподавателей и ветеранов дивизии. Состав: двадцать человек. Среди них – знакомый уже нам Николай Васильевич Зверев и фрон-

товой почтальон Антонина Дмитриевна Дарьенко. Маршрут: Томск – станция Касторное Курской области (здесь, в одном из самых кровопролитных сражений, дивизия получила боевое крещение) – Сталинград – Славянгорск на Северском Донце – Одесса – Москва.

Немало реликвий привезли следопыты из того похода: снайперскую винтовку, пулемётный диск и треногу, гильзы и осколки от снарядов, обугленные патроны, фляжку, пилотку, солдатскую гимнастёрку, несколько номеров многотиражной газеты «За Победу», которую выпускала 284-я стрелковая дивизия, памятные снимки, и даже не очень складные, зато искренние стихи командарма Чуйкова на смерть комдива Батюка: «Он был героем среди нас...».

В номере от 1 января 1943 года газета «За Победу» поместила письмо школьников одного из прифронтовых сёл защитникам Мамаева кургана. В нём говорилось:

«...С Новым годом, дорогие бойцы, командиры, лётчики, политработники! Мы очень волнуемся и с большой – пре-большой радостью следим за вашими успехами на фронте. Бейте фашистов и скорей освобождайте города и сёла от немецкого ига. Потому что в городах и сёлах дети ждут вас очень. Они хотят жить и свободно учиться, как прежде. Поэтому наши ученики собрали деньги, 3 749 рублей, на постройку самолёта. А ещё собрали новогодние подарки: платочки носовые, вареники, табак и другие разные вещи. Это для вас, дорогие защитники Сталинграда. Ещё мы желаем вам здоровья и успехов в борьбе с немецкими солдатами и офицерами противника. А если вы ответите на это письмо, мы очень будем рады и спасибо вам большое пионерское. Ещё воюйте лучше, а мы учиться будем на «хорошо» и «отлично» и помогать вам будем. А на следующий Новый год, когда закончится война, мы пригласим вас к нам на ёлку, и будет светло, а окна закрывать уже не будем.

От имени учеников 3-го класса подписали отличники: Валя Трубачева, Женя Олейников, Галя и Юра Лapidус,

Коля Никитин и Тося Гришина. Село Заплавное Средне-Ахтубинского района Сталинградской области».

Итогом той поездки стали многочисленные встречи её участников в школах, на предприятиях, в молодёжных коллективах Томска и области, публикации в газетах, выступления по радио и на телевидении, «музейные часы».

Всё это побудило томский горисполком назвать одну из новых улиц жилого микрорайона Каштак именем 79-й Гвардейской дивизии.

Это был первый шаг по увековечиванию её подвига на томской земле. Предстояло сделать второй – на основе собранных материалов создать книгу о дивизии и её бойцах. Тут-то и проявил инициативу Зверев:

Писатель из меня никудышный, – честно признался он, – но тут дело особое. Книга должны быть точной и достоверной. А я всё изнутри знаю. И с документами работать привык. Изложу события, как сумею, а слог и отредактировать можно...

В ту пору Николай Васильевич возглавлял планово-экономический отдел Томского треста пригородных совхозов. Свободного времени у него, конечно же, не было, зато был твёрдый целеустремлённый характер, а ещё чувство долга перед памятью погибших товарищей и солдатское упорство.

Так вот и появилась в 1974 году книга Н. В. Зверева «В пламени и славе». Отредактировал её сотрудник томской областной газеты «Красное знамя», писатель Вадим Мак – шеев, а издать помог политический отдел Томского военкомата.

В 1978 году активисты музея побывали в Москве на Выставке достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), представили собранные ими документы и экспонаты в павильоне «Народное образование», приняли участие в конференции по военно-патриотической работе среди школьников и – самое незабываемое! – встретились

с командующим 62-й армии, защищавшей Сталинград, маршалом Советского Союза Василием Ивановичем Чуйковым. Навсегда врезались в память томских следопытов его слова о том, что 284-я стрелковая дивизия и её комдив Николай Филиппович Батюк стали душой сражения за Мамаев курган.

Домой томская делегация вернулась окрылённая. И было отчего. Школьная экспозиция получила диплом первой степени ВДНХ, а ученики и учителя – почётные грамоты и медали – золотую, серебряную и бронзовую. Столь высокая оценка их деятельности не только радовала, но и обязывала...

Восемь лет собирал материалы о боевом пути 79-й Гвардейской дивизии другой её ветеран – подполковник в отставке Владимир Stanisлавович Яцкевич. Не раз побывал он в Сталинграде. Тамошние следопыты передали ему полуистлевшую тетрадь, найденную в развалинах Мамаева кургана. Многие её страницы, исписанные то чернилами, то химическим карандашом, размылись. По оставшимся записям Яцкевич установил, что это дневник его однополчанина, помощника начштаба 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии майора Николая Никитовича Аксёнова. Выпускник исторического факультета Томского педагогического института, а затем Новосибирского пехотного училища, войну Аксёнов начал командиром пулемётной роты. В боях под Касторной проявил оперативную смётку и находчивость. В Сталинграде стал офицером оперативной части полкового штаба, а заодно летописцем своего подразделения. Такую обязанность возложил на него комполка Иван Иванович Метелев.

– По образованию ты историк, – напомнил он молодому штабисту, – Вот и действуй. Чтоб дети и внуки знали, какое у нас тут боевое соревнование было...

Последние записи в тетради Аксёнова датированы ноябрём 1942 года. Вчитаемся в них:

– 7 ноября. Сегодня в полку была дивизионная партийная комиссия. Вручали партийные билеты вновь принятым в партию. Принимая билет из рук начальника политотдела батальонного комиссара Ткаченко, сержант Медведев взволнованно заявил: «Я с честью оправдаю высокое и почётное звание коммуниста... ещё сильнее буду громить и уничтожать немецких захватчиков...».

Утром посетил артиллеристов и миномётчиков и от имени командования поздравил их с наступившей 25-й годовщиной Великого Октября.

Во взводе младшего лейтенанта Арбатского ознакомился с Боевым листком. Он мне очень понравился, и я выпросил его на память. Текст привожу: «Включившись в предоктябрьское соревнование, наш взвод неплохо поработал. Сравнительно за короткий промежуток времени, с 25 сентября по 7 ноября 1942 года, огнём наших миномётов уничтожено три автомашины, десятки подвод с грузом, два миномётных расчёта, три блиндажа и до двухсот немецких солдат и офицеров. Особенно хорошо поработали командир орудия Архипов, связист Егоров, наводчик Жуков, заряжающие Стародубцев и Осипов и подносчик снарядов Молчанов. Берите с них пример!».

9 ноября 1942 года. Вчера вечером было проведено делегатское партийно-комсомольское собрание, на котором подвели итоги предоктябрьского соревнования. Первое место занял 2-й стрелковый батальон, уничтоживший с 1 октября по 6 ноября семьсот тридцать три гитлеровца.

Сегодня прошёл слёт лучших снайперов полка. Они взяли обязательства к 25-й годовщине РККА довести счёт уничтоженных офицеров от ста до трёхсот на каждого...

11 ноября. На участке метизного завода произошёл бой. Противник неожиданно бросился вперёд и ворвался на территорию завода. Командир пулемётной роты старший лейтенант Большаков начал из окна бросать гранаты в немцев. Пулемётчики открыли огонь. Враг повернул об-

ратно. В это время подросла разведка полка под командой Зоркальцева. В завязавшейся схватке немцы были перебиты. Двое взяты в плен. Один из них держался очень нагло и вызывающе, прямо заявил, что является членом фашистской партии. Чувствовал себя победителем, никаких знаков подавленности. Его отправили в штаб дивизии...».

На этом записи Аксёнова обрывались. Было похоже, что вместе с ними оборвалась и его жизнь...

Как же обрадовались Яцкевич и его боевые друзья – томиши, когда от членов «московского землячества» пришло сообщение, что Николай Никитович жив, хотя и не очень здоров. После тяжёлой контузии в ноябре 1942 года он попал в госпиталь. Подлечившись, вернулся на фронт, но уже помощником начальника оперативного отдела штаба 3-го Украинского фронта. День Победы встретил в Вене. После войны преподавал педагогику в Московском кооперативном институте. Живёт в Мытищах. Как был, так и остался фронтовым летописцем: его статьи и заметки о военных испытаниях часто появляются в столичной печати.

А вскоре Аксёнов и сам побывал в Томске. Приближалось сорокалетие со дня создания 79-й Гвардейской дивизии. Вместе с другими ветеранами получил приглашение на юбилей и он.

До слёз взволновала его встреча с городом студенческой юности, с однополчанами, жившими после войны не только в Сибири, но и в Казахстане, Прибалтике, Белоруссии, центральной России, с активистами музея боевой славы 34-й школы и, конечно, с Владимиром Станиславовичем Яцкевичем. Ни слова не говоря, тот выложил перед ним его «сталинградскую тетрадь», а рядом текст восстановленных страниц.

Не сразу понял Аксёнов, что это за тетрадь, а когда понял, взял ручку и стал дописывать размытые слова, фразы, абзацы. Надолго задумывался, вспоминая былое, то

хмурился, то улыбался, сосредоточенно шевелил губами. Наконец устало закрыл дневник:

– На первый раз хватит. Тут ещё много расшифровывать осталось, – и признался: – Я, а будто и не я писал... Время-то какое было? Иной день так спрессован, что годом казался. Столько событий вокруг, что голова не вмещает... Да и память уже не та. Износилась память.

– Ничего, успокоил его Яцкевич. – Вместе мы её расшевелим – станет как новенькая. Я ведь документальное повествование о нашей дивизии пишу. Одна из её глав будет называться «Сталинградские записки майора Аксёнова». Не возражаешь?

– Не возражаю, – подтвердил Аксёнов. – Это наш долг.

В 1984 году он получил долгожданную бандероль с книгой Яцкевича «Сибирская гвардейская», вышедшей в Западно-Сибирском книжном издательстве. А в 1995 году отдался своей документальной повестью «Малахов курган», изданной в Москве уже в перестроечное время.

Увидели свет книги и других ветеранов 79-й Гвардейской дивизии. Прославленный снайпер 1047-го полка, Герой Советского Союза старшина В. Г. Зайцев опубликовал воспоминания «За Волгой для нас земли не было», начальник дивизионной разведки В. В. Графчиков – записки войскового разведчика «В боях за Мамаев курган», а командир батальона морской пехоты М. А. Ильгачкин – документальную повесть «Тихоокеанцы в боях за Сталинград». Сюда же можно отнести документально-художественную книгу известного советского писателя Ивана Падерина «На главном направлении». В 1942 году он был старшим инструктором политотдела 62-й армии, хорошо знал командиров и солдат 284-й дивизии, и многих из них зримо описал на страницах своего произведения.

Так сложилась небольшая, но весьма содержательная библиотечка, посвящённая ратному труду и подвигу 79-й Гвардейской дивизии. Вместе с ней сложились традиции

музея боевой славы томской школы № 34. Главная из них – помнить, хранить, равняться. Равняться, несмотря на то, что нет больше Союза Советских Социалистических Республик и той страны, которую вместе со всем народом на полях многочисленных сражений Великой Отечественной войны защищали сибиряки.

Батя

С командиром дивизии повезло. Сформировать её было поручено подполковнику Батюку, уже побывавшему в боевых сражениях на Северо-Западном фронте. Там он – в звании майора – командовал стрелковым полком, со знаменем в руках сам водил его в атаку, дважды вырывался с ним из окружения. В характеристике, которую дал ему командующий 27-й армии Н. А. Берзарин, об этом сказано так:

«В ряде боёв лично выдвигался вперёд, увлекая за собой бойцов, одновременно не теряя управление полком. В критические минуты боя спокоен, не теряется и не теряет управление частью. Тактически подготовлен хорошо. За отличие в боях и за успешное выполнение боевой задачи в районе Каменки в первых числах августа 1941 года представлен к правительственной награде. Достоин выдвижения на высшую должность».

И вот Батюк в Томске. Собрав командный состав, представился:

– Родом я с Украины. В Сибири никогда прежде не был. Приказ наркома обороны товарища Сталина о назначении меня командиром сибирской дивизии считаю для себя большой честью и огромной ответственностью. Верю, что дивизия покажет себя такой же высоко боеспособной, как те сибирские дивизии, которые отличились в боях за Москву. Но для этого нужно как следует потрудиться. Вижу

своё и ваше место не в штабных кабинетах, а в поле, на тактических учениях, максимально приближенных к боевой обстановке. По опыту знаю, что немецкие солдаты и офицеры хорошо обучены, имеют опыт современного боя, быстро ориентируются на местности, и так же быстро умеют создавать мощную огневую систему. Самое сильное оружие у них – танки. Отсюда наша первая задача – научиться бороться с танками. Вторая – учесть всех, кто уже воевал, присвоить им досрочно воинские звания и повысить в должности. Это наш костяк, наша опора. Третья задача – крепить связь с жителями Томска. Ведь именно он объединил нас, а это ко многому обязывает...

Слушая комдива, его подчинённые начали понимать, почему этот молодой (всего 36 лет!), невысокий, худощавый, с простым усталым лицом подполковник назначен на генеральскую должность. Да потому, что это военачальник суворовского типа – прямодушный, бывалый, знающий, что необходимо солдату. И фамилия у него подходящая. Так и хочется сказать – Батя...

Полгода напряжённых учений по программе Батюка и личное мужество солдат помогли дивизии летом 1942 года, не имея ни танков, ни авиации, остановить танковую армию противника в районе узловой станции Касторное. Пять суток дивизия сдерживала натиск немецких танков и пехоты, рвущихся к Воронежу, до которого оставалось всего 80 километров. Затем, оказавшись в окружении, Батюк выдвинул на открытые позиции значительную часть дивизионной артиллерии – и прямой наводкой буквально проломил выход из кольца. Это был рискованный шаг, никакой военной теорией не предусмотренный.

Не предусмотрены ею и такие действия солдат – цитирую комиссара батальона А. Соловьёва: «Рядовой 6-й роты Е. Попов подбил танк связкой гранат, а когда у него кончились гранаты, схватил попавший под руку топор, залез на движущийся танк, и ударом топора согнул ствол пуле-

мёта. Танк повернул назад. В этом жарком бою геройски действовал и ездовой Некрасов. Обеспечив подразделение боевыми припасами, он решил помогать своим товарищам на поле боя. Некрасов подобрал у раненого бойца бронетранспортёр. «А теперь, – сказал он своим товарищам, – я привезу термосы и накормлю вас горячим обедом».

152 танка, 15 самолётов, около четырёх тысяч солдат и офицеров вермахта уничтожила дивизия Батюка у станции Касторное. Чуть меньше – 124 танка, 12 автомашин, полторы тысячи пехотинцев – у деревень Озерки и Перекоповка.

Именно там, под Перекоповкой, расчёт чудом уцелевшей 76-миллиметровой пушки (командир орудия сержант Акиншин, красноармейцы Вяткин, Копонов, Осадчий, Ромашов, Панин, Пиров и Пончиков) уничтожил четыре автомашины, около 100 автоматчиков и 14 танков. Командовал ими выпускник Томского артиллерийского училища комбат Илья Шуклин. Заменяв раненого Акиншина, четыре танка подбил лично он. Затем и сам был ранен. Батюк представил Шуклина к званию Героя Советского Союза, а его товарищей к боевым наградам.

Поставленную задачу дивизия с честью выполнила, но и сама была обескровлена. Для отдыха и доукомплектования её перевели в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего и направили в уральский город Краснотурганск.

Здесь в клубе железнодорожников комдив собрал оставшихся в строю командиров и политработников и предложил сделать разбор боевых действий дивизии на Брянском фронте. Особо попросил остановиться на недостатках, упущениях, неиспользованных возможностях и – желательно! – предложить свои схемы и советы по более разумному распределению сил, ликвидации «узких мест».

Обсуждение получилось бурным и откровенным. Всё ценное тут же было обобщено. Стало ясно, на что при переподготовке следует обратить первостепенное внимание.

6 сентября 1942 года Батюка вызвали в штаб Уральского военного округа. Уже в Свердловске он узнал, что с ним по прямому проводу будет говорить нарком обороны.

Долго ждать не пришлось. Деловито поздоровавшись, Сталин спросил:

– Готовы ли вы и ваша дивизия, товарищ Батюк, выполнить новую боевую задачу?

– Готовы, товарищ Сталин! – эхом откликнулся тот. – С учётом трёх тысяч курсантов военных училищ и двух с половиной тысяч моряков Тихоокеанского флота, которые к нам уже направлены, дивизия укомплектована полностью. Подавляющая часть личного состава, сосредоточенного в Красноуфимске, имеет опыт фронтовых действий. Точнее: каждые четыре красноармейца из пяти. С ними я готов в огонь и в воду. Морально-политическое состояние дивизии считаю высоким. Жду ваших распоряжений, товарищ нарком.

– Это хорошо, что в своих подчинённых вы уверены, – в голосе Сталина появились одобрительные нотки. – Так и должно быть. Каков личный состав, такова и личность командира. Обещаю, товарищ Батюк, будет вам и огонь, и вода, и медные трубы. – Затем прежним деловым тоном сообщил: – Мы решили направить вас на Сталинградский фронт. Срочно грузите дивизию в эшелоны и отправляйтесь к месту назначения. Я думаю, что вы оправдаете доверие Ставки. Желаю успеха...

Уже 8 сентября дивизия была в пути. Колёса торопливо отстукивали:

– В Сталинград! В Сталинград! В Сталинград...

«Стоять насмерть!»

Язык журнала боевых действий 284-й дивизии сух и лаконичен. О прибытии сибиряков в Сталинград в нём сказано так:

«В ночь на 21 сентября 1942 года дивизия начала форсировать р. Волгу. Первым форсировал Волгу 1043-й полк. В ночь с 21 на 22 сентября форсировали Волгу 1045-й и 1047-й полки. 22 сентября начали наступление согласно приказу».

За этими скупыми строками стоят события поистине драматические. Прорвав оборону защитников Сталинграда, ударные части шестой армии генерал-фельдмаршала Паулюса захватили почти весь Мамаев курган, центральную пристань и районы, прилежащие к ней. Ещё немного, и они овладеют переправой через Волгу, за которой открывались тылы 62-й армии генерал – лейтенанта В. И. Чуйкова. Сам Чуйков и его штаб находились на правом берегу, в огненном пекле.

Туда под покровом сумерек и устремился на быстром катере комдив Батюк. Над Волгой, подвесив в воздухе «фонари», всё ещё кружили немецкие самолёты. Опасаясь пулемётно-миномётного обстрела с берега и усеявших реку «плавсредств», они вываливали на них бомбы с большой высоты и спешили прочь. Вода вокруг буквально кипела. А впереди, объятый огненным заревом, высился обугленный Сталинград. Казалось, там не осталось, да и не могло остаться ничего живого. Но город продолжал сражаться...

Командный пункт 62-й армии находился в хорошо укреплённой «трубе» одного из приречных оврагов. Сюда и привёл Батюка связной.

– Ну, как первое впечатление, комдив? – испытующей улыбкой встретил его Чуйков. – Не страшно?

– Да вроде нет, – последовал ответ. – Сибиряки народ не пужливый, товарищ генерал-лейтенант. Под Касторной обстрелялись, – и доложил о готовности дивизии к боевым действиям.

– Добро, – внимательно выслушав комдива, кивнул Чуйков и переключил его внимание на карту: – Тогда слушай. Положение на текущий час такое. 13-я дивизия генерала Родимцева сбита с позиций здесь и здесь. Но Мамаев курган он частично вернул, а пристань и участки в полосе от устья Царицы до площади 9 Января по-прежнему в руках противника. Отрезаны от армии 42-я и 92-я стрелковые бригады. 112-я дивизия Ермолкина отступила сюда, а 95-я Горишного закрепились здесь. Твоя задача: во что бы то ни стало помочь им сомкнуть линию обороны, восстановить положение в районе пристани и намертво закрепиться в береговой полосе и на Мамаевом кургане...

Разобравшись в сложившейся обстановке, Батюк связался по радиации с командиром 1043-го полка майором Ульяновым и велел ему начать переправу.

Прямо с огромных барж, каждую из которых буксировал обычный речной катер, полк вступил в бой. На шквальный огонь с высокого берегового уступа он ответил огнём из станковых пулемётов и 82-мм миномётов. Под их прикрытием автоматчики попрыгали в воду, а затем, стреляя, во главе с комбатом Сизовым прорвались на откос. Зацепившись за берег, они развили наступление. Впереди шли моряки-тихоокеанцы, навязывая противнику рукопашные схватки. О том, что это были именно моряки, говорили выглядывающие из-под гимнастёрок тельняшки, лихие бескозырки и ленты, зажатые зубами.

Неожиданно небо испятнали зловещие «сигары» немецких бомбардировщиков. Звено за звеном пронеслись они над головами, сбрасывая свой смертоносный груз. Земля содрогалась от бесконечных взрывов. Но едва налёт прекратился, из руин и воронок, будто заговорённые,

поднялись уцелевшие бойцы и ринулись в атаку. Оказавшиеся в одной с ними полосе поражения немцы дрогнули и панически отступили. К вечеру полк занял территорию мясокомбината.

Столь же успешно переправился через Волгу и занял рубеж между Мамаевым курганом и улицей Батальонной полк 1047. А 1045-му пришлось одолевать тридцатиметровую полосу полыхавшей у берега нефти. Многие бойцы получили сильные ожоги, но все без исключения оставались в строю.

Всего за несколько дней, выполняя приказ командарма Чуйкова, дивизия Батюка где на два, а где и на три километра отбросила от переправы пехоту и танки противника, овладела корпусами метиза (завод металлических изделий), сразу на нескольких направлениях вывела из окружения части 13-й стрелковой дивизии генерала Ро – димцева и помогла им соединиться с 112-й, а сама на высоте 102,0 Мамаева кургана встретилась с бойцами 95-й стрелковой дивизии Горишного...

Журнал боевых действий 284-й стрелковой дивизии рисует эти события по-военному пунктуально:

«23.09.42 получен приказ штабарма (то есть штаба армии – С. 3.) наступать в направлении улиц Бакинская и Солнечная и к утру 24 сентября выбить противника из северной части города и овладеть районом: угол Хопёрской улицы, Свирской, Железнодорожной, угол Солнечной улицы, Коммунистической и площадь 9 Января.

По приказу командира дивизии полки перешли в наступление. 1045-й полк – на левом фланге вдоль железной дороги по улицам 3-я и 2-я Набережные, 1047-й – по Коммунистической, с общей задачей охвата противника и овладения районом площади 9 Января.

Бой принял ожесточённый характер, неоднократно дело доходило до рукопашных схваток. Противник яростно контратаковал, но все попытки его возратить утерян-

ное потерпели неудачу. Дивизия прочно закрепилась на достигнутых рубежах.

За это время уничтожено до тысячи солдат и офицеров противника, четыре миномётных батареи и три станковых пулемёта».

Но и дивизия Батюка уже за три первых дня в Сталинграде потеряла 1587 человек. Настолько ожесточёнными были эти бои.

– Сибиряки дрались выше всяких похвал, – сказал ему при встрече Чуйков. – Так держать, Николай Филиппович! Ставлю тебе новую задачу. Завоёванные позиции сдать генералу Родимцеву. Его дивизия более четырёх тысяч пополнения получила. А сам перейдёшь на позиции 112-й и 95-й. Сейчас для нас главное – организовать жёсткую оборону Мамаева кургана. Справишься?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Справлюсь!

– Тогда вот, – Чуйков открыл коробочку с нагрудным знаком 62-й армии. – Раньше вручить не удалось. Носи, да так, чтоб все видели!

Лицевую сторону знака украшало скульптурное изображение воина и надпись: «Стоять насмерть!».

Батюк понял: это посвящение в армейское братство и одновременно наказ. А наказания, как и приказы, не обсуждают – их исполняют...

Передислокацию дивизии пришлось проводить, не выходя из боёв.

27 сентября, после артобстрела и ковровой бомбёжки, крупным силам немецкой пехоты удалось сломить оборону защитников Мамаева кургана на позициях 95-й стрелковой дивизии. От неё осталось не более ста человек. Но удержали свою линию обороны бойцы 284-й дивизии. А 28 сентября три её штурмовых батальона, рота курсантов, триста пятьдесят «ранбольных» добровольцев из эвакуационного пункта и сводный полк комдива Горишного вновь овладели юго-восточными склонами

Мамаева кургана. Восемь часов длился этот ожесточённый штурм – и каждый из этих восьми стал часом массового героизма.

Тогда и перенёс Батюк свой наблюдательный пункт на вершину ставшего легендарным Мамаева кургана. Сапёры надёжно укрепили и замаскировали его. Отсюда хорошо просматривались рабочие районы города, лощины и овраги, широко разлившаяся матушка-Волга и по-осеннему жёлтое, уходящее вдаль заречье. Как на обожжённой карте, опытный взгляд Батюка читал расположение противоборствующих сторон, передвижение войск, скрытые манёвры военачальников разных рангов и степеней. Каждый день, преодолевая сильные ревматические боли в ногах, он поднимался сюда. Это был его солдатский окоп – один из тысяч окопов воюющего Сталинграда.

«Обороняясь, наступать!»

Так сформулировал тактику боя на отведённых ему позициях комдив Батюк. Она разительно отличалась от той, что помогла выстоять его дивизии у станции Касторное, у Озерков и Перекоповки. Опыт первых боёв в полуразрушенном Сталинграде показал, что на городских улицах лучше действовать небольшими штурмовыми группами, изматывая противника ночными вылазками, навязывая ему рукопашную, которой он больше всего боится, делать каждый дом крепостью, каждую улицу – неприступным бастионом.

Наиболее яркие приёмы этой тактики запечатлела дивизионная газета «За Победу». Вот небольшая цитата из устава штурмовых групп 284-й стрелковой дивизии:

«Вооружение бойца – автомат, ручная граната и нож. Поведение в бою – смелость, смекалка, дерзость. Действие – врываешься в дом вдвоём – ты да граната. Граната впереди,

ты за ней. Фашист засел в подвале – бутылку с горючей смесью туда или струю огнемёта – выскочит».

Чувствуется, что этот боевитый текст сочиняли лихие бойцы из штурмовых групп лейтенанта В. Максимова, или из батальона старшего лейтенанта Н. Сизова, а может быть, из взвода, командование которым в одном из штыковых боёв принял на себя матрос-комсомолец Н. Пономарчук... Они, а вслед за ними другие, захватив одно из зданий на своём участке боевых действий, тут же превращали его в неприступный опорный пункт. Первый этаж занимали артиллеристы и бронебойщики, второй пулемётчики, третий, а если был четвёртый, то и его – автоматчики, снайперы, гранатомётчики, наблюдатели. Попробуй прорваться сквозь многоярусный огонь такого дома-крепости.

Проникнув в тыл противника, мобильные группы ухитрялись устроить на заводских трубах наблюдательные пункты для корректировки прицельного огня дивизионной артиллерии. Один из таких НП они оборудовали на сорокаметровой трубе завода «Красный Октябрь». С него были видны немецкие позиции не только перед Мамаевым курганом, но и за ним, на северо-западе Сталинграда.

По примеру того же комбата Сизова многие подразделения дивизии «лезли на рожон» – иными словами, не соблюдая нейтральную зону, вплотную подступали к позициям противника. Это приводило в замешательство асов немецкой авиации. Опасаясь разбомбить вместе с защитниками Мамаева кургана свои части, они почти полностью прекратили налёты на улицы у его подножья.

А командир миномётной роты В. Шумов разработал весьма простую и удобную таблицу сигнальных ракет. В разгар боёв она с успехом заменяла часто рвущиеся телефонные линии, без которых невозможно вести прицельный огонь и поддерживать постоянную связь частей и подразделений.

Не ударили в грязь лицом и сами телефонисты. Каж-

дому из линейных надсмотрщиков (это военный термин, а не метафора) приходилось устранять в день до пятнадцати порывов, чаще всего под непрерывным огнём противника. В один из таких дней томич Прогресс Смирнов восстанавливал связь неподалёку от нефтяных баков на берегу Волги. И вдруг один из них взорвался. Огненная лава хлынула вниз, сжигая всё на своём пути. Но боец не растерялся. Вместе с горящим проводом он успел прыгнуть в реку и там, в ледяной воде, соединить его концы. Связь была восстановлена.

Этот случай подсказал специалистам ценную мысль: даже небольшой слой воды надёжно укроет телефонный кабель от огня и снарядов. Значит, надо использовать реки как защитный материал – протягивать провод по дну Волги, Царицы и других её притоков.

Чудеса точности и скорострельности показывали артиллеристы и миномётчики. 30–40 снарядов в минуту обрушивали на врага боевые расчёты лейтенантов Ю. Григорьева и А. Борисова. Это намного превосходило существовавшие тогда нормативы стрельбы. Наткнувшись на столь мощный залповый огонь, атаки врага захлёбывались.

Однако уже к середине октября немецкая авиация разбомбила значительную часть зенитных установок и пушек «ЗИС-3» на Мамаевом кургане. Воевать против «хейнкелей» и «юнкерсов» противотанковыми ружьями дело, казалось бы, неподъёмное – длинный ствол и немалый вес мешают выцеливать самолёт противника, идущий буквально над головой. Но сержант Плешаков и тут нашёл выход. Раздобыв колесо от телеги, он надел его на вбитую в землю ось, а на колесо установил бронебойку. Ну чем не зенитная установка? Ложись под колесо и крути его, куда надо, следуя за вражеским бомбардировщиком.

Столь же успешно действовали красноармейцы Кузнецов, Моторин, Сайфуллин, сержанты Иванин и Репа,

лейтенант Шевченко и другие «мастера меткого огня по самолётам» (так они названы в одном из политдонесений дивизии).

Само собой родилось в дивизии снайперское движение. Сибиряки – народ зоркий, хладнокровный, расчётливый. То один, то другой, выбрав укромное место, начинает выслеживать немца чином повыше. Из таких вот «любителей» вскоре и создалась учебная команда. К концу октября она насчитывала 48 человек. Возглавили её Василий Зайцев и Виктор Медведев. Один уралец, моряк тихоокеанского флота, другой сибиряк-пехотинец. Учебный класс они устроили в кузнице завода металлических изделий, а стрельбище – в его вентиляционной трубе. Поупражнявшись там, отправлялись в «свободный поиск» по городу. Так вот силами «зайчат» и «медвежат» были уничтожены 3166 немецких солдат и офицеров, в том числе специально присланный в Сталинград начальник берлинской школы снайперов Кенингс. На счету старшины Зайцева это был одиннадцатый немецкий снайпер столь высокого класса.

Забегая вперёд, следует сказать, что В. Зайцев и В. Медведев дошли до Берлина, удостоены звания Героев Советского Союза, а их товарищи: Н. Куликов, Г. Авзалов, А. Подхапов, А. Чехов, П. Шейкин и другие снайперы – отмечены высокими боевыми наградами.

О том, насколько крепка была оборона Мамаева кургана, свидетельствуют воспоминания немецкого офицера г. Вельца. В его книге «Солдаты, которых предали» есть такие строки:

«...На русские оборонительные позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают слепящие гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого... И вдруг в воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Глазам своим не верю. Как, неужели после ураганного огня там ещё жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся на-

земь наши наступающие солдаты, остальные несутся назад. Что за наваждение, уж не приснился ли мне этот бой?.. Заколдованное место! Как ни пытайся взять его, натыкаешься на гранит».

А вот ещё одно свидетельство, на этот раз из книги адъютанта Паулюса полковника В. Адама «Трудное решение». Беседуя в полевом госпитале с раненым в Сталинграде унтер-офицером, он услышал от него такое признание:

«В сущности, здесь нет настоящих позиций. Русские дерутся за каждую развалину, за каждый камень. Нас всюду подстерегает смерть. Здесь ничего нельзя добиться бешеной атакой, напролом, скорее сложишь голову. Мы должны научиться вести штыковой бой... До сих пор мы посмеивались над русскими, но теперь это в прошлом. В Сталинграде многие из нас разучились смеяться».

Красноречивое признание: разучились смеяться. Зато, несмотря на сверхнапряжённую обстановку, когда каждый день приходилось выдерживать до пяти вражеских атак, лица защитников Мамаева кургана не закаменели, не потеряли своего природного добродушия. Напротив, в их глазах и словах появилась какая-то задорная жизнерадостность. Значит, почувствовали, что комдив Батюк, их Батя, всё видит, всё знает, всё умеет. С ним не пропадёшь.

Стоит ли удивляться, что раненые бойцы и командиры всеми правдами и неправдами старались остаться в своих медсанбатах? А если попадали в госпиталь за Волгу, ухитрялись вернуться в дивизию – без направлений, минуя сборный пункт штаба армии. Так они были преданы сибирскому братству, ещё больше окрепшему на сталинградской земле, так верили Батюку и своим непосредственным командирам.

Особым подразделением дивизии стала её концертная бригада. Казалось бы, в разгар кровопролитных боёв за Мамаев курган не время для художественной самодеятельно-

сти. Но именно она стала тем «эмоциональным оружием», которое тоже воевало, помогало дивизии выстоять.

Наиболее способных певцов, музыкантов, чтецов, стихотворцев прямо из окопов, штурмовых групп, опорных пунктов, боевых расчётов политотдел отправлял на левый берег Волги. Там, в хуторе Бурковском, обосновался клуб дивизии. После недолгих репетиций из вчерашних школьников и курсантов был создан музыкальный ансамбль. Всего за два с половиной месяца он дал 86 концертов на передовой.

В ту пору Ирине Лещенко было 18 лет. Фронтовая жизнь её началась в Сталинграде. Санитарка, затем почтальон, она обладала сильным красивым голосом. Кому как не ей петь в ансамбле?

Очень обрадовалась Ирина, когда попала в боевой молодёжный коллектив, и ни разу не пожалела об этом, хотя служба в нём стала не только радостью, но и тяжёлым испытанием.

«Мы шли на передовую в любую погоду, и когда здоров, и когда болен, когда, кажется, нет сил, но выступать перед бойцами надо, – пишет она в своих воспоминаниях. – Чтобы донести музыку, песни до каждой части и подразделения, концертная бригада разбивалась на небольшие группы и могла одновременно дать концерты в нескольких местах. Мы испытывали чувство гордости, когда кому-то из нас доводилось выступать в окопах или блиндажах изрытого снарядами и бомбами Мамаева кургана. По три-четыре раза за вечер, часто под огнём противника, выступали наши в полном смысле заслуженные фронтовые артисты. Однажды во время концерта случилась беда – в момент авианалёта фашистов был убит участник концертной бригады Лапшин. Все мы горько оплакивали смерть нашего товарища...

На передовой мы научились быстро передвигаться из блиндажа в блиндаж, из окопа в окоп. Но как же нас ждали

на передовой, как встречали! Как бойцы хотели чем-нибудь нас отблагодарить. Этого я никогда не забуду».

Бесперебойно доставлялись на позиции газеты, журналы и даже художественная литература. Побывали на передовой писатели Константин Симонов, Василий Гроссман, Николай Вирта. В очерке «Сталинградская армия», опубликованном в газете «Красная звезда», Гроссман отметил:

«Здесь, в Сталинграде, особенно часто видишь людей, вкладывающих в войну не только всю кровь свою, всё сердце, но и все силы ума, всё напряжение мысли... И как некогда директора сталинградских заводов-гигантов и секретари райкомов партии гордились тем, что у них, а не в другом городском районе работает знатный стахановец, так и теперь командиры дивизий гордятся своими знатными людьми. Батюк, посмеиваясь, перечисляет по пальцам:

– Лучший снайпер В. Зайцев – у меня, лучший миномётчик, И. Безидько у меня, лучший артиллерист в Сталинграде, И. Шуклин – тоже у меня.

В славной дивизии Батюка принят тон украинского доброго гостеприимства, добродушной любовной насмешки».

В октябре Волга покрылась льдом. Стало возможным соорудить через неё зимнюю переправу. Но 8 ноября лёд неожиданно тронулся, отрезая дивизию от «большой земли».

– Вот тебе и Волга-матушка, – подсадовал Батюк. – Похоже, для нас она станет нынче суровой мачехой.

Ноябрь и правда выдался крайне суровым. Не хватало боеприпасов, продовольствия. Бои за вершину Мамаева кургана не прекращались ни на один день. Не раз она переходила из рук в руки. Враг нёс огромные потери, но и дивизия Батюка потеряла около половины своего состава. Вот почему командование 62-й армии задумалось: а не пора ли вывести её за Волгу – во второй эшелон, заменить свежей дивизией? Но Батюк не согласился с таким решением:

– 284-я сибирская дивизия была направлена в Сталинград по личному указанию товарища Сталина! – напомнил он членам Военного совета. – За время боевых действий в Сталинграде она выполняла все приказы командования армии. Неужели теперь она лишится чести воевать за Сталинград? От имени бойцов и командиров дивизии смею заверить Военный Совет, что так же героически дивизия будет сражаться и в дальнейшем.

Твёрдость и прямота Батюка решили дело. Его поддержал начальник штаба армии Крылов, командующий артиллерией Пожарский, а затем и другие генералы. Подводя итог обсуждению, командарм Чуйков пожал Батюку руку – и не удержался от шутки:

– Противник нажимал на вас с фронта, но с места не сдвинул. Военный совет нажимал на вас с тыла, но тоже с места не сдвинул. Значит, так тому и быть. Держите его и дальше...

В середине декабря 284-я сибирская стрелковая дивизия отметила годовщину своего создания. О том, как именно она её отметила, узнаём из письма Батюка в Томск, где осталась его семья – жена, три дочери и сынишка.

«...у меня 15 декабря был хороший праздник, – сообщал он жене Марии Ефимовне, – годовщина моего соединения, а 19 декабря я именинник, приглашаю на именины. Годовщину отметили хорошим боем, уничтожили много фашистов, а именины думаем отметить ещё лучше... Вчера и сегодня у нас началась настоящая зима, крепкие морозы. Живу хорошо, только что-то нет от тебя писем. Пиши, Муся, как живёте, как учитесь, как твоё, Муся, здоровье?..

С приветом, моя дорогая. Твой Коля».

В те дни Батюку было присвоено звание полковника. Ему исполнилось 37 лет.

Сорок дней спустя 284-я сибирская стрелковая дивизия соединилась с частями 51-й Гвардейской дивизии 21-й ар-

мии на западных склонах Мамаева кургана, приступила к освобождению Каширской, Ряжской, Магистральной, Силикатной, Черноморской, Тарнопольской и других улиц, районов, заводов Сталинграда, участвовала в пленении Паулюса и штаба его армии. В приказе командования 62-й армии об этом сказано так:

«28 января 1943 года части 284-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, форсируя труднопреодолимые препятствия, ломая сильную систему оборонительных сооружений, успешно выполнила свою боевую задачу, очистив от немецко-фашистских оккупантов тридцать шесть кварталов в северной части города и продвинувшись вперёд на тысячу метров, сузила кольцо окружения южной группировки противника. В этих боях личный состав 284-й дивизии проявил смелость и решительность в кратчайший срок завершить разгром противника. Отмечая успешные действия 284-й дивизии, настойчивое проведение в жизнь принятого решения командиром – полковником Батюком, Военный совет армии объявляет благодарность всем бойцам, командирам и политработникам 284-й дивизии».

Вслед за этой благодарностью последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР: наградить дивизию орденом Красного Знамени. Такой же награды удостоился комдив Батюк. Это был его первый орден. Чуть позже он получил второй, на этот раз полководческий – орден Кутузова II степени, и ему было присвоено воинское звание генерал-майора, а 284-я дивизия была преобразована в 79-ю Гвардейскую...

28 июля 1943 года, уже на территории Украины, не выдержав напряжения, разорвалось сердце легендарного комдива Батюка. Там он и похоронен – в Славянгорске Донецкой области. Рядом с ним похоронен так и не поносивший звезду Героя Советского Союза артиллерист Илья Шуклин.

Они и тысячи солдат-сибиряков, погибших в решающих боях за Отечество, и ныне незримо крепят оборону страны – её дух, её память, её заветы. Они и сейчас, напоминая нам о Великой Победе, обороняясь, наступают...

Школа жизни

Ныне музеем боевой славы томской школы № 34 руководит учитель русского языка и литературы Наталья Ивановна Гранина. В то время, когда музей ещё только создавался, она была вожатой, затем, окончив филологический факультет Томского государственного университета, стала учителем, ещё позже – завучем. Всё это и помогло ей сохранить в своей работе лучшие традиции патриотического воспитания, присущие советской школе. Огромное влияние оказала на неё и мать, фронтовичка, ветеран 22-й стрелковой дивизии.

Музей занимает две комнаты на третьем этаже школы. В одной из них находится архив, в другой – учебный класс, а в нём, возле стен, по всем правилам музейного дела развёрнута постоянная экспозиция: стенды с документами, снимками, военными наградами, реликвиями и фоторассказ о боевом пути томской дивизии (так ребята её нередко называют).

Здесь регулярно собирается Совет музея – по одному представителю от каждого класса. Вместе с Натальей Ивановной ребята обсуждают план мероприятий, связанных с всенародными датами воинской славы России. К ним они добавили ещё одну, как говорится, свою: 16 декабря – День рождения 79-й Гвардейской стрелковой четырежды орденоносной Запорожской дивизии. Подготовка к этой дате начинается неделей памяти, во время которой проводятся всевозможные конкурсы, военизированная эстафета, уроки мужества. А в памятный день в актовом зале под звуки

российского гимна проходят совместный с ветеранами дивизии митинг и само торжество.

В том же классе-музее стажируются его экскурсоводы из числа старшеклассников. Это они проводят музейные уроки с учащимися седьмых-восьмых классов не только своей, но и других школ города, кадетского корпуса, с родителями и всеми желающими. Их с каждым годом становится всё больше.

Параллельно Наталья Ивановна готовит школьную команду, которая в рамках городской военно-патриотической программы несёт Вахту памяти в Лагерном саду, в Университетской роще или на Южном кладбище. Каждый из пятнадцати вахтовиков получает от неё много дополнительных сведений по истории, литературе, военной патриотике.

А ещё в этом классе собираются авторы инсценировок к памятным дням, обсуждаются доклады, подготовленные по материалам музея (один из них – «О чём рассказала винтовка Мосина» – недавно отмечен дипломом областного слёта юных краеведов), читаются не всегда складные, зато искренние именные стихотворные посвящения ветеранам 79-й Гвардейской дивизии – В. И. Малаховой,

А. Д. Дарьенко, И. М. Барынычу, Д. М. Малышеву, А. А. Лесковскому, Н. А. Бойцовой, С. П. Толстоброву, К. А. Якимовичу, Н. Г. Горшкову, участнику первого парада Победы В. П. Осипову и другим.

В мемуарах одного из участников героического сражения на Волге встретились мне такие слова: «Сталинградская битва продолжается в наших сердцах». Продолжается – значит, тревожит, вспоминается, живёт. Продолжается – значит, учит, что внутренний враг не менее опасен, чем внешний, и с ним надо столь же решительно бороться. Сегодня, когда мы живём в другой стране, смысл этих слов обретает новые краски и подтекст.

Многолетний опыт работы 34-й томской школы – че-

тыре с половиной десятилетия! – показал, что музей боевой славы – это не только хранилище военных, исторических ценностей, но и школа жизни, возмужания, подвига.

А закончить этот рассказ мне хочется четверостишием одного из юных следопытов:

Под Мамаевым курганом
Плещет Волга в берега.
Здесь разбился враг коварный
О кулак сибиряка.

Обелиск

*Памяти земляка,
Героя Советского Союза
Алексея Лебедева*

1
Малое словацкое село
под певучим именем Белá.
Видно, было до войны белó
от ромашек поле у села.
Видно, пели птахи у межи,
зазывая в светлый лес кого-то...
Здесь вот отбивала рубежи
в сорок пятом русская пехота.
Там, где прежде песнею шмеля
луг весенний возвещал о лете,
выжжена, измучена земля.
А по ней ещё идти к победе...
Кто сказал, что чёрное – бело?
Кровь и боль... Их время не остудит.
Притаилось малое село:
что же будет?

2

А было так: чтоб рота шла вперёд,
шагнул один – без страха и вопросов,
и грудью задавил немецкий дот,
как сделал это до него Матросов...
А было так: освободив село,
над ним в молчанье замерли солдаты.
Лежал простоволосо и светло
безусый мальчик. И была наградой
ему звезда в ночи. И тишина.
Село Бела... Спасённые солдаты...
Вот почему быстрее в сорок пятом
на целый миг окончилась война.

3

И вот теперь, когда бы жить и жить,
Свой путь торя, как время подсказало,
Мы вновь в беде... Спешит троянский конь
Свалить героев наших с пьедестала.
Чернится всё, что было до войны.
Но жизнь мудрей.
Но труд и подвиг святы.
Они, как корни,
Крепят твердь страны.
Поклон вам низкий, вечные солдаты.

Генка

(из поэмы «Пятьсот-весёлый»)

Кто знает, почему 500-весёлым
мы общежитье наше нарекли?
Ребята, не отвыкшие от школы,
мы поездов тех помнить не могли.

Нам приглянулось бойкое название.
А с чем его едят? –
Да лишь бы съесть!
И только позже к нам пришло сознание,
что не ошиблись мы, что сходство есть.
Шли на восток печальные составы
из-под Смоленска, Курска и Орла.
В разгар войны у маленькой заставы
роженница на людях умерла.
Орал малыш, орал, не понимая,
зачем война, зачем далёкий путь.
И женщина, совсем ему чужая,
совала, плача, в жадный ротик грудь.
А он орал, надрывно и устало,
пред кем-то виноватый без вины.
Детей и женщин, раненых и старых
везла страна – подальше от войны.
На перегонах чайники гремели.
Скрипели торопливо костыли.
Бил с бреющего «мессершмитт» по цели,
и огрызались яростно тылы.
Рабочие, дорожники, артисты,
отпускники, колхозники, спецы
из тупиков следили, как плечисты,
как высоки сибирские бойцы.
Подростками запружены платформы –
на фронт, на фронт... А с боковых путей
им козыряли старики по форме,
те, что остались «соблюсти детей».
Вне графика спешили эшелоны –
на фронт, на фронт... А где-то под Москвой
отец мальчишки, к бою головой,
лежал на сером, безымянном склоне.
Внезапный взрыв остановил его,
ударив, словно вспышкой автогена...

Назвали сына люди без него
В 500-весёлом Веселковым Геной.
Здесь кто-то платье на пелёнки рвал.
Здесь кто-то мыло отдавал задаром.
Соседи в люльку превратили нары,
а сами рядом, на пол, возле нар.
Кто скажет, почему 500-весёлым
мы общежитье наше нарекли?
Не потому, что думали о горе, –
о братстве старших память берегли.
Пусть их больше никогда не будет,
500-весёлых-невесёлых, но
хотим, чтоб так же выводило в люди
нас это братство. Нам не всё равно,
как жить, в какие верить идеалы,
за что и перед кем держать ответ...
Ступеньками вперёд уходят шпалы.
Начало – там.
Конца, я верю, нет.

Баллада о художнике и соловье

Картон коробится уже,
Из ветхой рамки выпадает.
Довольно простенький сюжет.
Но так бывает, так бывает,
Что ни сказать, ни отойти –
Лишь сердце прыгает в груди...

Два землепашца на скамье
В пустынном поле у дороги...
Как на офортах у Домье —
Почти гротеск: босые ноги,
Седины в съеденных усах,
Намёк улыбки на устах.

А в уголке, между ветвей,
Едва приметный соловей.
И всё. Вот он, вот эти два.
Да изумрудная трава...

Но трели птахи всё вокруг
Согрели трепетом и светом.
Крестьяне переводят дух.
Молчат, не лезут за кисетом...

...Картон, картон, ты не забыл,
Как, примостив тебя на козлы,
Военнопленный кистью мёрзлой
Писал тебя? Он немцем был.
И прежде рисовал огнём
Под Сталинградом и Орлом,
И лишь потом, в сорок шестом,
Был растревожен соловьём...

А может, раньше? Может быть,
Он был им болен, но не волен...
Его теперь не расспросить:
Он из живых навек уволен
Виной и совестью своей.
Остался только соловей...

Приходит поздно осознание.
Как передать его другим?
Ведь где-то снова бравый гимн
Дробится в сводах мироздания.
Движеньё вскинутой руки...
И сапоги... И сапоги...

Упряма память. Смена дней:
То сапоги, то соловей...
Их невозможно заглушить.
Когда ж мы будем в мире жить?

И вновь возможен человек
С промёрзшей кистью над холстами...
Стучится в двадцать первый век
Майдан с его боевиками.
Но соловей – тот соловей! –
Поёт всё громче, всё больней...

Торговый праздник в Нюрнберге

От ворот и до ворот
шумно движется народ.
Каждый что-то покупает.
Каждый что-то продаёт.
Все товары на виду.
Так бывает раз в году.
Снова старая примета
в старом городе в ходу:
чтоб богатым завтра стать,
чтобы новое начать,
хоть за марку, хоть за пфеннинг
надо старое продать.
Вот замки. Каких здесь нет!
Свой у каждого секрет.
Стоит взять их – разомкнётся,
распахнётся белый свет.
Шляпы с перьями – горой,
восковых фигурок строй.
Каждый камень стал прилавком –
не пройти по мостовой.
Цены сходные вполне.
Что б такое выбрать мне?
Там вон шахматы резные
продаются в стороне.
В землю меч, за рядом ряд,
пешки доблестно стоят.

Офицеры королевам
комплименты говорят.
Не ревнивы короли.
Лица жёлтые в пыли.
Королевские накидки
с плеч спадают до земли.
Покупаю. Шах и мат...
Только вдруг споткнулся взгляд
о фашистские награды,
что на бархате лежат.
Как же так? Средь бела дня...
Примеряет ребятя
крест со свастикой и каску
с гордым видом на себя.
Гитлер в рост изображён.
«Шён, – кивают детям, – шён!».
А ведь это по-немецки
означает «Хорошо!».
Мир за несколько минут
стал другим... Неужто тут
позабыли, как вершился
в Нюрнберге правый суд?
От ворот и до ворот
шумно движется народ.
И никто не протестует:
разве нет других забот?
Дух свободы здесь воспет.
Со всего здесь снят запрет.
Вот свобода так свобода.
На неё управы нет.
Чтобы новое начать,
надо старое продать...
Но ведь те, что примеряют,
но ведь те, кто покупают,
могут двинуть время вспять...

От наград глаза болят.
Я шагаю наугад.
Короли и королевы
в такт моим шагам гремят.

У Вечного огня

При свете дня нет света у огня.
Но стоит одному померкнуть свету,
В два света загорается другой.
Он память, опалённая войной.
Он – образ всех, погибших за Победу.

О, сколько Вечных памятных огней
Горит сегодня на земле повсюду!
И замирают люди на минуту
Перед огнём истории своей.

Она – одна, поскольку мир – один
Для всех людей, где бы они ни жили.
Отчизна-мать, её Защитник-сын
Над Томью, нет, над городом застыли.

Они венчают солнечный проспект,
Крутой уступ, заречные просторы.
Они венчают ратной славой город,
Его дела и свет его побед.

Лежат цветы у Вечного огня.
Всегда живые – символ вечной жизни.
Сюда идут в любое время дня,
Чтоб поклониться Матери-отчизне.

Владимир Крюков

Как лошадь тонула, как цыганка гадала

Участников Великой Отечественной войны осталось совсем немного. Мне довелось дружить с фронтовиками, слышать их рассказы. Потом я вместе с детьми солдат разбирал письма с фронта их отцов.

Жительница села Тимирязевского Валима Ахматнуровна Юсупова – уже внучка пропавшего без вести солдата. А историю военной поры рассказала ей тётя, старшая сестра отца Валимы. Так, от первого лица, мы её здесь и представим. Тётю зовут Фагима Зекрина, тогда ей было 13 лет.

Вот вам налицо живая память поколений, которая переходит по цепочке. Пока мы помним, эта нить не порвётся.

Мы жили в деревне Буляково в Башкирии. К началу войны мне было 13 лет, брату (будущему отцу Валимы) 6 лет и младшей сестрёнке 4 года. В 1940-м отец в свои 33 года пошёл учиться на тракториста, выучился. Потом пригнал в деревню первый трактор. Его прибытие на тракторе встречали всей деревней. Это было как, наверное, возвращение Гагарина из космоса. Всё было так же фантастично, вся деревня высыпала на улицу.

В 1941 году отец, его звали Ахматхан, поехал в Свердловск подзаработать денег, чтобы достроить дом и купить что-то из одежды. Там его и застала война. И он для себя решил: пока не повидаю детей, на фронт не уйду. И отправился пешком в родную деревню. 15 дней он добирался. А шёл пешком, понимая, что могут забрать как человека призывного возраста прямо с поезда. А ещё, чего доброго,

и обвинят в дезертирстве. Мама, её звали Фархиямал, уже так и думала, что его заберут на войну там, в Свердловске, и они не увидятся. Мысленно с ним простилась. И вот вечером сидит, доит корову, вдруг из-за спины кто-то её окликнул. Она смотрит: Ахматхан пришёл! Побыл он с нами три дня, пришла повестка, и мы его проводили в райцентр километров за десять. Так и отправили на войну, простились, и он ушёл.

Мать пасла колхозных лошадей для фронта. И вот однажды осенью – уже приморозило – одна лошадка решила попить из реки, передними копытами продолбила лёд. Лёд проломился, она провалилась передними ногами и утонула. Лошадей вот-вот уже готовились отправить на фронт. Это была катастрофа. Председатель колхоза ей сказал: «Ты не лошадь утопила, ты солдата утопила. Вытаскивай из реки и хорони его». Я рассказала об этом в школе, и учительница говорит: «Пойдёмте все помогать, будем вытаскивать всей школой». Пришли: хвост лошади торчит, никто не решается лезть в ледяную воду. Мать взяла верёвку, пришлось нырять, обвязала эту лошадь, вышла на берег. Вода с неё льёт и тут же замерзает. Все ребяташки, женщины тащили эту утопленницу и вытащили. Мать и тут не пошла греться, взяла лопату, пошла копать могилу для лошади, и копала эту уже мёрзлую землю. Это, конечно, издевательство, но куда денешься! Время военное, жестокое. Она только сказала мне: «Иди топи баню». Но после бани её стало ломать и колотить. Как ни укутывали во всё, что было дома, дрожь не могли унять.

Этим дело не кончилось. После того её в райцентре судили. Как это тогда называли, «по всей строгости военного времени». Что могло облегчить её участь? Только то, что трое детей да муж на войне. Посадить не посадили, но нашли, чем наказать. Дома был бычок, его забрали в фонд обороны. А мать после тех ныряний в студёную воду так и не поправилась, она болела и болела – то говорили: это

тиф, то малярия. Временами получше становилось, потом снова плохо.

От отца редко вести приходили. Я нашла одно письмо и написала ему, сложила треугольником, отправила. Дошло моё письмо! Это был 1943 год. И отец ответил с Ленинградского фронта: голод, холод, грязь, есть совершенно нечего. Лошадь убьют, раздербаним её и как-то наедемся. После этого писем не было. Так он и сгинул, наверное, на этом голодном фронте. Пропал без вести.

И вот поздней осенью 1944 года появилась в деревне гадалка. Цыганка. И мать взяла меня за руку, и пошли мы в дом, где гадалка остановилась. Мама хотела узнать о муже, о нашем отце. Денег не было, чтобы дать за гадание, она принесла с собой семь варёных картофелин. А цыганка сказала: «Я у тебя не возьму». – «Почему?» – «А потому, что я у сирот не могу брать». Мать возразила: «Так я же живая». А цыганка говорит: «Тебе осталось жить ровно три месяца».

Мы с мамой заплакали. Но цыганка сказала: мол, с детьми твоими – с дочерьми и с сыном – всё хорошо будет; сказала: «Твой голубоглазый сын будет счастливым, хорошо проживёт». И меня тогда поразило, как же это она про сестрёнку и про братика знает.

А матери и в самом деле становилось хуже и хуже. Она слегла.

И вот мама однажды говорит: «Я так хочу есть, целую булку хлеба съела бы». Я ей предлагаю: ешь. Она, конечно, отказалась, и попросила меня посмотреть, сколько муки в доме осталось. Я перемерила пригоршнями, получилось шесть. «Вот шесть дней на этом без меня проживёте».

Мама умерла 29 января 1945 года. Нас, детей, хотели отдать в детский дом. Но родственники разобрали, не отдали, не отпустили, вырастили. Потом я всё-таки из колхоза уехала, удалось вырваться, непросто это было, паспорта не давали, но я тоже шустрая была. А брат Ахматнур (бу-

дущий отец Валимы), умный парень, никуда не поехал. Он хорошо учился, ему советовали ехать дальше учиться, потом в институт поступать, а он остался. Он всё надеялся: вдруг отец вернётся. В военкоматовском архиве нам подтвердили: пропал без вести. Но брат так и жил в деревне. Наш Ахматнур, как цыганка и предсказала, прожил хорошую жизнь, умер в 75 лет, остались пятеро дочерей, которые его любили. Младшая сестрёнка Нагия сейчас живёт в городе Асбест.

Мои фронтовики

Отец ушёл на фронт добровольцем в 1942 году. Почему не был мобилизован с началом войны? Тут вот какое дело. В большинстве своём жители села Пудино нынешнего Парабельского района были ссыльными. Это так называемые кулаки, и ещё те, кто показался советской власти классово чуждым после присоединения Прибалтики, Западной Украины и Бессарабии. Заглядывая вперёд, скажу, что в нашем первом классе (а это уже 1956-й) был полный интернационал – русские, украинцы, евреи, латыши...

Так вот, мой отец к ссыльным не принадлежал. Происходил он из семьи алтайских староверов. И уже в конце 20-х его батя с братом почуяли, чем дело пахнет, стали испытывать некий дискомфорт в своём Мамонтовском районе. Выезжали на разведку в разные места, и кто-то подсказал укромный угол, где тайга и речки, то есть охота и рыбалка, а пашня родит хлеб. И перебрались они сюда, на годы опередив волну спецпереселенцев. Мой молодой отец оказался в выигрышном положении человека, которому можно доверять. Потому он выдвинулся в колхозные бригады, а с началом войны получил бронь.

Но отец с другом Алексеем подали заявления на фронт.

И попали как раз под Сталинград. Друга через какие-то месяцы вырубил осколком в голову, он помаленьку оклемался, но в строй уже не вернулся. А отец протопал всю войну, завершив её в Чехословакии.

Вот он на фотографии летом 45-го. Ликует на солнце буйная листва. А папа смотрит невесело, наверное, думает о далёком доме. Как там мать и младшая сестра? На обороте снимка печать мастера «Antonin Charamza. Pardubice 2». Это Пардубице через много лет аукнется мне при чтении бессмертной истории про бравого солдата Швейка. Много чудесного в нашей жизни!

В ноябре 1945-го придёт в село ещё одна фотокарточка, с надписью «Любимой сестре Ксене. Жди, скоро приеду». И он приедет, и встретят его мама (моя любимая бабушка) и сестра, уже студентка Томского медицинского института.

Он очень мало мне рассказывал о том, что там было, что довелось пережить. В детстве я ждал героических шапок – закидательских историй в духе тогдашних киношек. Их не последовало. Во взрослом возрасте хоть что-то удалось услышать. Рассказал он, как форсировали какой-то водный рубеж (ей-богу, я забыл название реки, а врать не хочу). Артиллерия ещё не подтянулась, и авиация толком не поддерживала. А нужно было не снижать темпа наступления. И вот батальон за батальоном отправляли на верную гибель, потому что немцы основательно закрепились на другом берегу и хорошо простреливали реку. Подошёл их черёд, уже выдвинулись на позицию, и тут приказ был отменён. Отец был атеистом, на фронте вступил в партию, потому говорил просто: «Повезло», не адресуясь к Богу.

Как-то сидел я и слушал Высоцкого. Как раз с магнитофона звучало: «Мне этот бой не забыть нипочём...». «Я это слышал в госпитале в сорок четвёртом, – уверил подошедший к столу отец. – Молодой такой лейтенант пел». Я хотел было возразить, да тут же и передумал. Я уже знал

про такие случаи. Это говорило о том, как точно Высоцкий почувствовал другое время, как верно спел от лица тех, кто воевал.

Вообще с годами отец рассказывал даже не эпизоды, а впечатления. С большой симпатией он вспоминал полячек, воспроизводил несколько фраз, которым научился, и среди них – «дзенькую, пани»... В Чехословакии поразило его обилие велосипедов. В мае 45-го он там встретил Победу. Они спешили помочь своим, вступившим в бои с власовцами. Но справились без них, они пришли, когда деловито стучали выстрелы в недалёком овраге: наши расстреливали бывших наших. Отец с облегчением вспоминал, что не довелось принимать в этом расстреле участия.

Подсунул я ему «В августе 44-го» Богомолова. Читай, говорю, не оторвёшься. Через день он книгу вернул. Я недоуменно взглянул на него. «Смерш», – сказал отец с какой-то жёсткой усмешкой. Я не стал его просить объясниться. Наверное, зря. Может, он что-то и рассказал бы об этой контрразведке «Смерть шпионам». Знаю, что не он один, и другие фронтовики её не любили. Но в богомоловской-то истории рассказано про настоящих диверсантов-шпионов.

Не смотрел он и кино про войну, потому я и запомнил тот единственный случай, когда он по моей просьбе присел к телевизору, да так и досмотрел до конца. Это был фильм «Живые и мёртвые», который снял Александр Столпер по роману Константина Симонова. Фильм, в котором замечательно сыграли Кирилл Лавров и Анатолий Папанов. И я помню, что понравился ему эпизод, когда из окружения выходят бойцы со спасённым оружием и на вопрос комбрига, не страшно ли было, командир оружия просто отвечает: «А надоело бояться». Помню, отец одобрительно крикнул, подтвердив это коротким взмахом сжатой в кулак руки.

Со своим другом Алексеем, выбывшим по ранению,

они встретились после войны. Я был свидетелем их трогательной многолетней дружбы. И финал её не забудется: отец умер в конце апреля 1988-го, а следом, в мае, ушёл Алексей Георгиевич. Как будто они были повязаны незримой нитью...

9 Мая был и остаётся для меня великим днём. Это дата не столько советская, сколько всенародная. День Победы, выстраданный нашими отцами и матерями, бабушками и дедушками, без разделения на фронт и тыл. И всё-таки больше праздновали его, конечно, фронтовики. И среди них было у меня много знакомых и старших товарищей.

Я вижу, как с каждым годом всё больше мифологизируется и война, и Победа. Сейчас доподлинно и не воссоздать, как оно всё было. Кто-то неглупо сказал, что сегодня это уже не история, а религия. Со мной можно заспорить, можно просто сказать, что это судьба всяких событий: на расстоянии всё предстаёт несколько иначе. Это так, если бы мифы о войне вырастали из тех самых изустных рассказов фронтовиков.

Но мои фронтовики не любили рассказывать о боях, обстрелах и бомбёжках. Я понимал, что это была другая, отдельная жизнь, которая их перетрясла и перепахала. Она приучила их к другому строю мыслей и дум, другому поведению и самоощущению. И просто человек там стал – на годы, месяцы, на сколько у кого жизни хватило – Человеком Войны. Там все они были равны, там были лишь живые и мёртвые. Чувство повязанности и родства возникло между своими в окопах и теплушках, а не с теми, кто занимал обустроенные блиндажи за линией фронта. Это я увидел позже – слово «фронтовик» не объединило штабных и солдат с передовой.

А штабные умели рассказывать. В школе на наших классных часах они уверенно водили указкой по карте, прослеживая «направление главного удара», они красиво говорили о «великих полководцах», но не было в их рас-

сказах ни гари пожарищ, ни пота и крови, ни слёз по погибшим товарищам.

Где-то классе в седьмом нам поручили найти и пригласить на встречу фронтовиков. Мы с другом Борей пришли к Илье Леонтьевичу Агафонову, его родственнику. Он поговорил с нами о том, о сём, но в школу прийти решительно отказался, сказал напоследок:

– Не могу я об этом вспоминать, сразу плачу.

Другие, может быть, не плакали, но говорить с пафосом не умели. Более того, иногда доводилось услышать то, к чему совсем готов не был.

Совсем юнцом сидел в гостях у Альки Блинова, по – школьному – Блина. Появился отец его, немного поддавший. С чего вдруг мы попросили его про войну рассказать, не помню. Он, сидя за столом, повернулся к нам, и вдруг сказал с этакой пьяной свободой:

– Хотите, расскажу, как мы от фрица драпали, аж пятки сверкали?!

И, увидев нашу растерянность, смущение, расхохотался и продолжил трапезу за бутылкой.

О каких-то встречах и беседах с участниками войны поведал я на газетных страницах в былую пору. Но что-то и не понравилось тогда, и не прошло. Вот такой был эпизод. Столкнулись солдаты в бою у железнодорожного полотна. С одной стороны наши, с другой – немцы. Схватились врукопашную. Вдруг налетели наши истребители, и давай поливать железную дорогу из пулемётов. Все бросились наземь. И вот Иван Максимыч Аникин (мой рассказчик) поднимает голову, а рядом – фашист. И тот смотрит на него. Они не вцепились друг другу в глотки. Через какие-то секунды немец вскочил и бросился через насыпь к своим. Максимыч за всю войну так близко не видел лицо врага.

Теперь мы хорошо знаем, как досталась победа в этой войне, как были бездарно угроблены целые армии (это

сотни тысяч жизней здоровых и по большей части молодых людей), знаем про заградотряды и штрафбаты, про штурм Берлина, авральный и непродуманный. И всё-таки День Победы – это праздник. Наши отцы и деды показали, сколь бесконечны возможности человека, в каких невероятных условиях можно выстоять и победить.

У этого подвига есть удивительное свойство – его отсвет лежит на наших лицах.

Я говорю это без патетики, это подлинное моё ощущение. Я любил быть с фронтовиками в этот день. В пору моей юности на родной улице Советской в Тимирязеве было немало ворот и калиток со звёздами. И я узнавал этих людей заново.

Тот же Максимыч вспоминал: «Я в день Победы ходил во-о-т с такой шишкой на лбу. А почему? На рассвете раздалась страшная пальба. Я был в палатке, вскочил и рванул наружу. И тут мне навстречу – лоб в лоб – наш ротный. Так звезданулись! А он смеётся сквозь слёзы: «Победа, Ваня! Победа!».

Иван Максимович был кузнецом. Я видел, как он делает свою работу, когда мы пришли на практику в механические мастерские леспромхоза. Можно было позавидовать, как ладно у него всё получается. Я видел, что сам он себе цену знает, и я думал: вот так нужно научиться своё дело делать – уверенно, спокойно.

Сегодня нет никого, с кем выпил бы рюмку водки за Победу. Они ушли за черту земную. Последним из старших товарищей с нашей улицы Советской покинул меня Захар Захарович Сулейманов. «Захар Захарович» – это в русской огласовке, так все его звали, а как по-татарски, не знаю. Ещё в начале нового века сидел он в тёплый день на лавочке перед калиткой своего дома, здоровался со мной за руку и говорил грустно:

– Что, Вовка, последний я фронтовик остался?

Давно нет в живых и Анатолия Ивановича Стужакова.

Меня познакомил с ним отец. Заговорили о войне, и Анатолий Иванович показал свои фотографии.

– Вот, – сказал он, – весна 45-го. Уже в Германии. Скоро всему конец.

– Что ж они такие грустные, наши ребята? – спросил я.

– Они не грустные, – ответил Анатолий Иванович. – Они смертельно усталые. Ночью мы напоролись на немцев. Те всегда дрались крепко, а тут, на своей земле, и вовсе отчаянно. Когда рассветало, стянулись мы на эту поляну, кого-то уже и недосчитались. Тогда я и сделал несколько кадров...

Я смотрю на фотографию, подаренную мне. Наверняка не все из этих солдат дошли до Берлина – полегли в кровопролитных боях последних месяцев. Кто-то умер после войны. Об этом – фронтовик Семён Гудзенко: «Мы не от старости умрём, от старых ран умрём».

Дай Бог здоровья тем, последним, кто сегодня среди живых.

Неужели так устроена жизнь, что необходимы жестокие, смертельные испытания, чтобы сформировать хорошего, достойного человека? Что же, без войны не пробудиться лучшим человеческим чувствам и качествам – братству, взаимовыручке, готовности к самопожертвованию? Как будто в мирное время они не могут возникнуть. Нет, потом я убедился, что могут, и узнал таких людей (уже другого возраста). У них был свой опыт, не обязательно такой катастрофичный.

Но ведь и вправду в том военном поколении – и среди фронтовиков, и среди тех, кто работал внадрыв в тылу, – не было хитрожопых и лицемерных. Или мне так вспоминается? Но не я придумал людей, готовых всегда помочь, открытых, не жаловавших сплетников и завистников.

Может, с несправедливостью они не так яростно боролись, или я застал их уже в годы усталости. Или опять же смотрел иногда сквозь киношную призму, где бывшие

солдаты резали правду-матку в лицо бюрократу и чиновнику, а подвернувшийся тут же парторг помогал этих прохиндеев одолеть.

Да, это были замечательные люди, закалённые и отобранные войной. Но очень дорога цена этого отбора.

В послевоенном стихотворении Бориса Пастернака есть убедительная попытка героизировать эту ситуацию:

И великой эпохи
След на каждом шагу
В толчее, в суматохе,
В метках шин на снегу.
...И в значеньи двояком
Жизни, бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесённых утрат.

Геннадий Скарлыгин

Дед

Сказали – без вести пропал.
Но я не верю, сводки стёрты.
Ко мне приходит Петрован,
Мой дед, в линялой гимнастёрке.

Садится с краю на кровать,
Высокий и сорокалетний.
«Устал я, паря, воевать.
Верни меня, внучок, в деревню.

Ты дай мне в руки мой топор,
Ведь я был плотником от бога.
Да и в деревне до сих пор
Моя нужна людям подмога».

Фронтовики

Какие лица смотрят на меня!
Не убежать от этих фотографий.
Какой-то добрый свет живёт во взгляде,
В манере встать и в простеньком наряде,
В морщинах рук, в открытости лица...

Как удалось, пройдя через огонь,
Им сохранить не злобу, не жестокость,
А тихую любовь, и даже робость.
И даже нашей жизни однобокость
Не затуманит взгляда до конца.

Такое свойство истинной души,
Овеянной и порохом, и дымом.
Она не ходит тёмным пилигримом,
А каждой пядью жизни дорожит.

Калина

Зимой простояла калина,
Красным огнём горя.
А вечерами длинными
Она согревала меня.

Сладким, с горчинкой, соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

Калину к себе я вывез
С бабушкиного двора.
Листьев зелёный вырез –
Слова в них шумят, ветра.

Услышу опять, как прежде,
С хитринкой её говорок.
А меж деревьев вешних
Мелькнёт её рюкзачок.

Когда нахлынули беды,
Осталась она одна.
Для фронта и для Победы
Вязала носки она.

И нас, лоботрясов, выходила –
Бог нам её даровал...

Ухнет в калине выхухоль.
Вздвогнув, зажгу дрова.

Сладким, с горчинкой, соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

* * *

Затосковала мать по сыну.
Упали плечи, голос стих.
И вечер, вечер звонко-синий
К стеклу оконному приник.

Затосковала мать по сыну,
Глаза ударились в бега.
И показалась очень длинной
Жизнь у родного очага.

Затосковала мать по сыну.
Её вытягивал, маня,
Там на колосьях серый иней,
Что пал на милые поля.

Затосковала мать по сыну.
На догорающий закат
Молилась долго. И просила,
Чтоб встал из мёртвых сын-солдат.

Крым

Здесь что ни камень – память наша.
Здесь что ни поле – наша боль.
Найди просторы этих краше.
Наверно, можно. Но уволь.

Над этим краем дым Отечества
Ядрён, как русский самосад.
Пушай подышит человечество.
Ему на пользу... И стократ

Пусть будет славен этот край,
Где отдыхать душе и сердцу.
Здесь русский дух в себя вбирай,
Чтобы задать подонкам перцу.

Сергей Яковлев

На войну

Ещё не остыли мозоли
От жарких покосных трудов,
Ещё ратоборцы – на воле,
Где пламень закатный бордов.
Ещё только в самом начале
Та ночь, над которой – рок...
И кто-то развёл на причале
Последний родной костерок...

Заря! Промежуток полынный,
Черта, за которой – приказ.
Нелепый, прощальный, надрывный
В окошки врывается час.
На речке туманно, угарно,
Развёл пароходик пары.
Под берег спускались попарно,
Другие – в гурьбе детворы...
И надо готовую с ночи
Котомку сыночку подать...
Бессонные высохли очи,
И сил уже нету рыдать...
Гудок. И объятья разъяты.
Весь мир потускнел и ослаб.
И вот развязали канаты
И убран затоптанный трап,
И первая хлопнула плица,
И множество вскинулось рук!..
И, людям мешая проститься,
Вопила какая-то птица
И низко летала вокруг...

Шальная пуля

Пуля была хоть и круглой душой,
Но угодила прямо в висок.
Прячется солнце за тучей хмурой,
Кровью дымитесь мёрзлый песок.

Суток не пробыл солдат во взводе.
«Экий длиннущий-то, ровно шест,
Как его звали?» – «Иваном вроде...
Ехал сюда из сибирских мест».

Молча могилку ему отрыли,
Час погребальный недолог был.
Рыщущий ветер, когда курили,
Горестней плакальщиц рядом взвыл.

Выглядит холмик немим вопросом.
Взводный всего и сказал в ответ:
«Был бы ты, парень, пониже ростом –
Пуля попала бы в белый свет...».

Вдова

Кончилась последняя картошка.
В поле не найти и лебеды.
Пасмурное мёрзлое окошко
Дрогнуло от голоса беды:
Ворон – распроклятая же птица! –
Сделал круг и сел перед избой...
Чтоб тебе немедля подавиться
Нашею голодною судьбой!
Каркнул ворон – аж до самых пашен
Раздробились своды тишины:

«Голод – он не так ещё и страшен,
Вести мои чёрные страшны...»
Вздрыгнула она и пробудилась,
В ужасе ребёнка обняла,
Но и в сон поверить не решилась,
Печку затопила... Подмела...
Вихри поднимались, голосили,
В сенцах кто-то стукнул раза три...
– Кто там? –
И за дверью попросили:
– Марья, почтальонке отвори...

Горе

Сыны его, все трое,
Не встретили рассвет.
Их нет в шеренгах строя
И в эшелонах нет.

Взахлёб ликуют хромки,
Гуляет майский день!
Три серых похоронки
В сплошную слиты тень.

Старик идёт с вокзала,
На праздных не во зле,
И лишь сильнее стало
Клонить его к земле.

Да как ещё погнуло, –
У горя страшный вес.
Душа глядит понуро,
Не чувствуя небес...

Александр Казанцев

Детство мамы

Сорок первый. Лето.
Мама ещё маленькая.
Жрёт фашист галеты,
Сидя на завалинке.
Виснут вишни с веток,
И свистят птицы,
И хрустят галеты
На зубах фрица.
Льёт жару полдень
На листвы кипень,
Фриц сидит, потен,
Расстегнул китель.
Подмигнул маме,
Всколыхнул жир
И галетой манит:
– Комм цу мир!¹
Да от жути такой
В горле, верно, ком.
Ну а мир-то какой,
Ведь война кругом?!

Старуха

Сию на скамье у высоких ворот
И слушаю в плюше нелепом старуху.
«А мой как ушёл в сорок первом на фронт,
Да так не вернулся – ни слуху ни духу.

Не знаю, за что мне такая напасть.
Жила себе тихо и вроде безвредно.

¹ Иди ко мне! (нем.)

Ну как это без вести можно пропасть?!
Мужик не иголка, чтоб сгинуть бесследно».

Ещё говорит: «Не смирилась никак...
Сама уж не верю, что он возвратится,
Но каждой весной сажаю табак
Ему на махорку. Авось пригодится».

В крайней избе у реки

Чтоб смог рассказать он с экрана
О битвах, гремевших давно,
В деревню снимать ветерана
Нагрянули «люди кино».
В грязи перемазали джинсы –
Нашли, где живёт ветеран.
Да бабка-хозяйка божится,
Что болен сегодня Иван.
А тот вдруг закашлялся сухо
Да песню рванул на печи.
Всплеснула руками старуха:
«Уж коли напился – молчи!».
И сразу гостям – извиненья:
«Мол, это, конечно, грешно,
Да выпил старик от волненья –
Ведь страшно сниматься в кино!...».
Срывается съёмочный график,
Ворчит оператор в сердцах:
«Герой ведь... А ну его на фиг!
Залил самогонкою страх!...».
Обратно киношники едут.
А в крайней избе у реки
Поёт ветеран про Победу
И машет культяпкой руки.
Жена его взглядом не колет –
Негромко толкует своё:
«Ну полно... Поспал бы, соколик!
Герой ты мой, горе моё!...».

Леонид Шелудько

Седой

Он был застенчив, даже робок.
Когда пришёл его черёд,
уже седой от «похоронок»,
он, как и все, пошёл на фронт.

И на войне, всё так же робок,
под минный вой над головой
он полз с гранатой меж воронок,
как сын, убитый под Москвой.

Ему бывало очень страшно.
Но, проклиная войну,
он добегал до рукопашной,
как сын, погибший на Дону.

Не раз его убить хотели.
Бывало, убивал и он.
Ведь пули с двух сторон летели.
Летели пули с двух сторон.

И на седой от снега пашне
в Восточной Пруссии, в конце,
убил солдата в рукопашной
седой немецкий офицер.

* * *

А пуля летела,
летела и пела!
Но песню её оборвавшее тело
о счастье полёта, конечно, не знало
и так некрасиво упало...

Русская судьба

Родной брат моей мамы воевал в авиации. Двоюродный защищал Брестскую крепость. Папа двоюродной сестры умер в военном госпитале блокадного Ленинграда. Мы были детьми поколения победителей. Эти люди ходили по улицам моего посёлка и жили в соседних домах. А награды они надевали только в исключительных случаях.

У друга детства Юры от отца одни награды и остались. Целая россыпь медалей. Две медали «За отвагу», медаль «За боевые заслуги». «За оборону Сталинграда», «За освобождение Киева», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Японией» – это только те, которые мне запомнились. Два ордена – Красной Звезды и Отечественной войны. Гвардейский знак и три нашивки за ранения.

Настоящим русским солдатом, храбрым и стойким, был этот танкист, гвардии капитан Владимир Усков. А погиб уже в мирное время. И погиб глупо. Поехали офицеры на речку отдохнуть и затеяли глушить рыбу гранатами. Лихость ли свою боевую показывали, или просто со снастью возиться лень было, но у гранаты в его руке оказался бракованный взрыватель, и рванула она мгновенно.

Чем старше я становлюсь, тем острее понимаю – таков русский характер, такова русская судьба.

Солдаты

Мне было семнадцать лет, я работал на угольном разрезе учеником электрослесаря, когда к нам устроился новый слесарь Сергей Васильевич, ровесник нашего мастера Алексея Фомича.

Как-то заговорили они о своей армейской молодости. И выяснилось, что оба участвовали в боях с японцами,

один в пехоте, другой в артиллерии. Даже воевали рядом – мелькали в их разговоре одни и те же названия китайских городов и рек, одни и те же генеральские фамилии. Дошёл разговор до штурма Харбина.

– Наш полк брал Харбин со стороны Священной рощи. Семь раз в атаку ходили, половина полка полегла, а японцы держатся! Запросил наш командир в дивизии помощь «катюшами» – выжечь их, к чёртовой матери, из рощи. А ему отвечают, что не будет «катюш». А не возьмёт рощу через час – под трибунал пойдёт за неисполнение приказа.

Собрал командир полка всех оставшихся в строю офицеров и коммунистов и сам повёл их в восьмую атаку. Ворвались они в эту проклятую рощу. И даже не успели доложить о взятии, как ударили по роще «катюши». И выжгли всех – и последних сопротивлявшихся японских «смертников», и все остатки нашего полка. Меня-то ещё в седьмой атаке ранило, я в это время уже на пути в медсанбат был. А ты где был?

Молчание.

– Ты-то в это время где был?

Молчание.

– Ладно. Не хочешь, не говори.

– Я в это время из своей «катюши» по Священной роще бил.

Прошло сорок лет. Я намного старше, чем были тогда мои первые рабочие наставники. И лишь теперь понимаю меру мужества, потребовавшуюся одному из этих русских солдат для такого ответа.

Мститель

В первые годы после войны в соседнем посёлке размещался лагерь японских военнопленных. Японцы работали в подземном руднике, добывая касситеритовую руду.

У начальника лагеря был младший брат, служивший в военные годы на одной из погранзастав по Аргуни. Году в сорок третьем или сорок четвёртом японцы похитили его с нашей территории, замучили до смерти и перекинули изуродованное тело назад. Когда закончилась война, старший из братьев был назначен начальником лагеря и решил мстить за младшего.

Зимой, в ледяные ветра, он приказывал охране загрузить пленными полный кузов лагерного грузовика. Потом сам садился за руль. Часа два или три, сколько хватало бензина, колесил по степным дорогам вокруг посёлка. Возвращался и приказывал разгрузить машину. Разгружали её пленные. Они снимали из кузова тела своих насмерть замёрзших товарищей и складывали в штабель. Бывало, что среди тел оказывался ещё живой человек. Его уносили в барак, а там – как получится.

Несколько раз делал так этот начальник. А потом пленные японские офицеры пригрозили ему массовым самоубийством – харакири. Только боязнь огласки и остановила его. Но когда японцы вернулись домой, дело всё же дошло до суда. Его судили по советским законам, и какое-то наказание он понёс.

Историю эту рассказал мне коллега. В первые послевоенные годы было ему лет десять – двенадцать. А рассказывал он уже шестидесятилетним, не скрывая своего восхищения мстителем.

– Они его ещё судить посмели! – так закончился рассказ.

Мой тогдашний коллега не был ни злым, ни жестоким. Он искренне верил: кто победил, тот и прав. Тем более, что победили наши.

Александр Панов

* * *

Я слушал землю, лёжа на земле.
Ночь нависала жадной чёрной птицей,
Но глубоко, в бездонной вечной мгле,
Земное сердце продолжало биться.
Земля жила, тревогою полна.
Шли по коре сейсмические волны,
И войны побеждала тишина,
И тишину расстреливали войны.
И вздрагивало сердце с сердцем в такт.
И время, замирая, шло по кругу,
И тяжело, как лязгающий танк,
Сенокосилка ползала по лугу.

* * *

Кони в лентах. Выбора!
В клубе музыка с утра.
И бесплатно в кинозале
О войне кино казали.
В зал спешили пацаны
Пережить восторг войны.
Шла война. В набитом зале
Её правильно казали.
Только пьяный Михаил
Сорок первый костерил.
Михаила выводили,
Как положено, стыдили,
И домой его везли,
В сани сунув костыли.
А война гремела в зале,
Заливала зал слезами,
И сидели пацаны,
Как участники войны.

* * *

Я ещё на заречном лугу
Собираю упавшие звёзды
И зорю, уподобясь врагу,
На деревьях сорочки гнёзда.
Я ещё не оставил себя,
Не покинул отцовского дома,
И с ватагой соседских ребят
Разбиваю Мамая у Дона.
Слышу шелест летящей стрелы,
Зов тяжёлой, встревоженной меди.
Я ещё у засохшей ветлы
Не подумал о жизни и смерти.
И звучанье миров надо мной
Растворяется в зарослях мыса.
Я ещё восхищаюсь войной,
Не поняв её страшного смысла.

Александр Цыганков

Вершина

Распятые читаются в каждом окне,
И тень возникает на каждой стене.
Следы оставляет любая ступня.
И пепел останется после огня.

Но символ полёта – не крылья, а крест.
И место героя – не крепость, а Брест.
И ночь, поглотившая крики беды,
Прозрачнее всякой проточной воды.

Как всякая правда коварнее лжи,
Опаснее бритвы тупые ножи.
Рождённое слово острее пера,
Но ниже Голгофы любая гора.

Часовой

Вдруг станет близким всё, что дико
Тогда ревело на ветру.
Летели в ночь обрывки крика
И вспыхивали на яру.
И заслоняла нас держава,
Как небо, тучей грозовой,
Пока негромко Окуджава
Всё пел и пел про долгий бой...

Зарево

Луна – в радугу ряженая –
Простужена.
Улица – нервная, ржавая –
Натружена.
Над крышами шлейф самолёта –
Оранжево,
Словно сжигают пилота –
Заживо.

Солярный знак

Шипы терновника и свастики паука,
И мак, алеющий на ниве вместо хлеба.
Цветок распущенный разительней, чем звук
Бомбардировщика, слетающего с неба
В окно, прорубленное в тот заморский край,
Где век тому назад пропахшие железом
Баварцы бравые, выкрикивая «хайль!»,
Приветствовали смерть в диктаторе нетрезвом...

Солярный знак – тавро, каким клеймили скот, –
В зеркалах памяти опутан паутиной.
И возводящий вновь из праха эшафот
На собственную казнь ещё придёт с повинной.
И эхом прозвучат крылатые слова
На языке, давно забытом, словно вера,
Тех жалких зрителей, качающих права, –
Убийственных времён Септимия Севера.
Всё это было здесь, и всё вернётся к нам –
И страх, и смертный грех, и слёзы, и расплата
За зрелище всего, за жертвы всем богам.
На всех одна вина – за каждого солдата.

Северное сияние

Алексею Буховскому

Ты помнишь, как ярко светили огни с небосклона,
Мы шли с гауптвахты, и ротного матерный крик
Разрезал пространство до рудников Каларгона
И вдруг обернулся песнею «про материк».
Ты помнишь, Алёша, как строем ходили и пели,
По белым дорогам, и грудью вдыхали пургу.
О чём-то далёком слагали стихи, как умели,
Но строчки забыли в глубоком таймырском снегу.

Мы даже не знали, куда прилетели с гражданки.
Надели шинели! И каждому стало теплей,
Когда, как виденье, под звуки «Прощанья славянки»
Вдруг вспыхнуло в небе сиянье магнитных полей!
Пусть кто-то не помнит метелей нестройное пенье,
Казармы под снегом и ротного крики вдали,
Но высветит память полярное это свечение
Над белой дорогой – у самого края земли.

Елена Кириллова

* * *

*Растаял в далёком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля*

Николай Букин.

Холодная магия слова
И музыки – вроде простой:
Я слушаю снова и снова,
Как волны шумят за кормой

И стонут – в любую погоду,
Ревут – в устрашение врага.
Откроется через полгода,
Чем песня мне так дорога –
Расскажут, что дед мой Василий
Три года от дома вдали
Стоял за победу России
На славном участке земли.
Мой дед – на «гранитном линкоре»¹,
Где немцы – с одной стороны,
А с трёх – безграничное море,
Куда уплывают сыны
Старинных рыбацких становищ,
Далёких и братских краёв.
С судьбою, увы, не поспоришь –
Вернутся ли все из боёв?..
«А волны и стонут, и плачут»,
И строем идут корабли,
И тонет в тумане Рыбачий –
Окраина русской земли.

¹ «Гранитный линкор» – так моряки называли полуостров Рыбачий.

Сергей Максимов

Солдату Николаю Асадчему

Гарь прохаркали и полезли танки полем,
И с лязгом траки разрывают в клочья рань.
Ты справедливо захандрил, Асадчий Коля:
С калибром вашим против танков – дело дрянь...
Не дальнобойным пушкам бить прямой наводкой,
Но приказали, и пехотой не прикрыв...
Уже комбат хрипит в кровь сорванною глоткой:
«К прицелу, Коля!». Наводи, ты будешь жив...

А то, что бьют по вам, – терпи. Знай, будет хуже.
Но ты расплатишься, придёт и твой черёд.
Не чем-нибудь отплатишь, залпами «катюши»,
За этот бой, за сорок первый горький год.
Ты будешь месяц с лишним скован немотою,
Но то, что будет, даже мысленно не тронь.
Знакомь их с русской немеряной верстою,
Вставляй фугасный, бегло целься и – «огонь».

Ползи, ровесник мой, землицу обнимая, –
Она спасёт тебя, на то она и мать.
Ты знай, что будет день в таком далёком мае,
И будет время вспоминать и поминать.
И будет гладить внук простреленную руку,
И будет чтить тебя немалая семья.
Пошлёт ещё тебе Господь детей и внуков.
Уж я-то знаю... Деда, это знаю я...

Солдатская песня

На восток мы шли дорогами разбитыми.
Мимо сёл шагали, пряча в горе взор.
Вышивали по России «мессершмиттами»
злые вороги убийственный узор.

Даже солнышко казалось нам неласковым.
А по полю, по дороге, по стерне
вшами к нам ползли, кусая, раня, лязгая,
танки с чёрными крестами на броне.

И потери были часто, что напрасные,
но дрались и воевали как могли.
Вырывали с воем бомбами фугасными
супостаты душу из родной земли.

Только зрело в горе время переломное,
и солдат, кто жив был, кровью пот запил.
И вставала на врага страна огромная
против нечисти и против тёмных сил.

Не вместили всех солдат могилы братские.
Точно русской не хватило нам земли.
И расхристанные косточки солдатские
от Кавказских гор до Одера легли...

На восток мы шли дорогами разбитыми.
Мимо сёл шагали, пряча в горе взор.
Вышивали по России «мессершмиттами»
злые вороги убийственный узор.

Ведущий – ведомый

Мы были нестерпимо молодыми,
и нам хотелось драться и летать,
и «мессершмитты» называть «худыми»,
и «фоккевульфы» «фокерами» звать.
Война уже на запад покатилась.
Он встал в ряды гвардейского полка,
когда в боях дошла и раскалилась
до крайней точки Курская дуга.

Жму на гашетки, этот бой итожа.
Бью по «тузу», и первый раз в эфир
кричу ему: «Прикрой меня, Серёжа!».
И он кричит: «Вас понял, командир!».

Мы вместе не один день налетали.
Мы лезли дружно, позабыв про страх,
на самые крутые вертикали,
не копошась на скромных виражах.
И нам хотелось слышать вой знакомый,
и больше их огнём к земле пришить.
Бой, как челнок: ведущий и ведомый –
сведённые в одно – игла и нить.

Свалился наш. У них пылает тоже.
А у меня фонарь свистит от дыр.
– Четвёрка слева... Атакуй, Серёжа!
– Вас понял. Прикрывайте, командир!

Своим огнём дырявя лонжероны,
нас смерть хотела приписать к земле.

Нас побратали в небе «эрликоны»,
и даже рота в чёрном на земле.
Я сел в болото. Только что не в тине...
Стреляют. Он заходит... Брось, дурак!
Потом вдвоём мы стиснуты в кабине...
И взлёт под пулемёт и лай собак!

И снова с холодком, а то и с дрожью
прошу его, чертя огнём пунктир:
– Бью «юнкерса». Прикрой меня, Серёжа!
– Вас понял. Слева «фокер», командир!

Погиб Серёжа. Вспыхнул, точно факел,
и штопором ревушим – до земли.
А я орал, я одурел, я спятил.
Я сбившего его вмиг завалил.
Мне снится до сих пор: сознание тает,
мой «Як» теряет быстро в высоте,
и на земле Серёжка догорает,
патронов нет, и два «худых» в хвосте...

И пламя с болью слизывает кожу,
и музыкой чужой бренчит эфир,
и, как в бреду, кричу: «Прикрой, Серёжа!».
Но он не крикнет: «Понял, командир».

Валентина Чубковец

Мамбаба

Полине нетрудно было найти нужную улицу и дом под номером тринадцать.

– Вот он, тот самый тринадцатый, – вполголоса сказала сама себе Полина. И, чтобы окончательно убедиться, порывшись в сумочке, нашла записку: «Садовая, номер тринадцать, Крутова Анастасия Васильевна».

– Настенька, Настёнка, милая девчонка, – открыв калитку и напевая, пробиралась по узенькой тропке, кругом заросшей лопухами и настырно цеплявшимся за юбку репейником.

На двери кнопки для звонка не было, да и откуда ей в деревне-то появиться. Здесь всё нараспашку – и души, и двери. Лишь на ночь затворяют изнутри на крючок.

Постучала в дверь, затем ещё и ещё. Но к двери никто не подходил и не было слышно приглашения. Так и не дождавшись ответа, Полина, слегка приоткрыв входную дверь, для храбрости крикнула:

– Есть кто живой?..

Но тишина настораживала.

– Бабушка, Анастасия Васильевна-а-а, где вы-ы? Ау-у.

Наконец в ответ откуда-то с печи донёсся приглушённый хрипловатый голос:

– Ну, что, что раскудахталась? Заходи, не в лесу же, – раз-аукалась...

– А вы всё молчите да молчите, и я испугалась. Тишина какая-то...

– А с кем мне тут ворковать-то? Рыжик был и тот сбёг,

а может, собаки задрали, вон их сколь развелось, чуть ли не в каждом дворе... А я, девка, знала, что тебя ко мне отравили, располагайся, – всё мне веселей будет. Кровать выбирай, у меня их целых две, а я здесь, на печке, косточки прогреваю. С утра протопила, а всё жарит.

В квартире действительно было тепло, уютно и светло. От герани, которой заставлены все подоконники, по квартире исходил аромат. И Анастасии Васильевне, похоже, наскучило одной, или сама по себе говорунья, не давала вымолвить словечка Поле, продолжила: – Верчусь вот с боку на бок, пока жива – смерть не берёт, устала уже... Ноги-то на погоду ноют, никудышные они у меня, всё испытали. Да что это я о ногах... Торопко, но с усилием бабуля слезла с печки и подошла к Полине:

– Да ты, я смотрю, худющая-то какая... Как звать-то тебя?

– Полина, – ответила девушка, доверительно глядя на бабушку.

– Полюшка, значит. Ты присядь, присядь, в ногах правды нет, устала, поди, с дороги. Сейчас чайку попьём, свеженького заварю, смородинного листку подброшу, всё вкусней будет, – захлопотала бабуля.

– Спасибо, – потирая руки, довольная, ответила Поля, присев на старинный деревянный сундук. Она действительно чувствовала усталость.

Бабуля села напротив неё на табурет, и, сунув ноженьки в коротко, как тапочки, обрезанные валенки, продолжила разговор:

– Блузка на тебе вон богата, а коса-то, коса-то кака... – и потянулась к своей голове. Воткнула гребёнку в тончайшие волосёнки, понуро продолжила:

– Была у меня коса... да сплыла... – после тифа весь волос вылез, голова коростами покрылась, под пацана потом стриглась. Всё в платок куталась. Но коросты-то меня и спасли...

Старческие губы дрогнули, бабуля замолчала, и в комнате зависла тишина. Но спустя несколько мгновений Анастасия Васильевна, совладав с собой, продолжила:

– Когда война началась, мне девятнадцатый год шёл, братику моему Феденьке – шестой. Славный был парнишечка, с детства судьбой обиженный – немой родился.

Меня сильно любил, и я его тоже. Мамонька наша в бою утопла, батя на фронте погиб, остались мы с Феденькой вдвоём.

Немцы, когда в наше село пришли, стали свои порядки наводить, над народом измываться. Как-то утром к нам в хату немецкий офицер заявился, начал ко мне приставать. Феденька защищать меня хотел, укусил его за руку. Фриц этот, фашист, кулаком его ударил, зуб ему выбил, и опять ко мне полез. А я незадолго перед этим тифом переболела, наголо острижена была. Сорвала с себя платок. Голова моя вся в коростах... Кричу ему: «Полюбуйся, фашист поганый, на меня!» – немец плюнул и из хаты вон.

А на другой день немцы окна нашей хаты досками забили, дверь подпёрли и подожгли. И ещё две хаты, где тифозные больные были, сожгли. Боялись, чтоб не заразиться.

Нам-то с Феденькой после того, как у нас немецкий офицер побывал, сразу бежать из села надо было, так ведь не думала я, что так всё обернётся... – Анастасия Васильевна опять, на сей раз надолго, умолкла.

Полина, видя, что ей тяжело вспоминать то страшное прошлое, хотела отвлечь её от горьких воспоминаний, сказать о чём-то не связанном с ними, но поняла, что старушке станет легче, если она выговорится. И Анастасия Васильевна, справившись с волнением, продолжила:

– Подпол в нашей хате был глубокий, спустились в него. Задыхаемся от дыма. Федюшу, Феденьку на руки, прижимаю мальчонку к себе, и он ко мне жмётся, защиту ищет... Что-то сказать хочет и не может... Задохнулся у меня на руках.

Анастасия Васильевна истово перекрестилась.

– Безгрешный ребёночек, поди, встретился на небесах с родителями. А меня сосед, дядя Илья, спас – чуть живую из подпола вызволил. Только не мил мне был тогда белый свет – ведь братика своего я не спасла, из-за меня погиб...

Надо было, когда немцы пришли, из села бежать, надо было...

Феденьку на погосте схоронила, соседи помогли. И решила с собой покончить.

Болото неподалёку от нашего села большое, теперь-то оно подсохло, а тогда топкое было, считай, заросшее озеро. Пошла к нему. Мамоньку там трясина затянула, и я утоплюсь. Бреду по топи, чую, как она меня всё глубже затягивает... Вдруг слышу – кто-то позади свистит. Неужто, думаю, немцы за мной гонятся? Обернулась, вижу, кто-то по колено в болотине стоит и мне машет. Пало на ум – может, батя мой не погиб, может, фамилию в похоронке перепутали и он домой воротился и меня зовёт

Пригляделась – нет, не батя, а из соседнего села мужик. Я его малость знала, когда немцы пришли, он к партизанам подался. И тут, значит, зачем-то к болоту пришёл и меня увидел. Стою, смотрю на него, а он ко мне кое-как подошёл и за руку схватил: «Дура, жить надоело? Пошли со мной, ворочаться тебе некуда, будешь в партизанском отряде фашистам за отца и братишку мстить». Так в партизанском отряде без малого год я и пробыла.

Несколько раз на краю могилы была, да вот – уцелела.

Замуж вышла за Николая, за того самого, который меня из болота вызволил. Советно с ним жили. Он смиренный был, печник хороший, вот эту печку он клал. А детей у нас не было, не довелось, в болоте, видно, всё позаморажи – вала... Чужих детей растила, нянькой была.

И Анастасия Васильевна погладила Полинины волосы: «Хорошая у тебя, Поля, коса, а у меня волосы там, где коросты были, так и не отросли. Мазали мне в отряде дёгтем и синькой, ничего не помогло...

– Что же это я про чай забыла, – спохватилась Анастасия Васильевна.

Сейчас, сейчас всё улажу, и борщ наваристый есть с капусткой квашеной.

А мне ещё вчера сказали, что с города к нам новую учи – телку пришлют. Комнату тебе в бараке дадут, бабы, что помоложе, вчера её белили, завхоз сказал: «Пусть пока – месьть учительница у бабки Настасьи поживёт, а к сентябрю квартиру ей наладим».

Так там холодно. А ты оставайся у меня, внучкой мне будешь?» – «Буду, – кивнула Поля, – у меня нет бабушки... И мамы тоже нет, детдомовская я. Можно, буду звать тебя Мамбабой?»

– Да мне только в радость будет, – ответила довольная Анастасия Васильевна. – Тебя сам Бог ко мне послал

Больше трёх лет жили они душа в душу. Полина Анастасию Васильевну так и звала Мамбабой.

В летний солнечный день умерла Мамбаба. И деревни той уже в помине нет. Лишь на кладбище кое-где холмики и крестики уцелели. Уцелел и Анастасьин крест с надписью «Дорогая Мамбаба».

Подвиг

Наверное, многие из вас в детстве играли в войну. И каждому хотелось быть победителем, совершить какой-то подвиг, почувствовать себя героем. Так вот и мы с Юркой, с племянником моим. Было нам лет по семь, не более. Разница в возрасте в три месяца. Старшей я себя считала. Может, поэтому всегда я Юрку на подвиги сманивала. Жили в Батурино, посёлок большой, людной, труженики все.

Лето, жара, июль. Мы с Юркой плюхаемся в речке Болван, мелкая, правда, речушка, зато родители нас смело от-

пускали одних. В самых глубоких местах вода достигала нам по горло, но мы туда не лезли, нам и по пояс хватало.

Накупавшись досыта, собрались домой. Вдруг слышим шум – трактор едет.

— Юрка, танк! – кричу я. Ну, это мы понарошку так его называли. А трактор большой, издалека видать. – Успеем?

— Успеем! – быстро подхватил Юрка. И мы бросились бежать на дорогу. Юрка ещё прихватил бутылку, которую мы нашли на берегу реки. Хотели сдать, а на вырученные деньги халвы купить.

– Бутылку-то брось, потом возьмём!

Но он рвался вперёд, не выпуская её из рук:

– Дура ты, это граната у меня!

– А-а-а, тогда ладно.

Но бутылку мне всё равно было жалко. «Не видать нам халвы, – думала я. – Взорвёт «гранату» Юрка!»

«Танк» всё ближе и ближе. Времени совсем мало, и вот мы на дороге. Ложимся в более глубокую ложбинку, зарываясь в рыхлый, как пух, торф. Не шевелимся. Нам почему-то очень хотелось проявить свою смелость. Танк над нами проедет, а мы живыми останемся. Бутылка не выходит из головы: вдруг Юрка руку не так вытянет, и танк бутылку раздавит? И вот последние минутки.

Сказать, что в тот момент не ощутила страха, я просто не могу, но и выглядеть трусихой тоже не могла. «Лежать, – твердила я себе. – А как же на войне?»

И вдруг резкая тишина. Громкий рёв трактора прекратился. Он остановился буквально в двух-трёх метрах от нас. Мы не успели увидеть, как выскочил «танкист», так как были закопаны по уши в торфе. Но зато я хорошо ощутила боль, тракторист трепал меня за волосы, при этом громко орал, он был просто в истерике. Юрке же досталось меньше, то ли потому, что у него волосы короткие, а за уши долго не потянешь, то ли оттого, что у меня уши маленькие, а волосам больше досталось. Да-а-а, влипли...

О «подвиге» мы решили смолчать. Но на следующий день о нас говорил весь посёлок. Боялась – папка узнает, совсем лысой останусь.

Узнал и папка...

Расскажи, доченька, как это было?

— А помнишь, ты мне про войну говорил, как там танки немецкие взрывались? Вот и мы с Юркой...

– Так это же была война! И танки немецкие. Не воюй, доченька, живи в мире.

А вместо того, чтобы оттаскать меня за волосы, крепко обнял и задумался. Похоже, он вспомнил ту, настоящую, страшную войну. Войну, которая наделала столько горя и бед.

Ирина Неклюдова

Лагерный сад в Томске

В ночи растревожены ели,
Но скорбную память хранят.
Здесь вписаны намертво в стелы
Фамилии наших ребят.

Живой, на вершине кургана
Горит, не потухнет огонь.
В нём – все побеждённые страны
И всех победителей стон.

Земли беззащитные дети.
Гранитная совесть чиста.
Девятого мая всем светит
Печальное солнце Христа.

* * *

Светлый праздник – Девятое мая!
В нём начало грядущих побед.
Мир впотьмах, на ходу прозревая,
Ищет в нём и находит ответ!

По России живые колонны
Память подвигов с гордостью чтят.
Поклоняются высям Поклонным
Поколения новых ребят.

В этом слове – ПОБЕДА – незримо
Счастье детского хлеба живёт.
Над Россией, любовью хранимой,
Пусть лишь мирный горит небосвод.

Первая фотография

Книга жизни моей семьи –
Обтрепавшийся фотоальбом:
Мама – девочка лет семи –
Мажет глиной саманный дом.

Казахстанская степь вокруг
Заслоняет от мин войны.
Белорусский соседний луг
Стал могилой для всей родни.

Знает девочка лишь одно –
Трудно выжить, когда ты слаб.
«Если сдашься – уйдёшь на дно», –
Повторял её дед Остап.

Помогает хозяйке злой,
У которой вчера овец
Рано утром угнал конвой,
Обещая: войне – конец.

Лижет раны степей огонь –
Расцветающий красный мак.
Время, маму мою не тронь,
Не сжимай всех в один кулак.

Мы с сестрою там не были, – нет..
Там, где девочку лет семи
Любит жгучий небесный свет,
Обнимают, любя, ковыли.

Китель

Весна нынче – бесшабашная, весёлая, распевается птичьим гомоном на все лады. Отогревается Сибирь на щедром солнышке. Сельские жители рады. Теплицы полны зелени и света. А девятого мая словно летний день в гости заглянул. Постучал в окошки, прокричал петухами. Спит дед Матвей непривычно крепким сном. Накатили вчера воспоминания, – вдруг это последний его победный праздник на грешной земле? Успокоиться долго не мог. Правнук Митяй, Митенька, вперёд него свалился. А ведь рассказы может слушать до бесконечности. И куда только в него влезает?

– Митька! – кричит мать. Потеряла. Заглянула в комнату. Поправила одеяло. Оба дышат беспокойно, будто воевали всю ночь. Ладно, пусть отсыпаятся. Успеют до митинга собраться. Да и что тут собираться? Китель с наградами надел да пошёл. Село Сибирка большое. Дед Матвей был местной достопримечательностью. Ни у кого, как у него, столько орденов и медалей не было. Как накинёт китель свой потёртый, спину сгорбившуюся разогнёт, идёт, позвякивает, всем пацанам на зависть. Не зря он – гордость районного масштаба, а то и городского. Сколько раз уж на грандиозные праздники Победы забирали. Но юбилей только на следующий год, да ещё какой – 70 лет с 1945-го года прошло. Мало их, ветеранов, всего двое осталось. Недавно ещё один двор опустел. Дед Монтий помер, внучка сразу в район перебралась, её давно в местный детский сад музыкальным работником звали. А свой вот опустел пока. И родители старенькие одни остались.

Праздновали День Победы всегда масштабно, нарядно. Всем селом на площади перед конторой собирались. Местный умелец, трудовик школьный, с учениками памятник обновили, ещё с советских времён установленный. Жен-

щина с ребёнком на руках обнимает бойца, а он, словно вырываясь из её объятий, с винтовкой в руках смотрит вдаль. Что там видит? Сибирка – старинная. Никто не знал точно, сколько ей лет. Говорили, что первыми старообрядцы здесь поселились, да они отрицали это, мол, местные, селькупы, приняли и научили, как в суровых условиях выживать. Разрослась за много веков Сибирка вширь и вглубь, леса и поля отвоевала, к нуждам своим приспособила. На каждом митинге, конечно, начальство речи говорило и кого надо награждало. Но без деда Матвея праздник каким-то половинчатым воспринимался. Не нравилось односельчанам его в город на главный парад отпускать. Самим нужен! Из каждого родного двора когда-то, как и по всей стране, мужики на фронт ушли. Только несколько человек возвратилось.

– Митька, – мать опять в комнате, – дед, вставайте. Пока позавтракаете, время-то быстро идёт. Нехорошо опаздывать. Сам знаешь, без тебя не начнут.

– Ой, Зинка, – дед Матвей открыл глаза, – что-то тяжело мне, сердце давит.

– Ой, деда, не пугай.

– Да не бойсь, внучка, обойдётся. Да только слабость вот проклятушая опять накатила.

– Да вы всю ночь шушукались, я пить ходила, не наговоритесь всё. Во сколько уснули?

– Да петухи не пели вроде.

– Счас таблетку принесу. Лежи пока. А ты, Митька, вставай!

Шестилетний внучок потянулся сладко, протёр глазки, обнял деда, подпрыгнул на кровати, от чего дед болезненно сморщился, и вылетел за дверь. «Победа, победа», – прокричал он громко. Пёс по кличке «Победа» ответил радостным лаем. Глаза прадеда наполнились слезами. «Только бы встать». И он, словно готовясь к атаке, собрался было из последних сил, приподнялся, да рухнул на по-

душку. «Нет, отлежаться придётся сегодня. Вот невезуха». Приготовленный с вечера заботливой Зинаидой китель укоризненно блестел начищенными наградами и ждал своего торжественного часа. Весь год до этого спрятанный в огромном старинном шкафу, висел в тёмной и тесной глубине, зажатый с обеих сторон ворохом женских одежд.

А на площади потихоньку собирался народ.

– Что-то деда Матвея не видать, обычно он раньше приходит, – заволновался кто-то.

Младшие мальчишки крутились, поднимая пыль. Кружили на велосипедах, гонялись туда-сюда. Кто-то сообщил новость, испугав изрядно односельчан:

– Деду Матвею плохо.

– Да не баламуть ты воду! – Это соседка. – Отлежится и придёт. Он у нас крепкий.

– Ну да, а то с кем фотографироваться будем?! – В толпе видны были незнакомые лица. Молодёжь спешила запечатлеть сэлфи, прикоснуться хоть краешком любопытного сознания к уходящей эпохе, ускользающей, непонятной, полной героизма и патриотизма. О пролитой крови, потерях близких, голоде и нужде думалось меньше, а то и не представлялось вообще.

Вихрастый Митька прилетел, встал в строй рядом с вечно поддатым дедом Семёном. Зато у него на стареньком пиджаке две медали, как два глаза огромных, выглядывают. Его правнук, больно пнув Митьку грязной ногой, зло прошипел над ухом: «Сегодня мой дед главный, понял?». Митька огляделся кругом, шмыгнул носом, было больно, но не подал вида. Все односельчане смотрели на него, словно спрашивая: «Награды где? Где дед?». И Митька рванул домой. Сорвал со спинки стула сверкающий китель, напялил на себя, путаясь в неподдающихся рукавах, дед только вопрошающе крикнул, когда правнук прозвенел: «Не дрейфь, деда. Ты – в строю!». И выбежал. Левая пола перевешивала, волочилась по полу, круглые медяш-

ки стучали по коленке, но Митька, на ходу обняв болтающимися рукавами награды и выправив, подтянув к животу тяжёлую одежду, помчался по опустевшей улице изо всех сил, чтобы успеть к началу митинга.

Директор уже начал говорить приветственную речь, когда запыхавшийся мальчишка выбежал на круг, остановился, выпрямил спину и, размахивая по-военному широченными рукавами, прошагал гордо через центр, встал рядом с ветераном. Дед Семён икнул и невольно расправил плечи. Глаза его часто заморгали и наполнились слезами. Рядом из большой горловины торчала маленькая, но гордо вскинутая Митькина голова, плечи кителя свисали чуть не до локтей. Вся его нескладная детская фигурка передавала пусть не до конца осознанную ещё, но такую горькую и ликующую истинность момента. Женщины начали всхлипывать. Мальчишки помладше сорвались со своих мест, старшие, чуть помедлив, убежали тоже. Над площадью зависла странная тишина. Баба Катя, ударница тыла, с медалью на цветастой кофте, обняла Митьку и заулыбалась всем.

Первым примчался Алёшка. Он жил ближе всех. Прадеда своего он не знал, родился, когда того уже схоронили. Но обмундирование военное родные берегли, и за праздничным столом в День Победы наградным почестям отводилось самое почётное место. И стопочка перед этим стулом пустым, как полагается, ставилась, и корочка чёрного хлеба сверху. И фотография деда в центре стола стояла, рядом с цветами. Малышне, конечно, разрешалось недолго на главном, хоть и старом, скрипучем стуле посидеть, на спинку не облокачиваясь, да и взрослые за особую гордость почитали.

Со всех сторон села прибегали мальчишки. Кто в чистом костюме, кто в мятом, видно, только что из какого-то сундука или дальнего угла вытащенном. Четырёхлетний Славка, недавно приехавший с родителями-беженцами,

из картона вырезал не очень ровный, но зато по размеру больший орден, фломастером быстренько обвёл, главное, что подписал «ОДИН», и вместе со всеми в строй ветеранский встал. Семиклассник Юра надел форму отца, что в Афганистане воевал и не вернулся. Девочка Дарья чуть не подралась с братом, разбираясь, кто имеет больше прав китель прадедушкин надеть. Старшая была, одолела брата. Он стоял теперь надутый и рассерженный, но вот кто-то из стариков фуражку ему свою военную отдал, оттаял парень сразу.

Митинг праздничный долго не начинали, пока от каждой семьи кто-нибудь да не пришёл. Словно чуда ждали, как когда-то с фронта. В селе много было тружениц тыла, и про их награды правнуки не забыли. Девяностолетняя Аглая первый раз в жизни пришла. До этого все митинги, по любому поводу, игнорировала, властей не боялась. Пять сыновей и мужа с фронта не дождалась. А тут и её сердце оттаяло, смягчилось. Дочь рядом плакала, а она нет. Выправился строй ветеранский, в центре – протрезвевший дед Семён и Митька, и, словно ожившие, пришедшие в гости навсегда прадеды, деды, отцы.

Дед Матвей охал, волновался, переживал. Вроде полегче стало, охота на митинг сходить. Вдруг шум на улице услышал, да как Зинка по дому забежала, засуетилась. Распахнулось окно в его комнату, словно солнце само лучами растворило. Гул радостный влетел, забился в стены. Ох, рано помирать ещё, односельчанам нужен! Придвинули вошедшие мужики кровать его к подоконнику, изголовье выше подняли, чтобы видел всё. Пора митинг начинать. Стопку водки исподтишка налили, дали глотнуть, закусок из карманов. И... поехали. Слов много красивых было сказано. Да слов не хватило. Соорудили прямо во дворе (и часть улицы прихватили) громаднейший стол, яств вкусных натаскали, а как сели дружно, вспомнили, что в 1955 году вот так же за единым столом всем селом

собирались. Дед Матвей не улежал больше, такое пропустить нельзя.

Картинки сего праздника по Интернету быстро разбежались, и во многих городах и молодёжь, и люди постарше в военных мундирах ушедших безвозвратно родных на парад пришли. Вместе с безымянными полками цветы к стелам и памятникам возложили.

А Митька, невольный виновник новой традиции, ни о чём не подозревая, поедал с нескрываемым аппетитом хрустящие постряпушки бабы Дарьи. Она ими на всё село славилась. И хорошо, а то дед Матвей за китель переживал. Не ровён час, запачкает. Маленький ещё, чего с него взять. На своих плечах кителью спокойнее.

Поживи ещё, дед Матвей, пожалуйста, поживи...

Слёзы

Сегодня 9 Мая. Все родственники, как всегда, съедутся к нему в деревню. Некоторых раз в год только и видит. Жена суетится на кухне уже два дня. Холодец наварила, булок настряпала. Малышня обязательно побежит на речку, благо вода спала, но мостика их любимого ещё не видать. Взрослые рассядутся вокруг большого стола на солнечной веранде, будут пить, есть, закусывать, спрашивать, песни петь. Только бы не расплакаться снова. Никто ведь его не понимает. Смотрят изумлёнными, а то и возмущёнными глазами: чего это все радуются, веселятся, а он – единственный из всей многочисленной родни с войны возвратившийся – плачет. Как можно? Старик, одним словом. Сентиментальный, беспомощный старик. Своих детей нет, не нажил. Жена моложе на 15 лет, тоже одинокая, из детдома. Всех родственников родная младшая се-

стра, неугомонная, вокруг себя сплачивает и объединяет. А ему давно хочется только покоя и тишины. Никогда не осмелится всей правды о войне рассказать. Той, о которой газеты не напишут. При его жизни, по крайней мере. Как командиры своих расстреливали, как в бессмысленные атаки посылали на верную смерть, порой без оружия и боеприпасов, лишь бы приказ выполнить. Он – выжил, потому что танкист. И взяли в 43-м, на сломе войны. Отец ушёл в 41-м и погиб почти сразу, как дядя и старшие братья, как все, кто не был ранен в первые месяцы войны и тем спасён, отсрочен. А он через всю Европу прошёл, в боях за Берлин сражался, есть что рассказать. Ребята на стенах рейхстага фамилии свои, победные росписи начёркивали, а он тогда впервые расплакался, слёз не стесняясь, беспомощно, страдальчески, навзрыд, как девчонка, как баба бестолковая. И наплевать было на историческую значимость момента. Потому что друга единственного накануне потерял, и удар этот был страшнее любого проигранного боя. Это как потерять часть себя. Сколько раз шептались с ним и делились неизбежным, мыслями молодости шальной, молодости не видавшей, не целованные оба. Сколько раз друг другу клялись. Шутка ли, в 17 лет попасть на фронт. Видеть войну, бои бесконечные сквозь узкую прорезь стального окошка. Быть в броне. А сейчас – беззащитный. Три поколения придут. Конечно, он рад. Но только бы не расплакаться. Опять будут приставать: расскажи да расскажи. И опять не выдержу, сдамся. И опять зависнет пауза неловкая на несколько минут, а потом кто-то затянет песню, её подхватят другие. А он уйдёт в свою комнату или выпьет водки за единственного друга, остающегося вечно молодым, улыбающимся и простившим его за то, что, несмотря ни на что и вопреки всему жизнь всё равно продолжается.

Немец

Вся контора гудела, обсуждая доклад Хрущёва, «культ личности», прошедший съезд. Кто дал волю резким словам, кто тихо плакал о невозвратимом и навек утраченном. Равнодушных не было. Одна Зина, по-прежнему уставившись в чертёжную доску, пыталась понять: где ошибка? Расчёты не сходились. Задерживаться не хотелось, сама настояла записать сына в кружок авиамоделистов. Может, хоть этим заинтересуется. В школе – сплошные тройки. Только учительница немецкого языка довольна. Здесь он – впереди планеты всей. Вызвался даже помогать на факультативах пятиклассникам. И откуда такой интерес? У Ивана и кличка была поэтому – немец. За подобное имя чужаки и побить могли. Память войны жила и побеждала. Но русоволосого Ивана это, казалось, не трогало. Он сам не мог понять, почему из всех предметов ему нравится именно немецкий. Отшучивался не по-детски. А потому, что Зинаида Павловна – красавица. И имя у неё как у мамы. Ich werde mein Bestes tun. (Я сделаю всё возможное.) Его даже прибамбило недавно стишок сочинить, естественно, не на русском. «Станный мальчик», – говорила учительница словесности. Ей было обидно: родной язык знает хуже, чем чужой. Ванька часто любил пропадать на окраине, где скученными дворами жили немецкие переселенцы.

Зине повезло после войны выйти замуж. Отставной майор, покалеченный, без руки. Пять лет прожили душа в душу, а как узнал муж, что отцом станет, выгнал молодуху из дому. Ушла в чём пришла, и больше о себе не напоминала. Наоборот, молилась всё чаще, чтобы не нашёл. Иногда накатывал страх, что Ваньку заберут, отправят в детдом или того хуже. Что могло быть хуже, Зинаида не знала и гнала мысли прочь. Осторожно прислушивалась к неутрачившим и не утешающим разговорам в конторе; нет,

они не давали ей новой окрыляющей надежды. Что будет дальше, не знает никто. И почему сына заклинило с этим немецким, *wagun*? Надо срочно заинтересовать его чем-то другим. Но перепробовано было в их маленьком городе, казалось, всё. Оставался ещё кружок авиамоделлистов. Может самолётики начнёт мастерить. Всё-таки его настоящий отец – лётчик, военнопленный немец, с которым случайно схлестнула судьба. Или не случайно? Глаза его – огромные, голодные, влагой туманились, как только её видел. Двухнедельная практика, старая избушка; старуха, вздыхающая за печкой, не мешала им никогда, хотя всё понимала. Зина заметила однажды, как перекрестила их украдкой. А ведь у самой двое сыновей с фронта не вернулись. Старшего звали Ваня. Ваня – имя русское, это – как защита, как дополнительный оберег.

«Ох, будет наш Ванька переводчиком! Помяните моё слово! Что заявил недавно: *Ich mochte alle Sprachen sprechen!* (Я хотел бы говорить на всех языках!)» Какой учитель не гордится своим учеником! Зинаида только вздыхала. У мужа, как оказалось, не могло быть детей. А от неё скрыл, боялся, что уйдёт. Своих детей нет, и чужому не обрадовался. Как живётся теперь ему, с кем? Только бы копать не начал, от кого! Ведь если узнает, страшно. За Ваньку, да и Отто не поздоровилось бы. А вдруг знает уже, сразу узнал? Нет, тогда такой шум бы поднялся, ой-ой-ой. О любви своей Зинаида молчала, похоронив заживо. Нельзя! Никакой партийный съезд её горю не поможет. Никто её не поймёт. Любой осудит. И Ваньку со света сживут.

Домой пришла, как чаще бывает, поздно. Сына не было. В стопке аккуратных тетрадок лежал листок с непонятными немецкими строчками, последняя из которых выстрелила ярко, знакомо, осветив всё вокруг. Или это в слезинке, как в увеличительном стекле, прошлое обозначилось, изогнулось. *Ich liebe mein Fraulein nur dich...* Я люблю, моя девочка, только тебя...

* * *

Leider, ich leide nicht heute (Ляйдер, ихь ляйдэ нихт хойтэ),
К сожалению, я не страдаю сегодня,

Liebe mein Fraulein. (Либэ майн фройляйн). Дорогая моя де-
вушка.

Die Leute (Ди лёйтэ) Люди

Spazieren oder laufen leicht. (Шпацирэн одэр лауфэн ляхх). Гу-
ляют или бегут легко.

Ich weiss, dass ich bin reich. (Ихь вайс, дас ихь бин райх).
Я знаю, что я прав.

Ich rufe: «Es lebe die Liebe!». (Ихь руфэ: «Эс лэбэ ди лиэбе!»).
Я кричу: «Да здравствует любовь!».

Das Leben macht das Licht. (Дас лэбен махт дас лихт). Жизнь
зажигает свет.

Ich schreibe heute die Lieder. (Ихь шрайбэ хойтэ ди лиз-дер).
Я пишу сегодня песни.

Ich liebe mein Fraulein nur dich... (Ихь лиэбе майн фройляйн
нур дих)... Я люблю, моя девушка, только тебя...

Ноша

Тяжело на Руси с пьянством бороться. Как только ни искореняли, ничего не помогает. А дед Артём единственный на селе не пил. Так, чуть-чуть пригубит и всё. К нему давно уж не приставал никто, не дразнил. А раньше, по молодости, и побить мужики могли, особенно когда особо словоохотливые жёны его в пример своим мужьям ставили. А ведь причина была: не в наследственности, не в родительском воспитании – война. Мальчишка белобрысый Артёмка, очкарик со школьной скамьи, прибыл на фронт в составе таких же новобранцев, как он. Патриотизмом горели, на фронт едучи, а приехав, испугались, увидев грязные шинели, обувки рваные да глаза уставшие. Сидели бойцы в окопе, ложками по котелкам стучали, из которых

еле заметный парок шёл. Окидывали молча взглядом – и дальше за дело. Артёма с матерящимся сержантом в штаб отправили, какие-то бумаги надо было срочно с немецкого языка перевести; он один мало-мальски помочь мог, других не оказалось. Помощника командира накануне убили. Сержант есть хотел, зло плевался, дорогу показывая. Понял, что придётся всё-таки чуть ли не за ручку вести. Пошли. Вдоль дороги бойцы сидели, а поодаль, у орудия, пьяный солдат песню орал. Единственный живой остался из всей своей роты, простительно, никто ему не мешал, но и к песне не присоединялся. Всяк горе по-своему переживает. А на войне его хватает с избытком. Каждый день. Не успеваешь привыкать. Артём невольно отшатнулся, а потом и вовсе на другую сторону дороги перешёл, пока сержант к бедалаге с фляжкой своей двинулся. Мог бы следом отправиться, нет. Сам не понял, чего уж так побрезговал, не стесняясь, то ли неприятно стало от картины безысходной, то ли от всего увиденного, с юношеским задором не совпавшего, то ли запах сразил... Внезапный, случайный снаряд ударил, в воронку стерев и сердобольного сержанта, и солдата, и орудие. С тех пор не может Артём, дед уже, пить спиртного. Не зря же его тогда Бог отвёл. Зачем-то в живых оставил?

Олег Лапшин

Отец отца

Эту историю рассказал мой отец. Ему было лет пять, заканчивалась, но ещё шла Великая Отечественная война. Отец моего отца был на фронте, а мой отец, тогда ещё не отец, а мальчик, жил со своей матерью у родственников в алтайской деревне.

В тот день на часах было не так много времени, но уже начинало мгновенно темнеть, словно белая роза сменялась на чёрную, – и тень от её лепестков, ещё более тёмная, пластом упала на земную карту, из-за чего быстро вечерело, словно мальчик стремительно старился и мог бы в скором времени умереть, если бы немецкие самолёты сумели долететь до Алтая и сбросить бомбы, сделав дыру в карте на месте этой небольшой деревеньки.

Мальчик находился дома один, в комнатах становилось темно и даже страшно, как вдруг он услышал негромкую, необычную музыку. Осторожно встав на пол, паренёк тихо направился по направлению звучания, и вошёл в соседнюю комнату, где на прикреплённой к стене доске стояла небольшая икона.

Именно из иконы, словно из репродуктора, доносилась музыка. Икона пела, лучилась звуками и отгоняла от мальчика все страхи, словно лёгким прикосновением сдувала с него чёрную пыль, пепел войны, как будто снимала с него порчу – упавшие на страну, а вместе со страной и на него, проклятия.

Музыка явственно шла от иконы – и, не поверив, мальчик скорее вышел из комнаты, а затем выбежал из дома, надеясь, что музыка принадлежала улице. Но на улице

стояла тишина. Вновь зайдя в дом, паренёк снова услышал дивную мелодию, которая явственно веялась от иконы, как если бы она мироточила – и от появляющихся капель источался бы аромат. И эти ароматные капли вдруг преобразились бы в музыку, словно глаза и нос превратились в уши, – и слышал мальчик тихую, светлую игру, нежную и напоминающую радостную радугу, из которой можно было бы получить разноцветную мармеладину, никогда ещё этим мальчиком не виденную.

Икона пела минут пять, а потом замолчала и вновь прикинулась неживой, деревянной. Когда поздно вечером вернулись взрослые, мальчик рассказал им о случившемся чуде. Взрослые, услышав рассказ о поющей иконе, не удивились, а встали перед ней в ряд и начали молиться.

Недели через две после этого происшествия на отца моего отца пришла похоронка – и мальчик решил, что его дед, отец отца, когда был убит, то в этот момент не умер, а думал о сыне и даже спел ему песню, когда сам через божий громкоговоритель передал сообщение про себя, солдата. Через икону передал он песню, словно он своего на этот раз спасовавшего ангела-хранителя напоследок попросил для сына спеть, перед смертью попросил показать сына, и в икону, словно в открывшееся окошечко, на мальчика смотрел, пока тот возле окошка-иконы стоял, музыкой заворожённый.

Николай Хоничев

Синюха

Цветы синюхи хороши.
Их тьма – больших и малых.
Растает сердце невзначай
От голубой струны.
Сверкают капельки небес
В лазоревых бокалах.
А судьбы в небесах видны
И Томска, и страны.

Война. И в поисках лекарств
Настойчивые тропы.
Синюха, что несёт покой
И утоляет боль...
Один из тех профессоров,
Что изучали травы,
Совсем недавно из тюрьмы
Был выпущен домой.

И через круглые очки,
Счастливо и устало,
Профессор видел, как в судьбе
Разъялся страшный круг.
И небо мудрое над ним...
Синюховое... пело,
И золотой тычинкой луч
Сочувствовал, как друг.

* * *

О чём-то говорят, свисая с крыш, сосульки,
На озере грустит и тихо тает лёд.
А в доме номер пять, в Кустарном переулке,
Прабабушка моя поклоны ночью бьёт.

А утром – снова бьёт, перебирая чётки.
Внук с внучкой – на войне. И оклеветан зять.
И приговором путь безвинно перечёркнут.
Но, может быть, тюрьма вернёт его назад.

Такие времена, что ложь остра, как бритва.
И корчится страна от беспросветных мук.
Сгибается спина – и звёздочка молитвы
Летит под Сталинград, где исчезает внук...

Прабабушка не зря по сто поклонов била
И верила в свою счастливую звезду.
Хоть внуку у войны, у Бога отмолила.
А зять расстрелян был в тридцать восьмом году.

Татьяна Назаренко

Корольков Михаил Алексеевич

1916–1944

О существовании этого человека я узнала совершенно случайно. Осматривала во время велопохода кладбище исчезающей деревни Милоновка (Воронинское СП Томского района). Как известно, погосты – самый доступный архив любой деревни. Хожу меж разновременных надгробий и заброшенных могил, и вдруг резануло. На синенькой пирамидке под крестом двойное фото: солдат в пилотке и гимнастёрке без погон и маленькая девочка с огромными печальными глазами. Подошла поближе – табличка тоже двойная. Отец и дочь. Девочка Рита родилась в марте 1942 и ушла в ноябре 1944. Отец – Михаил Алексеевич Корольков, самого призывного возраста, 1916 года рождения, дата смерти – 1943 год...

Первая мысль – что солдату, погибшему в разгар Великой Отечественной, делать на глубоко тыловом кладбище? Сразу выстроила несколько версий: либо израненный вернулся, да уже на родной земле умер, либо – могила невесты где, родные устроили памятник тут. Потом уже, сопоставляя дату рождения девочки с событиями недоброй памяти 1941 года, понимаю: отец никогда не видел своей дочки. А девочка, зачатая в последние мирные дни, никогда не знала мирной жизни. Женской могилы рядом нет – неужели жена ещё жива? Или уехала из бесперспективной деревни в город?

Почему-то я не смогла забыть об этом человеке, так всё и думалось о нём. Подруга посоветовала проверить судьбу Михаила Королькова по «Книге памяти». Точно, есть та-кой. Призванный в 1941 году Туганским РВК рядовой Ко-рольков пропал без вести в мае-июне 1943 года. Вот и от-вет на вопрос о происхождении странной могилы.

Но кто бы мне ответил, почему я всё продолжала ду-мать об этом совершенно чужом для меня человеке? Таких вот рядовых было много на той войне. Не надо далеко хо-дить, довольно свою семью вспомнить. Мой дед Николай Александрович Громов погиб под Старой Руссой, отчим моего отца Александр Дмитриевич Назаренко и дядя моей мамы – Устимов Николай Иванович – без вести... Погова-ривали, что Устимов жив, даже возвращался на родину, но постеснялся показаться на глаза своему брату, моему деду. Тот младших братьев при отправке на фронт напутство-вал коротко: «Поймёте, что попадёте в плен, – стреляй-тесь. Лучше смерть, чем плен»...

Но вот не выходит из головы человек, о котором я и знаю всего ничего. Какой он был до войны? Где воевал? Что стало с ним летом 1943 года?

На одной из районных школьных конференций высту-пали ребята из Кожевниковской средней школы № 1. Их музей «Альтаир» проводит поиски сведений о солдатах Великой Отечественной, пропавших без вести. Я попро-сила поискать информацию и о своих пропавших. Они ничего не обещали, но данные взяли. Спустя несколько месяцев – поздний звонок от руководителя, Светланы До-бровольской...

– Я ничего нового не могу сказать о судьбах ваших близких. А вот о Королькове кое-что есть. Вы знаете, что он – кавалер ордена Отечественной войны II степени? Даже известно, когда и за что он его получил. Материалы высылаю...

В письме – такие важные для меня сведения. Жил он не

в Милоновке, а в посёлке Первомайском, недалеко от деревни. Рядовой, стрелок. Последнее письмо было в марте 1943 года... Полевая почта 22136. Его маму звали Ульяна Устиновна, и известить её надлежало в с. Семилуженском. Это в 7 километрах от Милоновки.

Но самое главное:

Приказ 13 /н от 30 марта 1944 года. (Обратите внимание на дату!)

«Неоднократно раненный в боях с немецкими оккупантами тов. Корольков продолжает с честью выполнять боевые задачи. В бою под Синявино Мгинского р-на Ленинградской обл. 2.9.42 года, несмотря на полученное ранение, продолжал выполнять боевую задачу. В бою 17 и 18.2.44 года под д. Медведь Ленинградской обл., находясь с пушкой прямой наводки, первым обнаружил дзот противника и метким огнём уничтожил его, что обеспечило захват опорного пункта противника». И – да, удостоен высокой награды.

Но на памятнике-то стоит другая дата – 1943 год. Полно, он ли это? И почему в документах военкомата... кстати, какого они года? 1947, послевоенные... А всё же, если это правда он, – насколько приятно осознавать, что Михаил Корольков был достойным бойцом!

Иногда судьба играет с нами в странные игры. Я сменила работу и занялась сбором информации о потомках столыпинских переселенцев, живущих на томской земле. В 1911 году на месте Милоновки были хутора белорусских крестьян-переселенцев, в основном из Могилёвской губернии, которые прибыли сюда в годы столыпинской реформы.

Первая же встреча с потомками жителей Милоновки дарит интересные сведения. Лидия Ивановна Белик принесла в наш музей фотографии своих родственников и вещи, вышитые «тётей Маней».

Я спросила о Королькове – кто устроил могилу, есть ли у него другие дети?

– Так это та самая тётя Маня Слепакова сделала, жена его. Других детей у неё не было. Тёти Мани уже нет. Племянница за ней ухаживала. В Северске живёт. Хотите адрес?

Я уточняю, была ли тётя Маня замужем вторично, раз она Слепакова, а не Королькова.

– Нет! Это дочка Евмена Афанасьевича Слепакова, вы его могилу видели. Она официально с ним не была расписана, но в Милоновке это случалось часто.

– А почему замуж вторично не вышла? Молодая, детишек уже нет...

– Так уж любила. Кстати, вот это военное письмо – это он тёте Мане писал.

На письме стоит дата – 14 февраля 1944 года. Как раз перед теми самыми боями, за которые удостоен он высокой награды. Значит, это в списках пропавших без вести ошибка. Кто знает, может, в очередной канцелярской суете последнее письмо, написанное в 1944 году, превратилось в письмо, полученное в 1943. Никто и никогда не застрахован от описки, особенно если пишешь много и информация однообразна. Но родным-то не всё равно! Ещё раз осматриваю копии документов. Оказывается, Мария Евменовна обращалась с просьбой уточнить дату, и даже резолюция красным карандашом в углу, что пропавшим без вести Королькова М. А. надо считать с 1944 года.

Пробиваю по адресу полевой почты со штемпеля письма воинское подразделение. Да, куда был призван, там до той роковой даты и служил... 119 стрелковый корпус 56-й армии Ленинградского фронта. Заглядываю в историю воинского подразделения – в 1943 году период с апреля по июнь был спокойнее, чем в 1944, когда она оказалась задействована в неудачной операции под Псковом.

Встречаюсь с Маргаритой Ивановной Марининой, в де-

вичестве Барыгиной, племянницей Марии Евменовны Слепаковой. Узнаю, что опоздала я на какую-то пару лет – ещё недавно была жива и сама тётя Маня. Она бы, конечно, больше рассказала о Михаиле Алексеевиче. Но уже не спросишь.

Тем не менее, среди того, что запомнила Маргарита Ивановна, есть немало сведений, которые помогают мне узнать о Михаиле Алексеевиче больше.

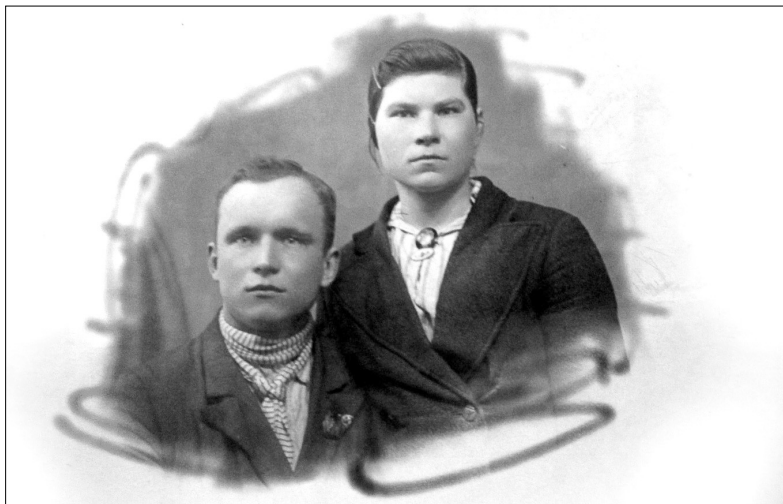
– Не знаю, почему они не расписались, – говорит Маргарита Ивановна, – неужели так уж некогда было?

Потом, уже после войны, пришлось в судебном порядке доказывать брак.

Показывает документ. В постановлении суда установлено, что имели место фактические брачные отношения Марии и Михаила с 1939 года по 1941.

Причин может быть несколько. Во-первых, в то время многие люди, сыграв свадьбу по обычаю, не спешили закрепить отношения официально: церкви закрыты, сельсовет не воспринимается как нечто обязательное. С другой стороны, в семье Марии Евменовны уже был случай неудачного союза такого рода. Её старшая сестра Екатерина сошлась с красивым, но непутёвым парнем. Отец, Евмен Афанасьевич Слепаков, браку решительно воспротивился. Женщина сперва ушла к мужу, но в той семье не зажила. Дома её с ребёнком тоже постоянно попрекали. В результате несчастная Екатерина подалась на лесозаготовки, и там простыла. Ей не было и 26 лет, когда она умерла. А непутёвый муж её вскоре сел за разбой и убийство.

У Михаила Королькова репутация была другая. По смутным сведениям, он одно время возглавлял колхоз. Правда, недолго, после начала войны и до того, как его самого призвали в армию в августе 1941 года. Но он был комсомолец и в бога не веровал. А Евмен Слепаков, напротив, был набожным человеком. В общем, ещё одна дочка пошла против воли отца, но тот со временем смирился и союз таки признал. Гордая Мария в эту пору укладывала

Михаил Алексеевич Корольков с женой, Марией Евменовной Слепаковой. 1940–1941 гг. Из личного архива М. И. Марининой.

«Мой милый, если б не было войны...». Послевоенный коллаж, заказанный М. Е. Слепаковой. Из личного архива М. И. Марининой.

волосы по-бабьи и временами подписывалась не Слепаковой, как во всех документах, а Корольковой. «Он был спокойный и непьющий», – подытожила Маргарита Ивановна. И, посмотрев на меня, вдруг спросила: «А может, он жив остался? Хотя нет, он бы не бросил тётю Маню. Разве что такой оказался, что калека, всем в обузу».

Я киваю и рассматриваю фотографию, на которой деревенский парень и счастливая женщина ещё не знают, что будет война. У парня на пиджаке комсомольский значок.

Неверующий был. Наверно, религиозной Марии Евмене было трудно это принять. Она и потом всё вспоминала: когда их с Иваном Слепаковым призывали, матери вынули из сундуков иконы, просили поцеловать. Иван согласился, Михаил отказался наотрез. «Слепак вот икону поцеловал, и, хоть раненый, но вернулся. А мой...» – подытоживала горько тётя Маня, рассказывая эту историю. Ей очень хотелось узнать, где он похоронен. Писала в архивы, искала, но безуспешно.

Маргарита Ивановна бережно расправляет письма:

– Было больше, но осталось всего два. Отдала в какой-то школьный музей, а потом уже не помнила, в какой.

В первом письме, 1942 года, упоминается о деньгах. Как выяснилось, отправлены они были на имя Корольковой М. Е., которая по всем документам была всё же Слепакова. Зато на почте работала Королькова М. А., сестра Михаила. Дальше продолжать не буду, вы сами догадались, что случилось с деньгами.

Отношения с семьёй мужа у Марии Евменовны были далеко не благополучные, и потом, жалуясь на свекровь, вспоминала Мария Евменовна и про эти деньги. Может, оно и лишнее – но мне дорога каждая мелочь в биографии Михаила Алексеевича и его близких.

Ещё фотографии. На них Михаил Корольков в Омском военном училище. И в гимнастёрке рядового, и с сержантскими треугольниками.

Мария Евменовна Слепакова с дочкой Ритой и сестрой Таисьей.
1943 г. Из личного архива М. И. Марининой.

На обороте фотографии – надпись, сделанная М. Е. Слепаковой в день смерти Риты Корольковой:
«Умерла Рита. 8 ноября в 7 часов вечера 1944 года. День был суббота, было ей время всего 2 года с половиной. Королькова Маргарита Михайловна».

Могила
Михаила Алексеевича
и Маргариты Михайловны
Корольковых.

Фото О. С. Асратяна.
Милоновка, 2013 год.

Послевоенные фотоколлажи царапают душу. Мария Евменовна больше замуж не пошла. Но она точно знала, как должна была сложиться её судьба. И в фотомастерских несчастная женщина заказывала фотографии, на которых запечатлевала ту жизнь с любимым мужем, с дочкой, которую не успела прожить. Вот Михаил Алексеевич уже в костюме и с галстуком, а Мария Евменовна в платье с кружевным воротничком и с модной в послевоенные годы причёской. Михаил Алексеевич ничуть не переменялся, а вот Мария Евменовна выглядит старше. Была ещё одна фотография. Там между родителями сидит дочка Рита. Эту фотографию Мария Евменовна попросила положить с собой в гроб.

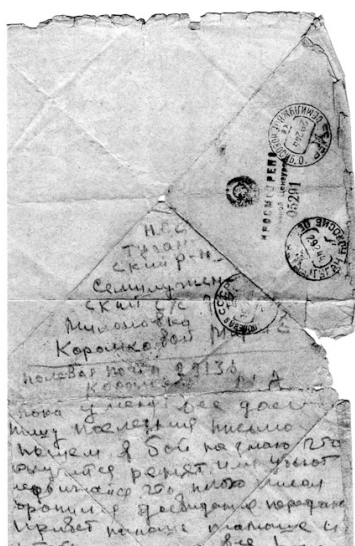
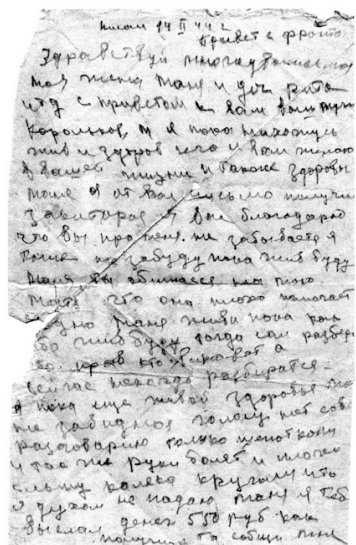
Эх... Останься её дочка в живых, смотреть на эти коллажи было бы легче.

Рита, Риточка, Маргарита Михайловна Королькова, ребёнок с печальными глазами. Девочка, которой не довелось узнать, что значит «нет войны». Есть другая фотография – малышка, похожая на чахлый цветочек, пробившийся сквозь утопанную землю, стоит между мамой и тётёй Таисьей. На обороте надпись: «Умерла Рита 18 ноября в 7 часов вечера 1944 года день был суббота было ей время всего два года половиной Королькова Маргарита Михайловна». В этих расплывающихся строчках, в испуганной растрёпанности фраз столько горя. «У неё слегка повысилась температура. Тётя Маня пошла в больницу. А Рита там прыгала-скакала. Их и развернули: «Сумасшедшая мамашка, здорового ребёнка принесла». Пришли домой, а у неё жар, и плёночками её задавило», – рассказывает Маргарита Ивановна много раз слышанное от тёти Мани.

Был ли в это время жив Ритин отец? И если был – то где? В госпитале? В немецком плену? А если погиб – когда, где? Почему не значится в списках убитых? Или его просто не нашли на поле боя в военной неразберихе? Или второ-

Михаил Алексевич Корольков (справа) с боевым товарищем.
Омск. 1941 год. Из личного архива М. И. Марининой.

Письмо с войны.

пях похоронили, забыв справиться по документам? Или... версий много, и ни одного доказательства в пользу любой из них!

А орден... Вы знали, что он был награждён?

– Да, тётя Маня говорила. Мы думали, орден остался у его мамы, Ульяны Устиновны. Но оказалось, в семье ордена нет, не получали.

Могила Михаила Алексеевича Королькова не найдена. Мы с Маргаритой Ивановной снова составили запросы, приложив к ним новые сведения. Покуда вестей нет.

Маргарита Ивановна продолжает поиски как дань памяти Марии Евменовне, любимой тёте. Но и моя судьба почему-то сплелась с судьбой пропавшего без вести солдата. И пока ещё не отпускает.

Почему? Что-то я должна этому человеку. Должна за то, что благодаря таким вот солдатам я выросла в спокойном и благополучном мире. Разумеется, слова, затёртые от многократного употребления, но ведь именно так!

Но что я должна ему? Может быть, всё же обнаружится могила, или хотя бы прояснится судьба? В 2013 году нашлось место, где похоронен мой погибший в 1943 году дед. Может, и этому солдату великой войны повезёт?

А может, я просто должна сказать: жил на свете такой человек, Михаил Алексеевич Корольков. Он не хотел быть солдатом. Но началась война, и он делал своё дело по-крестьянски добросовестно. В 1944 году он пропал без вести. Не его вина, что скоро уйдут все люди, которым он был дорог.

Светлая ему память.

Письма

Михаила Алексеевича Королькова с фронта.

(Орфография и пунктуация сохранены)

1

Писал 12 VII 1942 года.

Привет с фронта Здравствуй Мария Евменовна и доч Рида Папаша и мамаша а также Настя и Надя и Нюра и Сережа Шура с приветом к вам всем Корольков Михаил А.

Я пока нахожусь жив и здоров чего и вам желаю желаю в вашей жизни и успехах. Письма я от тебя получил которое писала Настя 12 VII 42 г за которое я вас несколько раз благодарю что вы про меня не забываете. Маня ты пишешь насчет денег – я мог бы выслать. Но я уже 700 руб высылал но от (зачеркнуто) тебе 300 руб и своим 400 руб. Но ни от кого нет никакого известия получили вы их или нет. Сестренка Маня пишет что они не получали ни каких денег и ты тоже писала в (пропуск, видимо, «в письме») что не получала ни каких денег то мне охото знать точно ли это если это в самом деле так то у меня даже сомнение берет не ужели эти деньги пропали ни кто их не получили ни кто если получила то сообщи мне а так я боюсь высылать чтоб опять и эти деньги (не пропали) если ты мне не веришь что я тебе высылал 300 руб то я в следующем письме могу выслать ту квитанцию на 300 руб но ладно Маня сейчас я сообщу как я поживаю я пока нахожусь на тем же направлении около Новгорода бои идут каждый день сильные с обеих сторон но со мной пока все благополучно не знаю как дальше будет Кормят хорошо и также табаку дают а больше ничего не надо но только одно я маленько стал на уши туг от выстрелов Артиллерии и т д. но это все ни чего живой вот буду то все заживет.

Но ладно Маня сейчас я буду у тебя спрашивать какой нонешний год урожай хороший или плохой как яри и также озимый и как идёт работа в колхозе и кто с муж(чин) остался дома как в вашем колхозе так и в нашем к-з пиши нам как вы посадили чего или нет ну ладно маня на этом я заканчиваю писать своё письмо передай свой пламенный привет ж. Мане доч(ери) Риде папаше и мамаше Насте Наде Нюре Сереже и всем родным и знакомым не (неразборчиво, видимо «не обижайтесь» или «не обессудьте») что мало написалось и должна понять как на фронт(е) (неразборчиво) Пиши почаще письма тоже буду писать о чём пока могу жму руку Маня и (неразборчиво) М. Корольков 13 VII 1942 г

2

Писал 14 II 44 г.

Привет с фронта

Здравствуй многоуважаемая моя моя (*так!* – Т. Н.) жена Маня и доч Рита и тд. с приветом к вам ваш муж Корольков М я пока нахожусь жив и здоров чего и вам желаю в вашей жизни и также здоровья Маня я от вас письмо получил за которое я вам благодарен что вы меня не забываете я тоже не забуду пока жив буду

Маня, ты обижаешься на мою мать, что она плохо помогает Ладно Маня живи пока как. бо я жив буду тогда сам разберусь кто прав кто виноват а сейчас некогда разбираться я пока ещё живой здоровья моё не голосу нет сов(сем) разговариваю только шепотком так же руки болят и плохо слышу калека кругом и то духом не падаю. Маня я тебе высылал 550 руб как получишь то сообщи мне

Пока у меня все дос(...) пишу последнее письмо пойду в бой не знаю что получится ранят или убьют Извиняйся (?) что плохо писал торопился досвидания передай привет папаше и мамаше и также всем Корольков.

Николай Хоничев

Кровохлёбка

Торя к Победе крохотную тропку,
Искали дети, да во все глаза,
Траву красноголовник-кровохлёбку,
Что может кровь остановить-связать.

С сердцами золотыми, с жизнью нищей...
И мама с ними... – ту траву в лесах.
Её копают вместе с корневищем,
Используя потом в госпиталях.

Красноголовник мама собирала,
Чтоб отцвела кошмарная война,
Чтоб кровохлёбка кровь бойцов вязала,
И раны заживали бы до дна.

Я сам студентом травку эту ловко
Копал, сушил — в гербарии хранить.
Но где найти такую кровохлёбку,
Чтоб в новых войнах кровь остановить?

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Порфирий Глазырин	
13 февраля 1945-го мы вернулись с того света	5
Леонид Селиванов	
Страшно ли было на войне?	9
Н. Галанов	
Трижды раненный, похороненный, но живой	13
А. Тунгусов	
Вспомним всех поимённо	15
Н. Богомаз	
Не очерняйте прошлое	18
В. Апостолова	
Ленинградцы, гордость моя	20
Нина Киселёва	
Из истории моей жизни	23
Евгений Шанов	
Всех детей нас было восемь	34
Леонид Огородников	
Нас было четверо	38
Фёдор Бондаренко	
Если не я, то кто	44
Тамара Броновицкая	
Пусть девчонки – в атаках никто не дрожал!	53
Михаил Третьяков	
Мой танк стоял на постаменте в Берлине, как напоминание о грозном русском оружии	64
Геннадий Плеханов	
Матушка-пехота, сто километров прошёл и ещё охота!	74
Леонид Ефанов	
Хотел стать лётчиком.....	92
Алексей Заико	
Наступила оглушительная тишина, которой ни до, ни после мы больше не слышали.....	100

Николай Лененко

Нас готовили к аналитической работе, в том числе и за границей	103

Письма с фронта

Марьин Анатолий Петрович	109
Голещихин Иван Григорьевич	117

Леонтий Брандт

Молодые меня понимают	120

Иван Бычихин

И пуля меня не брала	124

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Сергей Заплавный

Парад победителей	129

Лев Пичурин

Наш генерал.....	130

Николай Серебренников

Письма В. В. Серебренникова	149

Валентин Решетько

Вернулся.....	158
День Победы	172

Вениамин Колыхалов

Из книги «В снегах глубоких».....	188
Надпись на могиле солдата	210
Штрафники	211
Ты не плачь, Ярославна	211
Рассказ гвардейца.....	212
Память	213
Рождённая в повозке.....	214
Сегодня снег искрист и колок	215
Золотая свадьба.....	216
Вечный огонь	217

Тамара Калёнова

Тыловой город.....	218

Владимир Шкаликов

Первый.....	252
Почтовый ящик	255

Отец.....	259
Парад Победы.....	261
Посвящение ВВС (Сон).....	262
<i>Сергей Заплавный</i>	
Четырежды воробей.....	264
Душа сражения.....	280
Обелиск.....	308
Генка.....	309
Баллада о художнике и соловье.....	311
Торговый праздник в Нюрнберге.....	313
У Вечного огня.....	315
<i>Владимир Крюков</i>	
Как лошадь тонула, как цыганка гадала.....	316
Мои фронтовики.....	319
<i>Геннадий Скарлыгин</i>	
Дед.....	327
Фронтовики.....	327
Калина.....	328
Затосковала мать по сыну.....	329
Крым.....	329
<i>Сергей Яковлев</i>	
На войну.....	331
Шальная пуля.....	332
Вдова.....	332
Горе.....	333
<i>Александр Казанцев</i>	
Детство мамы.....	334
Старуха.....	334
В крайней избе у реки.....	335
<i>Леонид Шелудько</i>	
Седой.....	336
А пуля летела.....	336
Русская судьба.....	337
Солдаты.....	337
Мститель.....	338
<i>Александр Панов</i>	
Я слушал землю, лёжа на земле.....	340

Кони в лентах. Выбора!	340
Я ещё на заречном лугу	341
Александр Цыганков	
Вершина	342
Часовой	342
Зарево	343
Солярный знак	343
Северное сияние	344
Елена Кириллова	
Холодная магия слова	345
Сергей Максимов	
Солдату Николаю Асадчему	346
Солдатская песня	347
Ведущий – ведомый	348
Валентина Чубковец	
Мамбаба	350
Подвиг	354
Ирина Неклюдова	
Лагерный сад в Томске	357
Светлый праздник – Девятое мая!	357
Первая фотография	358
Китель	359
Слёзы	364
Немец	366
Ноша	368
Олег Лапшин	
Отец отца	370
Николай Хоничев	
Синюха	372
О чём-то говорят, свисая с крыш, сосульки	373
Татьяна Назаренко	
Корольков Михаил Алексеевич	374
Письма с фронта	385
Николай Хоничев	
Кровохлёбка	387

Литературно-патриотическое издание

Путь памяти

*Письма с фронта и воспоминания
участников Великой Отечественной войны.
Произведения томских писателей
о Великой Отечественной войне*

Автор идеи, разработчик проекта,
редактор книжной серии –
Геннадий Скарлыгин
Редактор-составитель – *Татьяна Назаренко*
Технический редактор – *Олег Карташов*
Корректор – *Ирина Киселёва*

Выражаем благодарность автору регионального патриотического проекта «Живая Память Победы» Александру Владимировичу Панычу, журналисту областной газеты «Красное Знамя» Владимиру Ивановичу Фёдорову за участие в работе над этой книгой.

Издание Томской писательской организации.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания».

Подписано в печать 11.10.2019 г.

Формат 130×200 мм. Шрифт Cambria.

Тираж 100 экз.